Российская Коммунистическая Партия (Большев.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АГИТАТОР

НЕПЕРИОДИЧЕСКИЙ ОРГАН АГИТ.-ПРОПАГАНД. ОТДЕЛА

Гомельского Губернского Комитета Р. К. П.

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОМГАЗЕТА“.

...МЕЛЬ—1922 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Российская Коммунистическая Партия (Большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АГИТАТОР

непериодический орган агитационно-пропагандистского отдела Гомельского Губернск. Комитета Р. К. П.

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОМГАЗЕТА“
ГОМЕЛЬ 1922 г.

„Гомпечать“, типография № 1. Заказ № 3896—1500 экз. Р. В. Ц. № 860.

НАША ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

ДОКЛАД СОКОЛЬНИКОВА НА СЕССИИ ВЦИК

Товарищи, позвольте мне вначале напомнить, что на предыдущей сессии ВЦИК, когда мы обсуждали доклад наркомфина, представлялся чрезвычайно еще спорным вопрос о том, возможно ли достижение, хотя бы частичное, той задачи, которую ставила себе наша финансовая политика в первую очередь—задача стабилизации рубля. Вы помните, как выступавшие ораторы утверждали категорически, что никакая стабилизация рубля в России невозможна. Вы помните противоположное предположение, высказанное мной, что именно в тот момент, когда мы обсуждаем этот вопрос, происходит перелом и что мы вступим во временную полосу стабилизации наших бумажных денег. Т. т., ход событий за последние месяцы, между этими двумя сессиями, подтвердил мои предположения. Мы, действительно, имели в течение нескольких месяцев период относительной стабилизации цен, период некоторой стабилизации денежных знаков. И в настоящее время мы далеко не полностью вышли из этого периода, как я это постараюсь подтвердить цифрами.

Позвольте прежде коротко остановиться на вопросе о том, почему советская власть, почему комиссариат финансов борется за стабилизацию рубля, действительно ли она необходима в общих интересах нашего народного хозяйства, или же она представляет собой какую-то специфическую, ведомственную, узко-финансовую задачу, до которой много дела наркомфину, но до которой стране, пролетариату советской республики никакого дела нет? Т. т., я ставлю этот вопрос ребром потому, что в последнее время мы часто слышали из рядов товарищей, именующих себя хозяйственниками, лозунг: „к чорту стабилизацию, она нам не нужна, она нам только вредна“. И теперь, когда колебнулся курс рубля, когда отрицательное последствие этого колебания сказалось чрезвычайно болезненно, внесло в нашу хозяйственную жизнь элементы разложения, о которых мы готовы были начать забывать,—в этот момент необходимо полностью выдвинуть необходимость борьбы за стабилизацию нашего рубля и дать совершенно точный ответ на те, нужно ли это в общих интересах нашего хозяйства, или не нужно.

Товарищи, с того момента, как наше натуральное государственное хозяйство все больше и больше уступает место денежному хозяйству, когда деньги начинают вклиниваться в производство, и производство уже не может развиваться без того, чтобы не обращаться к рынку, продавая свои продукты и закупая вновь сырье,— с этого момента вопрос о правильном функционировании инструмента обмена, каким являются деньги, приобретает совершенно исключительное значение. Если на рынке, где обмен происходит в денежном выражении, деньги функционируют, как обесценившиеся деньги, то это означает постоянный паралич всех хозяйственных процессов. Крестьянин не повезет на рынок свои продукты, если он в обмен за них получит в городе бумажные деньги, которые обесцениваются в течение месяца на 100%. Суживается предложение хлеба, предложение сырья, которое идет из распыленных крестьянских хозяйств. Наша промышленность повисает в воздухе. Если промышленность продает свои продукты за обесценившиеся деньги, то она не может выпутаться из целого ряда кризисов, потому что, продав свою продукцию за обесцененные деньги, она не может восстановить запаса сырья, она нуждается в дополнительном капитале, который она не может получить, ибо его реально нет. А если

она не выбрасывает своей продукции на рынок, а задерживает ее на складах, тогда наступает кризис оборотных средств, потому что товары не реализуются, а между тем заработную плату рабочим и целый ряд других платежей нужно производить.

Таким образом, если наша бумажная денежная валюта бессильна выполнять свои функции обмена, то, поскольку денежный обмен приобретает все более решающее значение в нашей жизни, расстраивается целиком все наше хозяйство и все наилучшие производственные программы оказываются клочками бумажек.

Т.т., эти соображения показывают, что когда мы выдвигаем задачу стабилизации денежного рубля, мы в области экономической выполняем ту задачу, которая была в области политической выставлена коммунистической партией—задачу смычки рабочего класса и крестьянства, задачу нового способа хозяйственного соединения города и деревни. Но вопрос об эмиссии, который имеет ближайшее отношение к вопросу об обесценивании бумажных денег (несомненно, что новые выпуски бумажных денег, массовые выпуски являются основным моментом, который определяет обесценивание рубля)—вопрос об эмиссии, в условиях нынешнего хозяйства, получил совершенно новое значение. Рассматривать эмиссию только так, как мы ее рассматривали до 1921 г, т. е., что эмиссия, это—вид налога, очень плохого неорганизованного налога, теперь нельзя. В 1919—20 г. не существовало широкого рынка, на который бы выносила свою продукцию государственная промышленность. И когда мы выпускали бумажные деньги, то рабочие и служащие с этими деньгами обращались только на крестьянский рынок, и убыток от обесценения денег терпели только, с одной стороны, рабочие и служащие, с другой—крестьяне.

Но теперь вся наша госпромышленность, вся наша госторговля выносит свой товар на вольный рынок. И если мы тогда выпускаем в обращение триллионы бумажных денег,—то что происходит? С этими бумажными деньгами любой их держатель может придти в государственный магазин, на любой госсклад, в трест и потребовать определенное количество товара. И в этом случае наши бумажные деньги падают не только на вольном рынке, где есть предложение крестьянской продукции, но и там, где оказывается продукция госпромышленности. Если эти деньги обесцениваются, то страдает от этого не держатель, а трест, наша госпромышленность, госторговля.

Таким образом, когда мы печатаем денежные знаки, мы печатаем в сущности талоны, дающие право на получение определенной доли продукции нашей промышленности. Поэтому, если мы шутим с эмиссией, если мы не боремся за стабилизацию рубля, то это означает, что мы идем на то, что наша госпромышленность, вместо реального капитала, загружается бумажными деньгами. Это значит, что шутки с эмиссией ведут к постепенной ликвидации государственного капитала, находящегося в промышленности. Конечно, это не получится в том случае, если мы оперируем с рублем, который является более или менее пригодным для обмена, потому что тогда промышленность, получающая рубль, который не обесценивается, может выйти на рынок и восстановить запасы сырья без убытка для промышленности.

Таким образом, основным вопросом возможности продолжения производства и является стабилизация рубля. Она представляет возможность производить обмен на рынке не в условиях, которые означали бы ликвидацию, проедание государственного фонда.

Т.т., конечно, мы не в состоянии выдвинуть программу немедленного прекращения выпуска бумажных денег. Наша задача сводилась к тому, чтобы стремиться к сокращению роли эмиссии в нашем бюджете. Надо сказать, что эта задача частично удалась. Позвольте привести цифры, которые характеризуют эмиссию за этот год. К первому января 1922 года было выпущено в обращение в круглых цифрах 17 триллионов, в январе—12 триллионов, в феврале—18, в марте—32, в апреле—46, в мае—85, в июне—106, в июле—154, в августе—221, в сентябре—230, в октябре—260 триллионов. Т.т., эти цифры дают картину роста денежной эмиссии даже в период стабилизации рубля. Это и понятно: когда стабилизация рубля наступила в мае, когда явилась возможность использовать дензнаки, как знаки более или менее обладающие реальной покупательной силой, то нажим был настолько силен, что эмиссия в абсолютных цифрах продолжала увеличиваться, и результат этого, как вы знаете, сказался в сентябре.

Тем не менее за последние месяцы этого года мы можем считать, что положение начинает приобретать несколько более благоприятный характер. Нужно очень осторожно, конечно, тут говорить о более благоприятном характере, потому что все это покоится в полном смысле слова на волоске, но тем не менее некоторые, более или менее благоприятные, признаки есть.

Они заключаются в следующем. Во-первых, во втором полугодии 1922 г. рост эмиссии и в абсолютных цифрах замедляется. Если мы сравним прошлый 1921 и этот 1922 г., то мы увидим следующее: в прошлом году в июле месяце было выпущено денег на 460 миллиардов, в октябре—около 2 триллионов. Таким образом, с июля по октябрь эмиссия более, чем учетверилась. Если же мы возьмем цифры нынешнего года, то мы увидим, что в июле было выпущено 154 триллиона, а в октябре 260 триллионов. Таким образом, эмиссия не удвоилась даже и, следовательно, она растет в этом году медленнее, чем в прошлом.

Затем месяцы октябрь, ноябрь и декабрь прошлого года были месяцами колоссального увеличения эмиссии, когда она с месяца на месяц удваивалась и даже более. В этом году той картины нет. Наоборот, начиная с августа месяца, мы вертимся около цифры 200 с чем-то триллионов и по тем предположениям, которые у нас есть, вряд ли ноябрьская эмиссия окажется больше октябрьской.

Таким образом, с месяца на месяц за последнее время эмиссия перестает резко возрастать, и это дает основание предполагать, что может быть при твердой политике нам удастся избежать такого финансового краха, который был в декабре прошлого года и в январе, феврале и марте месяцах. Возможность такая есть и осуществление этой возможности зависит прежде всего, конечно, и от вас и от Совнаркома.

Товарищи, каким же образом оказалось возможным, что эмиссия в этом году не возрастает в абсолютных цифрах последние месяцы так, как она возрастала в прошлом году? Это оказалось возможным благодаря тому, что определенно растут налоги и доходные поступления республики. Здесь опять я должен с самого начала оговорить, что хотя цифры дают представление об очень значительном росте, но все-таки нам ненужно упускать из виду, что все эти цифры чрезвычайно незначительны по своему реальному значению, в особенности, если их сравнить с довоенными цифрами.

Вот у меня табличка движения государственных налогов за 1922 г. Если принять поступление налогов в январе за 100, то в феврале было собрано 258, т.-е. возрастание на 158 проц., в марте по сравнению с февралем поступление налогов дало 382, т.-е. возрастание на 282 проц., в апреле по сравнению с мартом возрастание на 214 проц., в мае по сравнению с апрелем на 238 проц., в июне на 198 проц., в июле на 129 проц., в августе на 135 проц. Таким образом, из месяца в месяц идет увеличение количества денежных знаков, поступающих в уплату налогов. Посмотрим, что это дает в индексных и золотых рублях. Мы получаем следующую картину: в январе, если считать в золотых рублях, государственных налогов поступило на 835.000 руб., а в августе—на 11.500.000 руб. Таким образом, увеличение, примерно, в 11—12 раз. Такое же соотношение получается, если мы определяем по товарному индексу и получаем увеличение, примерно, в 10 раз—с января до августа. На август поступление было исчислено в золотых рублях—11.578.000, а по товарному индексу—4.803.000. Как видите, цифра чрезвычайно незначительна сама по себе.

Кроме налога возрастал и государственный доход. Если мы сравним денежную выручку НКПС в январе месяце и выручку его же в сентябре, то картина получится следующая: в январе НКПС получил 360 миллиардов руб. выручки, в сентябре—83 триллиона выручки, т.-е. более, чем в 200 раз увеличилась его выручка. Цены же за это время возрасли в среднем в 18 раз. Таким образом, реальная выручка НКПС с января по сентябрь возрасла, примерно, в 10 с лишним раз, т.-е. процент роста такой же, как процент роста по налогам.

Что касается наркомпочтеля, его выручка растет медленнее, тем не менее и она характеризуется возрастанием. Если возьмем цифру последнего месяца, то получится такая картина: в январе месяце государственный налог и таможенные пошлины дали 24 триллиона руб. Местный налог и коммунальные доходы дали

18 триллионов руб., итого, доход государственный и местный дали—42 триллиона. Выручка НКПС в августе—66 триллионов и наркомпочтеля—3.900 миллиардов. Итого, доход и налоги в августе дали 112 триллионов, включая и местные налоги. Сентябрь дал такую картину: государственный налог—41 триллион, местные налоги и коммунальные сборы—26 триллионов, всего налогов более 68 триллионов. Выручка НКПС—83 триллиона, наркомпочтеля—5.400 миллиардов, итого налоги и доходы дали в сентябре 157 триллионов против 112 в августе. За октябрь я не могу сейчас дать цифру, так как окончательного подсчета нет, но в виду того, что в октябре месяце тарифы и ставки не пересматривались, возможно, что результат октябрьских поступлений не очень значительно будет отличаться от сентябрьских, возможно, что он составит 160—170 триллионов руб.

Эти цифры дают разгадку того, как удалось затормозить рост эмиссий. Так как денежные рессурсы составляются, с одной стороны, из эмиссии, и с другой—из поступления от налогов и денежных доходов, то чем больше растут поступления от налогов и доходов, тем меньше приходится прибегать к эмиссии. Соотношение между этими налогами и доходными поступлениями, с одной стороны, и эмиссией, с другой, в течение первого полугодия этого года развивалось следующим образом.

Отношение общей суммы денежных доходов к эмиссии составляло в январе 10 проц., т.-е. эмиссия была в 10 раз больше, чем все поступления от налогов и доходов денежного характера. В феврале это процентное отношение было 24, в марте—$33^1/_2$, в апреле—42, в мае—63, в июне—67. В июне 67, это обозначает, что в общем количестве денежных рессурсов, которыми мы располагали, эмиссия составляла $^3/_5$, а налоги и доходы $^2/_5$. На этом уровне, примерно, держалось это соотношение и в августе, сентябре и октябре. Что касается ноября, то это, повидимому, будет первый месяц, в течение которого впервые поступления от налогов и доходов сравняются с нашей эмиссией и, быть-может, ее превзойдут. Таким образом, в общем, количество денежных рессурсов, эмиссия, возможно, будет с ноября занимать уже менее 50 проц.

Т.т., один профессор, если не ошибаюсь Яснопольский, напечатал в „Торгово-промышленной газете" статью, в которой высмеивал политику стабилизации рубля и говорил: «какой смысл имеет эта политика, когда эмиссия все равно растет». Наша задача заключалась не в том, что думал этот профессор. Задача наша заключалась не в том, чтобы абсолютно приостановить всякий рост эмиссии, а в том, чтобы рост налогов и доходов шел более быстрым темпом, чем идет возрастание эмиссии, и нужно сказать, что этого нам действительно удалось добиться.

В 1921 г. выпуск денежных знаков составлял в сентябре триллион, в октябре—2 триллиона, в ноябре—3 триллиона 365 миллиардов, в декабре—7 триллионов 694 милл., т.-е. из месяц в месяц шло удвоение и даже больше, чем удвоение. Я повторяю, что эта картина необычайного усиления эмиссии в осенние месяцы прошлого года повела затем к кризису и задача наша теперь заключается в том, чтобы не допустить повторения этой картины, избежать денежного кризиса осенью и зимой предстоящего года. Это может удаться ровно в той мере, в которой будет выполняться программа собирания налогов и программа правильной организации нашего государственного хозяйства, по крайней мере, в отношении транспорта и почты, состоящих на государственном бюджете.

Как обстоит дело с транспортом и почтой я вам сейчас скажу.

Наши железнодорожные тарифы, если не ошибаюсь, не пересматривались с июля месяца. В июне мес. тарифный рубль переводился при оплате стоимости железнодорожного тарифа по коэффициенту в 2 миллиона, в то же самое время, как общий товарный индекс был, примерно, 4 миллиона. Таким образом, по железным дорогам в действительности мы провозили пассажиров за полцены и за полцены провозили груз. Тариф был установлен на уровне довоенном, но в действительности вместо рубля получали только полтинник, потому что перевод на советские рубли производился не по коэффициенту товарного индекса в 4 милл., а по коэффициенту в 2 милл. Эти тарифы оставались без изменения до самого последнего времени и только 15 октября мы пересмотрели эти тарифы в сторону некоторого повышения, а первого ноября будем еще пересматривать их тоже в сторону повышения. И несмотря на это повышение, коэффициент перевода тарифного железнодорожного руб-

ля на советские знаки будет отставать от среднего товарного и от золотого индекса. От товарного индекса он будет отставать, примерно, на 8 миллионов, и от золотого, примерно, столько же.

Что касается товарного тарифа мы продолжаем, по соглашению с НКПС и госпланом, придерживаться принципа щадить товарные грузы, поэтому грузы перевозятся и будут некоторое время перевозиться, по сравнению с довоенным временем, в 3 и 4 раза дешевле. Эта мера осуждает транспорт на дефицит и этот дефицит будет тем меньше, чем больше нам удастся тарифы транспорта держать на уровне товарного индекса. В противном случае мы приходим к безвыходному положению для транспорта.

Мы берем с пассажиров и грузов по коэффициенту 2—4 миллиона, но когда транспорт сам покупает уголь, то он обязан платить по полному товарному индексу, так как в противном случае это грозит разрушением Донбасу. Когда транспорт платит за металл, то он должен платить также по полному рыночному индексу, ибо иначе начинает гибнуть наша металлургия. Ясно, что транспорт должен брать столько же, сколько он платит сам за металл и за уголь—и на это нужно держать курс.

Еще более разительным является положение наркомпочтеля. Такса наркомпочтеля пересчитана по коэффициенту в полтора миллиона; больше того, некоторые почтовые услуги оказываются по коэффициенту в восемьсот тысяч. Все это пережитки системы бесплатности на почте, на телеграфе, на железной дороге, которые очень и очень больно бьют нас со стороны увеличения эмиссии и сказываются на всем решительно хозяйстве.

Одновременно с повышением железно-дорожных и почтово-телеграфных тарифов, которые предпринимаются нами в согласии с НКПС и НКПочтелем, мы вынуждены пересмотреть и ставки налогового обложения, в первую очередь ставки обложения косвенного. Надо сказать, что наши ставки налогового обложения не изменялись с мая месяца, между тем, как обще-товарный индекс с того времени вырос в два раза, тогда как одновременно доход в товарной цене, который идет в государственную кассу остался прежний, иначе говоря, он в два раза упал в своем реальном значении. Поэтому мы вошли в Совнарком с предложением восстановить реальное значение акцизных ставок, как они были установлены в мае месяце. Конечно, повышение акциза и постепенный пересмотр этих ставок в сторону повышения, равно как и других ставок и некоторых пошлин будет очень неудобной и тяжелой мерой, но пока мы живем с падающей и колеблющейся валютой нет другого выхода, кроме периодического пересмотра этих ставок и пошлин, в сторону их повышения для того, чтобы наши реальные поступления не падали, для того, чтобы обесценивание рубля не било наши государственные доходы и поступления от налогов.

В вопросе о повышении налоговых ставок и точно так же вообще в вопросе о взимании налогов с промышленности, нам пришлось встретиться с чрезвычайно ожесточенным сопротивлением нашей государственной промышленности. Здесь возникает вопрос, который нельзя решить в порядке дискуссии в печати или в порядке борьбы в междуведомственных комиссиях. Это вопрос, который действительно должен быть решен и в советском порядке и в порядке партийном. Должна ли государственная промышленность уплачивать налоги или государственная промышленность не должна их уплачивать? Вопрос, в конце-концов, приходится ставить именно таким образом, ибо наши промышленники полагают, что так как они—государственные промышленники, то они сами представляют собой государство и что поэтому какой же смысл в том, чтобы они, государственная промышленность, платили налоги,—кому?—государству же. Это представляется им совершеннейшим абсурдом.

На самом же деле, товарищи, эта точка зрения не выдерживает никакой критики. Наша промышленность, хотя она и есть государственная, хотя руководители трестов есть люди, которые управляют, порученным им государственным имуществом, наша промышленность не есть государство. Она не представляет собой ни государства, не представляет и рабочего класса. Промышленность должна передавать те рессурсы, которые в ней высвобождаются в государственные кассы для

перераспределения их. Промышленность не может претендовать на то, чтобы быть государством в государстве, на то, чтобы все свои рессурсы целиком использовать только для себя. На то она и есть советская промышленность, чтобы поддерживать своими рессурсами советское государство. И если мы откажемся от того, чтобы промышленность часть своей продукции вносила в государство,—спрашивается, каким же образом будет содержаться Красная армия, каким образом будет покрываться дефицит от транспорта, каким образом, будет содержаться весь советский аппарат? Тогда единственным источником доходов может остаться только крестьянство. Но совершенно ясно, что политический строй, который попытался бы так построить свою налоговую систему, чтобы налоговое обложение падало только на крестьян, такой политический строй не мог бы долго существовать и такая тенденция противоречит всей нашей теперешней партийной и советской линии. Промышленность должна производить отчисления в пользу государства. Государство перераспределяет эти отчисления и, конечно, часть их вновь направляет в промышленность. И именно, таким образом, советское государство получает возможность проводить свой хозяйственный план. Ибо как же поддержать тяжелую промышленность, как поддержать нефть, как поддержать металлургию, как поддержать уголь, если мы не будем иметь возможности из так называемой легкой индустрии, которая начинает уже несколько обростать жирком, если из этой легкой индустрии не будем иметь возможности перебрасывать определенную часть ресурсов в тяжелую индустрию.

Нужно сказать определенно, что и промышленность, и государственная торговля должны уплачивать налоги и не имеют права уклоняться от платежа налогов. Основными недоимщиками этой области, от которых поступление денег советскому государству задерживается, являются наши государственные тресты. Нужно поставить вопрос таким образом, что для нашей советской промышленности должно являться политическим долгом, долгом чести выплачивать честно налоги и своевременно, предоставляя частным промышленникам уклоняться, плутовать и т. д.

Что касается угля, то вы знаете, что уголь сейчас никаких налогов не платит. Мы никому не должны платить налог, а промышленность платит налог. Для того, чтобы успокоить тов. Сосновского, я сейчас приведу цифры. Все налоги вместе взятые, которые были взысканы с начала года, представляют по своей сумме 4 с чем то миллионов рублей. Я утверждаю, что собиранием налогов в сумме 4 миллионов рублей никак промышленность нельзя разорить. Наше налоговое обложение является при всех цифрах, которые я приводил, смешным, ничтожным, и если мы хотим, чтобы советская республика дальше существовала, то мы должны в 1922—23 г. применить совершенно иной масштаб взимания налогов. Нужно налаживать денежно-налоговую систему, без которой государство не является государством: пока оно не имеет достаточно обеспеченных источников дохода, до тех пор все висит в воздухе и Красная армия, и весь советский аппарат.

А что же получила промышленность от наркомфина, который будто бы проводил точку зрения удушения промышленности. Она получила: в одном только порядке долгосрочных ссуд с мая до начала сентября—125 триллионов деньгами и хлебом. Кроме того, через Госбанк она получила к этому же периоду, примерно, около 100 триллионов краткосрочными кредитами. Иначе говоря, примерно, около 40% всей нашей эмиссии с начала года до сентября шли для поддержки промышленности.

Вопрос об угле в особенности заслуживает внимания.

Мы подсчитали и выяснилось, что одной только непосредственой субсидией с государственного бюджета уголь в целом получил полностью оплату всей своей продукции по довоенным ценам; но кроме того, этот уголь платно продавался НКПС и другим потребителям, и эти, в свою очередь, за него платили. Таким образом, представлять себе дело так, что в кризисе нашей промышленности виноват народный комиссариат финансов, чиновники наркомфина, это значит не что иное, как вводить в величайшее заблуждение, и величайшая иллюзия думать, что один наркомфин может, путем цветных бумажек, спасти нашу промышленность. Не спасете. Вы спасете ее путем организации промышленности, путем введения учета, путем

правильной калькуляции себестоимости продуктов,—этим путем вы можете бороться с дефицитом.

Если положение в области финансов стало менее катастрофическим за последнее время, то это в значительной степени зависит от того, что в области советского аппарата удалось произвести значительное сокращение. То количество лиц которое состояло на государственном бюджете в начале 1922 г., превышало вместе с армией 6 миллионов. В настоящее время оно лишь несколько превышает 3 миллиона. Таким образом, сокращение вдвое.

Я перехожу теперь к сокращению государственных расходов. Сокращение расходов оказалось возможным, потому что был выдвинут целевой принцип. Удовлетворяются все больше и больше только такие потребности, которые признаются абсолютно заслуживающими полного своего покрытия, и избегается распыление средств. И, наконец, третья мера, которая в значительной степени позволила сократить общегосударственный дефицит, состояла в разделении местного и государственного бюджета. Эта мера, проведенная весной этого года, в момент чрезвычайного обострения финансового кризиса, вызвала чрезвычайно жестокие протесты с мест и точно также в центре со стороны ряда наркоматов, по которым расходы были отнесены на местные средства. Тогда мне выставляли то соображение, что эта передача на местные средства в действительности представляет собой просто выкидывание за борт, что те отрасли государственной работы, которые передаются на местные средства, осуждаются на гибель. В действительности, этого не произошло потому, что наоборот, передача части расходов на местные средства и передача целого ряда доходных источников местам, привела к развитию местных доходов, местных налогов, привела к организации местного бюджета, и что мы присутствуем при том зрелище, что местные доходы и налоги растут быстрее, чем государственные. В общем, в сумме налоговых поступлений, которые я перечислил за август и сентябрь, местные поступления составляют около 40%. Несомненно, что положение на местах остается чрезвычайно затруднительным, несомненно, что местам придется проявить огромную долю творчества, изобретательности, напряжения всех своих сил для того, чтобы выйти из создавшегося положения, и не подлежит никакому сомнению, что местные налоги, налагаемые на городское население, взыскиваются легче, чем взыскиваются общегосударственные, что в этом отношении местные исполкомы могут добиться больших результатов, так как налоги приобретают в большой степени целевой характер. Трудно было бы обложить крестьян общегосударственным подворным денежным налогом. Деньги идут в Москву, неизвестно на что. Но когда взимается местный налог, и деньги идут в пределы губернии на удовлетворение местных нужд, то эта система оправдывает себя финансовыми поступлениями.

По тому квартальному бюджету, который рассматривается в Совете Народных Комиссаров, на местные нужды относится дополнительно к тому, что раньше было передано, содержание милиции и содержание учительского персонала в школах первой ступени. Вместе с тем местам передаются и новые доходные источники от вводимых новых налогов, о которых я буду еще дополнительно говорить. Товарищи, здесь же я бы хотел отметить один вопрос, который приобретает политическое значение. А именно: толкаемые потребностью в деньгах, местные исполкомы, сплошь и рядом, вводят свои самостоятельные налоги и сборы, которые никем не утверждены и не разрешены. Это положение таит в себе величайшие опасности, так как связано с величайшей налоговой анархией на местах. В одной из северных губерний исполком ввел 22 непредусмотренных никем местных налога. На Украине, в правобережных губерниях, как сообщают, самочинные местные налоги сделали жизнь совершенно невозможной. Мы рискуем вызвать чрезвычайное недовольство широчайших трудящихся масс, если будет развиваться налоговый произвол. Налоги на местах могут вводиться только те, которые утверждены специальным списком, принятым ВЦИК. Если места предлагают новые налоги, то для введения их нужно предварительно получить разрешение центра. Это дает известные гарантии против того, что на почве развития местных налогов, мы не натолкнемся на крупнейшие политические осложнения.

Каковы перспективы нашего государственного бюджета на предстоящий год? В настоящее время мы можем это более точно определить, чем это было на 1922 год. Первый бюджет, утвержденный с'ездом советов, предусматривал годовой бюджет в 1.800.000.000 р. Второй, ориентировочный бюджет, предусматривал всего 1.200.000.000 р. Эти цифры являются преувеличенными. Надо совершенно трезво смотреть в лицо действительности и сказать, что реально больше, чем один миллиард золотых рублей или один миллиард индексных рублей—как угодно—мы в своем распоряжении иметь не будем. И нужно по этой одежке протягивать ножки, так как абсолютно ничего сделать нельзя, раз реальные поступления, включая и доходы от эмиссий, не могут дать ни в коем случае свыше одного миллиарда, точнее— 900 миллионов рублей. Товарищи, бюджет первого квартала, который проходит теперь через Совнарком, предусматривает общий итог доходов и расходов в 180 миллиардов рублей в денежных знаках 1922 года, или, выражаясь в честных, советских квадраллионах, это составит один квадраллион восемьсот триллионов рублей. Этот квадраллион 800 триллионов рублей приходится на три месяца. Если их перевести по нынешнему реальному курсу золота или по индексному коэффициенту, то это составит 250 миллионов рублей на золото. Таким образом, первый квартал подверждает эти предположения. Двести пятьдесят миллионов на квартал как раз дадут один миллиард в течение целого года.

При составлении квартальных бюджетов и при исполнении наших месячных бюджетов, для нас каждый раз основным вопросом является вопрос о фонде заработной платы, ибо, прежде всего, приходится следить за повышением цен продуктов, потребляемых рабочими. Нужно сказать, что по сравнению с маем месяцем, реальное значение фонда заработной платы в нашем бюджете возросло более, чем вдвое. Заработная плата рабочих, которые состояли на госбюджете, если взять денежное ассигнование и продовольственное, составляла в мае около 30 триллионов рублей. На октябрь месяц фонд заработной платы составлял около 120 триллионов, т.-е. увеличился в 4 раза; между тем, индекс за это время поднялся всего в 2 раза. Таким образом, реальная ценность средств, которые государство отпускает служащим и рабочим, состоящим на государственном бюджете, увеличилась вдвое. Она в действительности увеличилась более, чем вдвое, благодаря тому, что одно время шло сокращение числа служащих и рабочих, которые оставлены на государственном бюджете.

Позвольте тут же вам сообщить о мерах, которые мы предполагаем предпринять, вернее, о попытках, которые мы думаем сделать для того, чтобы застраховать рабочих от обесценения бумажных денег, получаемых ими в виде заработной платы. Как всем известно, в особенности в момент колебания курса рубля, деньги получаемые в виде заработной платы, терпят известное обесценение. Мы предполагаем организовать—вначале в небольших размерах, в крупнейших пролетарских центрах—сберегательные кассы, которые бы давали рабочему возможность вносить туда заработок, чтобы, в случае обесценения советского рубля, по отношению к бюджетному индексу рабочего, он получал его из этой сберегательной кассы в увеличенном размере, т.-е. получал бы денежные знаки в соответствии с реальной стоимостью предметов продовольствия, и вообще потребления, входящих в бюджетный индекс рабочего. Конечно, можно указать, что заработок рабочего не настолько велик, чтобы он мог откладывать его в эти сберегательные кассы. Но тут дело идет не о том, чтобы действительно сберегать, а о том, чтобы рабочий мог полученную заработную плату не выбрасывать сразу на рынок, в то же время не рискуя обесценить откладываемую часть денег, таким образом, в смысле политики, направленной к удержанию реальной заработной платы рабочих, эти меры могут дать свои полезные результаты.

Товарищи, бюджет на 1922—23 г. г., как я говорил, может составить примерно 900.000.000, максимум—миллиард золотых рублей. Как же можно расчитывать покрыть эти расходы? В первую очередь надо указать на продналог, во вторую очередь на денежные налоги, затем на денежные поступления от транспорта, почты и телеграфа, от лесных доходов и, наконец, от кредитных операций.

Позвольте прежде всего остановиться на продналоге, на значении его в нашем государственном бюджете. Благодаря урожаю в этом году, продналог выполнен

крестьянством в большей мере, чем он был выполнен в прошлом году. Но для нашего государственного бюджета от этого не проистекает никаких облегчений, потому что урожай одновременно повел к падению хлебных цен, так как, если брать стоимость хлеба и ценность продналога в бюджете, выраженную в денежных знаках, то несмотря на урожай и на увеличение поступлений от продналога, возможно по сравнению с прошлым годом уменьшение значения продналога, по его денежной стоимости. Мы имеем здесь пример падения не только бумажной денежной валюты, но и пример обесценивания хлебной валюты. Хлеб тоже может обесцениться, и поскольку продналог внесен обесцененным, по сравнению с прошлым годом, хлебом, наш государственный бюджет от этого потерял. Тем большая необходимость у нас увеличить долю денежных налогов, и НКФин внес в СНК предложение о введении новых прямых налогов, ибо в этом году, наравне с косвенными налогами, необходимо ввести и прямые налоги, перенося постепенно на них центр тяжести, и в числе этих прямых налогов мы повторяем общегражданский налог, который в этом году будет иметь своим назначением не борьбу с голодом, а поднятие сельского хозяйства, причем распределение поступлений от него предполагается таким образом, что часть пойдет в распоряжение последгола, часть в распоряжение НКЗема, значительная часть пойдет на организацию с.-х. кредита и, наконец, некоторая часть будет отчислена на местные нужды.

Кроме общегражданского налога предположен к введению подоходно-поимущественный налог. Этот подоходно поимущественный налог должен упасть на доходы, которые до сих пор не облагались: в особенности в городах они ускользали от обложения,—на доход лиц свободных профессий—врачей, адвокатов, литераторов и т. д., на буржуазную городскую интеллигенцию, которая до сих пор никаких налогов не платила.

С другой стороны, на комиссионеров-посредников, наконец, на служащих, которые получают высокие оклады. Сверх известного оклада начинается и взимание подоходного налога. Этот подоходно-поимущественный налог распространяется только на города, он не распространяется на деревни, так как в деревне введен и действует подворно-денежный налог, который представляет из себя вариацию подоходно-поимущественного налога. Ставки этого подоходно-поимущественного налога взяты небольшие, взяты так, вполне сознательно, потому что введение этого налога, его осуществление—вещь необычайно трудная, и никоим образом нельзя расчитывать, что в течение 1-го же года нам удастся полностью получить от этого налога все, что он может дать. Надо составить списки плательщиков, нужно учитывать доходы, имущество, все это—работа чрезвычайно трудная, которая требует много времени. Если бы ставки были очень высокие, то мы встретили бы чрезвычайно большое сопротивление. Потому мы считаем необходимым ввести небольшие ставки, тем более, что первое время техническое взимание будет несовершенно, возможны чрезвычайные ошибки, злоупотребления. Но есть другой—более спорный вопрос, связанный с подоходно-поимущественным налогом. Он состоит в том, нужно ли вводить подоходно-поимущественный налог или только подоходный. На параллельно идущем на Всероссийском с'езде финансовых работников раздавались голоса за то, чтобы ввести этот налог только как подоходный, чтобы имущество не облагать. Я считаю это неправильным, да и с'езд отверг такого рода точку зрения. С одной стороны, старая буржуазия распродала часть своего имущества и ее доходы как раз выражаются в том, что она постепенно ликвидирует это имущество, но и новая буржуазия все свое накопление и доходы обращает в имущество и, таким образом, не облагать имущество было бы мерой, которая дала бы возможность и новой и старой буржуазии укрыться от всякого обложения. Конечно, подоходно-поимущественный налог никоим образом не должен вылиться в контрибуцию. Он не должен повести в своем применении к массовым облавам, обыскам и т. д. Если таковые будут при взимании этого налога, он сорвется и результата не даст. Нужно вводить его организованным путем, привлекая к участию силы советские и партийные, но во что бы то ни стало, сохраняя характер организованного и планомерного проведения.

Товарищи, в области кредитных операций позвольте мне прежде всего в двух словах указать, что я считаю попытку первого хлебного займа в общем и целом

удавшейся. Те сведения, которые у нас есть, показывают следующее. Во первых, все облигации этого займа разошлись.

Из них 85% всего займа разошлось до того, как взимание продналога приняло широкий характер, и заем сохранил характер кредитной операции. Когда началось взимание продналога, курс облигаций быстро поднялся, и в последнее время они вместо выпускного курса в 3.800.000 продавались по курсу 5.800.000 и выше. Крестьянство, которое вначале не доверяло этим облигациям хлебного займа, ознакомившись, проявило тяготение к ним, и в 1923 году можно будет повторить эту операцию хлебного займа раньше по сроку и в больших размерах, чем это было сделано в этом году.

Перспектива займов, которую мы имеем на 1922—23 год, чрезвычайно скромная. Ни о каких крупных, заграничных займах не приходится говорить. Их нужно снять совершенно со счета. Может быть что-нибудь выйдет, но если выйдет, это не может заранее входить в наш расчет. Мы предполагаем попытаться произвести в ближайшее время самостоятельные кредитные операции в небольших размерах. Выпуск выигрышного займа предположен в 100 мил. руб. золотом, причем билеты этого займа будут из 6 проц. годовых, и, кроме того, выделяется выигрышный фонд в 10 миллионов золотом. Проценты и выигрыши по этому займу заграницей выплачиваются в золоте или в соответствующей иностранной валюте по золотому паритету, а внутри России—в советских знаках по текущему курсу золотого рубля. По истечении 5 лет начнется погашение займа. Тираж с выигрышами начнется с 1923 года и, если не ошибаюсь, первый тираж назначен на 1 мая. Как удастся реализация этого займа, конечно, сейчас трудно сказать, но возможно, что и внутри России, а, может быть, частично и вне России—заграницей—размещение его окажется возможным, и тогда эта операция себя оправдает. Но как бы то ни было, она нам необходима, потому, что рано или поздно государственный кредит должен быть у нас, и нужно начать это делать сейчас, хотя бы в виде первых небольших опытов.

Товарищи, я хотел бы в заключение указать на связь между состоянием наших финансов, с одной стороны, и состоянием нашей торговли, с другой. Эта связь становится все более чувствительной. Мы не можем теперь, как в 1919 году, представлять себе, что наше хозяйство будет целиком автономным хозяйством, хозяйственно замкнутой и хозяйственно изолированной страны. В 1919 г. было естественно представлять себе, при политическо-экономической блокаде, что все, что нам нужно, мы будем производить сами, и что мы будем все решительно отрасли промышленности, какие только возможны, развивать у себя внутри страны. В настоящее время, конечно, совершенно бесспорным является то, что мы вступаем в систему международного разделения труда, и что не имеет смысла производить у себя то, что нам здесь производить выгодно, а выгоднее ввозить из за-границы. Мы идем навстречу все большей и большей связи, навстречу все большей зависимости от международного рынка. На это не нужно, ни в коем случае, закрывать глаза. Но, товарищи, наша зависимость от международного рынка отягощается тем обстоятельством, что наша промышленность, некоторые основные отрасли нашей промышленности начинают нуждаться в сырье, которое они могут получить только из-заграницы. В особенности нам необходимо остановить общее внимание на положение нашей текстильной промышленности, не только на положение металлургии и угля, но и на положении нашей текстильной промышленности, которая работала раньше на туркестанском хлопке, а теперь, ввиду того, что посевы хлопка в Туркестане приняли совершенно недостаточные размеры, наша текстильная промышленность должна будет работать на привозном хлопке, и этот хлопок придется оплачивать либо золотом, либо соответствующим вывозом из советской России. Я не думаю, чтобы среди вас нашлись сторонники того, чтобы попытаться решить задачу обеспечения текстильной промышленности хлопком путем вывоза нашего золотого фонда. Мы, конечно, могли бы его на это дело употребить. Его хватило бы, на определенное время, а дальше мы остались бы без всякого золотого фонда, т.-е. без всякой возможности, какие бы то ни было, другие наши потребности удовлетворять путем закупки заграницей и без всякой возможности и перспективы урегулировать наши денежные отношения внутри страны.

Товарищи, конечно, никто не может с особенной симпатией относиться к тому, что нам нужно вывозить, но если хочешь ввозить, то нужно обязательно что-нибудь вывозить. Поэтому, задача организации нашего экспорта ставится на очередь дня, как основная хозяйственная задача. Чтобы мы могли быть уверенными, что наша текстильная промышленность через несколько месяцев не остановится; чтобы мы могли быть уверенными, что центрально-промышленный район, который поддерживает Москву, который является основной базой советской России,—что он не умрет: чтобы все это не случилось, нам нужно организовать экспорт. У нас пропадает бесконечное количество сырья. У нас не утилизируется целый ряд продуктов сельского хозяйства. Спасение для нашей промышленности заключается в том, чтобы был восстановлен сырьевой экспорт; и, с другой стороны, для нашего крестьянского хозяйства вопросом жизни и смерти является развитие его товарного экспорта, ибо наша промышленность не будет в состоянии удовлетворить полностью все запросы крестьянского хозяйства. Если наш экспорт не будет развиваться в соответствующей степени, если мы не сможем организовать в крупных размерах нашу внешнюю торговлю, если мы не сумеем обеспечить в короткий срок ее быстрого развития, то нас начнет бить финансовый кризис и, с другой стороны, ибо потребность в том, чтобы получить мировую валюту, будет вести к тому, что советские деньги будут отдаваться за любую цену нашими трестами и нашими торговыми предприятиями, лишь бы получить некоторое количество долларов и стерлингов. Результатом этого может быть падение нашей валюты. Эту перспективу мы должны иметь в виду. Чтобы избегнуть ее—нужно организовать внешнюю торговлю так, чтобы она справлялась с растущей потребностью страны. Итак, если мы выполним эти основные задачи, т.-е. будем вести твердую линию по отношению непроизводительных государственных расходов эмиссии; если мы будем неуклонно добиваться рациональной организации государственной промышленности и торговли; если осуществим максимальный нажим на денежные налоги; если сумеем удачно организовать нашу систему внешней торговли,—тогда в течение этого года мы добьемся существенных успехов в нашем финансовом положении. И несмотря на то, что нам было отказано в займах, несмотря на это, наше финансовое положение будет неизмеримо лучше, чем год тому назад, и мы сможем с уверенностью сказать, что нами подведена финансовая база под советское государство, без чего это государство не может считаться созданным и укрепленным.

ДЕНЕЖНЫЕ НАЛОГИ И ФИНАНСОВО-НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА

Доклад члена коллегии НКФ. тов. А. О. Альского.

Товарищи, мой доклад неправильно озаглавлен в повестке дня*). В тезисах, представленных мною товарищам по коллегии и принятых ими доклад озаглавлен: «денежные налоги и финансово-налоговая политика». Таким образом, я ставлю свою тему шире—в плоскости политики, отнеся вопрос о рационализации налогов к работам секции. Товарищи, вы помните, верно, что в работе Наркомфина было два периода еще правильнее—три периода. Первый период—когда рабочий класс, захватив власть, проводил по инерции в области налогов политику прежней власти; потом, когда общий курс политики так называемого «военного коммунизма» в достаточной мере определился, в финансово-налоговой работе произошел перелом, закончившийся ликвидацией денежных налогов и налогового аппарата; наконец, после провозглашения НЭП а начинается третий период—восстановления денежных налогов и налогового аппарата. Денежные налоги в настоящее время являются для нас как бы совершенно новой работой.

После Октябрьской революции Советской властью был проведен один только чрезвычайный революционный налог. Этот налог отвечал тогда общему курсу политики экспроприации экспроприаторов. Чрезвычайный налог, как вы помните, тогда

*) В повестке С'езда доклад т. Альского был озаглавлен: Налоговая политика и рационализация системы обложения.

сорвался; после этого наш налоговой аппарат стал все более и более хиреть и замирать, его рабочая сила стала распыляться, но это не значило, что Советская власть отказалась от всякой налоговой политики. Нет, Советская власть проводила налоговую политику, но политика эта шла в направлении натурналогов, кроме того, она широко пользовалась эмиссией. Эмиссия, товарищи, тоже налог, но налог самый худший, самый вредный. Вы знаете, что после захвата рабочим классом власти, когда ему в процессе борьбы пришлось ломать машину прежней государственной власти, когда ему пришлось в процессе борьбы полностью экспроприировать буржуазию, чтобы уничтожить ее экономическую силу в тылу гражданской войны,— в это время у государства не было другого источника для покрытия своих расходов, кроме печатного станка, кроме эмиссии. Мы могли тогда наиболее легко использовать только этот источник средств, поскольку эмиттировавшиеся денежные знаки имели определенную ценность, поскольку ими мы могли извлекать с рынка определенное количество реальных ценностей. До утверждения политики продразверстки, мы путем эмиссии извлекали средства на содержание государства, на финансирование нашего хозяйства и гражданской войны.

Эмиссия после определенного момента, как неоднократно указывалось и в прессе и как указывал во вчерашнем докладе тов. Сокольников начинает играть отрицательную роль. Эта роль особенно ярко стала сказываться после перехода к новой экономической политике. При прежней экономической политике, выпуская в обращение все новые и новые пачки денежных знаков, мы как-бы выбрасывали их из нашего замкнутого социализированного хозяйства в мелко-буржуазное окружение,—деньги проделывали оборот от печатного станка через карманы рабочих в крестьянское хозяйство. Там они застревали. Обратного притока денег в государственные кассы не было. И так путем эмиссии государство помимо натурналогов получало извне добавочные рессурсы. Кроме того, эмиссия сыграла тогда еще одну роль,—выпуская новые и новые пачки денег, и обесценивая, таким образом, всю массу обращавшихся тогда денег, мы ослабляли финансовую мощь буржуазии в тылу гражданской войны и содействовали, таким образом, Красной армии, ведшей борьбу на фронте гражданской войны.

После провозглашения НЭП-а, когда мы перешли к товарному хозяйству, когда наше хозяйство должно было использовать методы, формы и способы капиталистического ведения хозяйства, когда наше хозяйство должно было войти в теснейший контакт с рынком и через рынок и на рынке сбывать продукты своего производства и оттуда же получать сырье,—здесь все отрицательные стороны эмиссии обернулись против нас. С этого момента эмиссия, как налог стала всей тяжестью ложиться на рабочих и служащих. Положение рабочих и служащих, получающих за свой труд фиксированный заработок, ухудшается вследствие обесценения денежных знаков и понижения, таким образом, реальной заработной платы; в то же время, другие слои населения, занимающиеся непроизводительным трудом, слои и группы, которые нам наиболее враждебны, жонглируя на торговом рынке, то товаром, то деньгами, могут обезопасить себя от этого вредного налога. Эмиссия настигает кроме рабочих и крестьянскую массу. В настоящее время нам, нужно отказаться от эмиссии, поэтому мы должны изыскать другой источник, откуда государство могло бы черпать необходимые ему средства.

Товарищи, вы, верно, следили за нашей борьбой, за признание необходимости введения денежных налогов. Нам часто говорили, что эмиссия есть тоже налог, что мы хотим ввести новые налоги, быть может более совершенные, но что это означает расширение бюрократического аппарата, против которого ведется ожесточенная борьба и в центре и на местах. Этот вопрос уже достаточно набил оскомину, тем не менее до сих пор мы встречаемся с такой аргументацией. Поэтому нам приходится и здесь так долго останавливаться на этих вопросах. Здесь на с'езде нужно раз и навсегда с этим покончить. Денежные налоги имеют другое значение. Денежные налоги сразу придают деньгам значение обязательного платежного средства, они создают спрос на деньги, они увеличивают значение денег в хозяйстве, они содействуют восстановлению денежного хозяйства, кредита и др. Необходимость уплатить налог в пользу государства приучает каждого к мысли, что восстановление хозяйства, удовлетворение культурных и других запросов страны возможно только

тогда, когда каждый гражданин будет отдавать некоторую долю своих средств государству, которое использует их в общественных интересах. Чтобы уплатить налоги, каждому приходится или отчуждать некоторую часть из своих сбережений, или дополнительно затрачивать энергию на добычу тех средств, которые нужно отдать государству; поэтому каждому приходится вводить новые более усовершенствованные приемы в процесс своего труда. Денежные налоги имеют, таким образом, и некоторую воспитательную роль. При помощи денежных налогов государство далее может проводить определенную социальную политику, при помощи денежных налогов мы можем настигать те элементы и группы населения, которые больше имеют, и поэтому должны больше отдать и государству. Путем проведения соответственной программы денежных налогов можно влиять на развитие в том или ином направлении и нашего хозяйства; увеличением или понижением налоговых ставок можно в некоторой степени способствовать перемещению капитала из одной отрасли хозяйства в другую. Но при проведении денежных налогов вам приходится сугубо считаться с тем положением вещей, которое мы имеем в результате империалистической и гражданской войны, с страшной экономической разрухой и, в частности, страшной разрухой государственного хозяйства, с тем, что население за эти семь лет отвыкло платить денежные налоги, что у нас нет налогового аппарата. Ведь как раз накануне провозглашения новой экономической политикой, нам предложено было ВЦИК-ом приостановить взимание даже недоимок по денежным налогам и распустить финансово-налоговой аппарат.

Теперь при составлении финансово-налоговой программы приходится считаться со всем этим. Благодаря политике всеобщей конфискации и национализации произошла известная нивеллировка населения и теперь трудно выявить об'екты обложения, они от нас ускользают. Считаясь с недостатком рессурсов у Государства, считаясь с необходимостью извлечь путем налогов достаточные для удовлетворения минимальных государственных нужд рессурсы, нам пришлось остановиться на таких налогах, которые наиболее легко можно провести и которые легче взимать. Мы остановились на косвенных налогах. Косвенные налоги наиболее легко взимаются, так как они являются прибавкой к цене продукта, кроме того требуется лишь своевременно учесть под'акцизный продукт или товар. Путем проведения косвенных налогов можно легче всего обеспечить государству поступление необходимых ему средств, так как здесь весь вопрос заключается в выборе об'ектов обложения, в организации аппарата учета под'акцизных товаров и в организации аппарата взимания налогов. Мы с калейдоскопической быстротой провели законодательство по косвенному обложению. Я думаю, что вы, товарищи, согласитесь с нами, что косвенное обложение, несмотря на все свои несовершенства, для нас более приемлемо, чем эмиссионный налог.

Но чем, если мы подойдем к косвенным налогам с точки зрения той программы, которую призвана осуществить Советская власть, если мы подойдем к рассмотрению их экономического значения, если мы посмотрим на кого они ложатся, мы должны будем сказать, что косвенное обложение нас не удовлетворяет. В самом деле, ведь косвенный налог есть прибавка к цене продукта, он удорожает продукт, он делает его менее доступным для тех, кто живет на фиксированный заработок, он сокращает, таким образом, потребление под'акцизных товаров со стороны наиболее несостоятельных слоев населения. Косвенные налоги сокращают долю участия рабочего класса в распределении национального дохода. Косвенные налоги в этом отношении меньше затрагивают более состоятельные группы населения. Им легче перенести некоторое удорожание товаров вследствие прибавки к цене товара акциза. Косвенными налогами нельзя осуществлять никакой социальной политики, потому что косвенные налоги входят в цену продукта, который распределяется между отдельными группами и классами населения на рынке, где не может быть в этом отношении вмешательства со стороны государства. По этим соображениям косвенные налоги нас не удовлетворяют. Правда, все поступления от косналогов идут в казну пролетарского государства, правда, все эти поступления расходуются в первую очередь на удовлетворение нужд рабочего класса, однако, для нас совершенно неприемлемо, чтобы финансово-налоговая политика Советской власти в той или другой степени сокращала долю рабочего класса при распределении национального

дохода. Мы, конечно, не отказываемся, и в ближайшее время не откажемся от проведения косвенных налогов, но мы не должны закрывать глаза на несовершенства этого обложения. Поскольку в области косналогов мы имеем уже некоторые достижения, поскольку мы успели уже в общих чертах сколотить аппарат по косвенному обложению, мы должны, не ослабляя нажима в этой области, направлять теперь свое внимание в сторону прямого обложения. Мы сможем полностью осуществить путем проведения налогов свою социально-экономическую политику только тогда, когда проведем соответственную программу прямых налогов: подоходно-поимущественного в городе и подворно-денежного в деревне, налоги на роскошь и др. До сих пор в области прямого обложения нами проведен один только промысловой налог, и притом в крайне несовершенной, или даже, если хотите, в грубой форме. Мы не должны строить себе иллюзию, что на другой день после введения денежных налогов, мы создадим совершенную систему обложения. В течение одного года нам пришлось четыре раза пересматривать положение о промысловом налоге, так как вначале спекулянт не верил, что мы проводим НЭП „всерьез и надолго". Нам приходилось наблюдать, как он выходил на рынок, с таким количеством товара, что если бы кто-нибудь крикнул „ЧК идет", он схватил бы весь свой товар в охапку и поминай как звали; потом все увлеклись НЭП-ом, и все стали торговать всем. Теперь переход на товарное хозяйство—совершившийся факт, мы уже наблюдаем у некоторых групп населения некоторый процесс накопления. При такой быстро меняющейся обстановке трудно было проводить какие бы то ни было прямые налоги. По мере дифференциации торговли, по мере выявления экономических связей, по переходе ее к более оседлым формам, приходилось пересматривать положение о промысловом налоге. Пока это единственный налог, который мы провели. До сих пор мы не можем еще провести нашей программы прямого обложения. У нас нет еще нужного аппарата по прямому обложению, у нас мало квалифицированных сил, кроме того пришлось считаться с существующими прямыми натуральными налогами. Ныне, когда на наших глазах совершается перелом в отношении финансово-налоговой работы, когда и партия и профсоюзы и весь аппарат Советской власти начинают мало-по-малу нам помогать, когда у нас имеется уже и кой-какой опыт прямого обложения, когда наш аппарат начинает уже в некоторой степени комплектоваться рабочей силой и мы начинаем находить в нем точки опоры, мы должны осуществить намеченную нами программу прямого обложения—провести подоходно-поимущественный налог в городе, подворно-денежный налог в деревне (этот последний налог должен будет явиться в дальнейшем той губкой, которая впитает в себя и натурналоги по мере их отмены) и общегражданский на улучшение сельского хозяйства.

Наше прямое обложение было до сих пор, и в ближайшее время будет по необходимости крайне несовершенным или даже грубым. Это, конечно, неприятно, как неприятны будут нарекания и со стороны об'ектов обложения и со стороны наших хозяйственников, и вообще хулителей, но все же нам придется перенести центр тяжести нашей финансово-налоговой работы из области косвенного обложения в область прямого обложения. С'езд всем своим авторитетом должен заявить, что он учитывает все трудности, с которыми придется встретиться при осуществлении программы прямого обложения, но что все же нужно, не ослабляя нажима в области косвенного обложения, перейти к системе прямого обложения.

Путем прямых налогов, наиболее трудно организуемых и взимаемых, мы можем проводить определенную социально-экономическую политику. Путем проведения политики прямых налогов мы можем увеличить долю рабочего класса в национальном доходе, мы можем срезывать в пользу государства и высокие прибыли отдельных групп предпринимателей и спекулянтов и высокую ренту земледельца, находящегося почему-либо в особо выгодных условиях землепользования. Имея определенную систему прямого обложения, имея систему налогов, приуроченных к определенным хозяйственным циклам, можно вызвать и оживление товарооборота между городом и деревней. На пути осуществления программы прямого обложения мы встретим больше трудностей, чем в области косвенного обложения, мы встретим большее сопротивление со стороны налогоплательщиков, будь он красным про-

-мышленником или торговцем—спекулянтом. Чем трудней и напряженней будет обстановка нашей работы, чем больше трудностей мы встретим, тем почетнее будут наши достижения. Чтобы облегчить себе трудности, с которыми мы встретимся при осуществлении нашей финансово-налоговой программы, чтобы добиться успехов и в области прямых налогов, нам нужно опереться на мощь всего советского аппарата, нам нужно привлечь к своей работе и наиболее сознательных рабочих, нам нужно вызвать под'ем и энтузиазм как в нашей собственной среде, так и среди членов партии и профсоюзов, которых на эту работу ныне бросают. Нам придется столкнуться с целым рядом трудностей и в городе и в деревне, но в городе они будут отличны от трудностей в деревне. Нам придется изучать каждого отдельного об'екта, подходить к нему со всей осторожностью, чтобы не зарезать той курицы, которая может приносить нам золотые яйца.

Мы все время старались и будем впредь стараться привлечь к формированию финансово-налогового аппарата прямого обложения местные силы, исполкомы, и другие организации. Для этого мы заинтересовываем их деловыми отчислениями от поступлений прямых налогов. Мы, напр., к государственному промысловому налогу прибавили 100% начисления в пользу мест, но этого мало, мы от поступлений государственного промыслового налога отчисляем на усиление доходов по местному бюджету еще 75%. Все поступления по недоимкам общегражданского налога, которые весьма значительны, мы тоже передали местам на усиление местных средств. Подворно-денежный налог проведен, как налог местный. Таким образом мы пытаемся заинтересовывать места.

Местные советы и исполкомы, все местные работники должны помочь нам в организации и формировании финансово-налогового аппарата, который нужен и государству и местам для проведения и взимания налогов. Этой политикой мы кое чего уже добились, наш аппарат в общем уже воссоздан на 50%, но этого, конечно мало, надо добиться восстановления его в полных 100%.

Я должен здесь опять возвратиться к косвенным налогам. Их ни в коем случае нельзя проводить как местные; мне кажется, что нельзя даже делать отчислений с них в пользу мест. Косвенные налоги являются прибавкой к цене товаров. Мы заинтересованы в увеличении товарного оборота в стране. Если бы мы провели косвенные налоги как местные, то создали бы чрезвычайную черезполосицу на товарном рынке в виде разницы цен на продукты в разных местах. Если бы даже мы отчисляли известную долю от поступления косвенных налогов в пользу мест, то они, будучи в них заинтересованы, задерживали бы в обеспечение своей доли под'акцизные товары, чем мешали бы процессу свободного движения товаров на рынке. Такая политика таит в себе много опасностей, она может нанести колоссальный ущерб торговле и промышленности. Если в области прямого обложения мы легко идем на прибавки и отчисления в пользу мест, то в области косвенных налогов такая политика вредно отразилась бы на развитии нашего рынка.

Наша финансово-налоговая политика и практика, по необходимости должна быть в настоящее время несовершенной и даже грубой. Мы провели целую массу налогов—одних только акцизов у нас уже 16 и мы проэктируем еще новые — на сахарин, стекло и др. Конечно, каждый понимает, что нам выгоднее сконцентрировать все свои скромные силы и скудные средства на 2—3 налогах, что нам не выгодно распылять их на проведение множества самых различных налогов и акцизов, но нынешняя экономическая обстановка такова, что мы вынуждены итти на множественность обложения. Только таким образом мы нащупаем об'екты обложения и те виды налогов, на которых придется в дальнейшем остановиться. Поскольку за время революции произошла экономическая нивеллировка населения, поскольку у нас нет еще торгового аппарата, нет достаточно выявившихся экономических связей, постольку до сих пор нельзя еще выявить об'ектов обложения,— мы вынуждены проводить множественность налогов. Осуществляя политику множественности налогов государство сможет всесторонне охватить налого-плательщика и получить от населения те средства, которые ему необходимы. На множественности налогов мы сможем сформировать нашу налоговую армию и научить ее маневрировать в сложной обстановке нынешнего момента. Система многих налогов взаимно корректирующих и дополняющих друг друга должна с разных сторон

охватить налогоплательщика, лишить его возможности уклоняться от исполнения его податных обязанностей, кроме того по времени взимания они могут быть приурочены к разным хозяйственным циклам. Проводя по необходимости множественность обложения из центра, мы не можем и не должны допускать под этим же флагом „налоготворчества", налоговой анархии на местах. Мы должны предостеречь места от тех крайностей, в которые они впали. Местный бюджет дифицитен, местное хозяйство разрушено, поэтому местные работники идут по пути наименьшего сопротивления, по пути проведения целого ряда местных налогов, которые не только не согласованы с финансово-налоговым планом республики, но которые прямо таки носят на себе печать комизма, например, бездетные должны платить особый налог или чайные и рестораны должны бесплатно кормить исполкомовских служащих и „советских барышень" (и такие случаи у нас бывали). Такая практика может иметь плохие политические последствия, поэтому стоя за необходимость проведения целого букета налогов из центра мы должны еще и еще раз раз предостеречь места от проведения множественности (в ковычках) налогов на местах. Места имеют выход: мы предоставили им право возбуждать вопросы о проведении тех или иных налогов, которые в условиях данной местности по их соображениям можно провести. Вы сами знаете, что обоснованные представления мы удовлетворяли в полной мере, если они хоть кое как согласовывались с общефинансовым-налоговым планом.

В настоящее время со всех сторон идет крик о чрезмерности обложения. Этот крик дезориентирует всех, даже наш собственный аппарат на местах. Крик этот, конечно, ни на чем не основан. Если можно еще говорить о тяжести обложения в отношении деревни, в отношении крестьянства, где проводятся и натуральные и денежные налоги, то в отношении нашей промышленности и торговли, говорить о чрезмерности обложения вовсе уже не приходится. По вопросу о чрезмерности обложения вы, работники мест, имеете цифры каждый по своему району и вы сами могли бы дать ответ всем нашим хулителям. Я все же приведу некоторые цифры, которые весьма характерны. Вся торговля и вся промышленность уплатила за 9 месяцев истекшего бюджетного года промыслового налога и уравнительного сбора с надбавкой %%, которые идут в пользу помгола и мест, 4 миллиарда в дензнаках 1922 г. Всех, вообще, налогов прямых и косвенных, мы получили, если перевести суммы поступлений на товарный индекс,—18.800.000. Вы видите, что даже при теперешнем состоянии нашего хозяйства это совершенно незначительная сумма. Финансовый с'езд всем своим авторитетом должен подтвердить, что финансовым работникам так же, как и другим, дороги интересы нашего хозяйства, и что все крики о „фискализме" совершенно необоснованы. Если взять цифры довоенные, то вы увидите, что в 1912 г. промысловый и уравнительный сбор (он тоже проводился тогда с оборота) падал на душу населения в размере 29 коп., в настоящее же время в 1922 г., если перевести поступления на товарный индекс и исчислить их в золоте, то на душу населения падает всего лишь 1½ коп. Сюда надо прибавить еще 100% в пользу мест, тогда получим 3 коп. или 10% довоенной суммы. Наша же промышленность сократилась только до 25—30%, и при таких условиях еще кричать о тяжести обложения, о тяжести промыслового налога!

К вопросам обложения мы подходим крайне осторожно, мы принимаем во внимание и степень нашей заинтересованности в развитии той или иной области хозяйства и платежеспособность населения и множество других соображений. Мы стараемся рационализировать налоговую систему. В самое последнее время мы постановили ставки промыслового налога для тяжелой индустрии понизить, а для некоторых отраслей легкой индустрии даже повысить (до 10%). К этому вопросу мы подходим с точки зрения степени нашей заинтересованности в развитии той или иной отрасли хозяйства, и с точки зрения экономической мощи той или другой отрасли хозяйства—насколько она уже стала на ноги, насколько она уже оборачивается собственными средствами, в какой степени ей нужно дать поблажку, оказав помощь благоприятствующей фин-налоговой политикой. Мы должны при проведении каждого отдельного налога сугубо осторожно подходить к каждому отдельному виду хозяйства. У нас, конечно, будут и

ошибки, но мы будем их корректировать по мере их выяснения. Недавно, например, когда табачная промышленность доказала нам, что установленный акциз с табачных изделий обременителен, когда она указала нам более выгодный для данной отрасли промышленности вид косвенного обложения,—полистовое обложение табака-сырца, то мы перешли к этому виду обложения.

Нам нужно иметь аппарат, через который мы могли бы проводить свою политику как в области косвенного, так и в особенности прямого обложения. Я должен сказать, что в этом отношении нами кое что уже достигнуто. Нами сформирован аппарат в размере 50%. Но если возьмем отдельно аппарат косвенного обложения, то у него штаты укомплектованы квалифицированными работниками в 68% и техническим персоналом в 50%, при чем здесь случайно или не случайно подобрались более или менее старые работники, поэтому нам легче было провести в области косвенного обложения нашу программу. С коммунистической цементировкой зато здесь обстоит очень плохо. Коммунистов в аппарате косвенного обложения всего лишь 0,3%, в аппарате прямого обложения с коммунистами немного лучше, там их 6,3%. Специалистов мы привлекли в аппарат прямого обложения 89% довоенного их числа. В аппарате прямого обложения у нас очень плохо обстоит с технич. персоналом. При поддержке целого ряда организаций —партии, профсоюзов и др.—мы обратились к местам с просьбой в срочном порядке приступить к организации сети школ, курсов и др. В центре тоже организованы курсы для подготовки нового кадра работников. В деле взимания налогов мы сталкиваемся в настоящее время со слабостью нашего аппарата. Нам нужно в кратчайший срок укомплектовать наш финансово-налоговый аппарат. Нам нужно добиться, чтобы 100% нашего штатного состава у нас было налицо, кроме того нам нужно, во чтобы то ни стало пропустить всех наших работников, особенно низовых, через сеть школ, и курсов для того, чтобы в ближайшее же врамя мы могли на них твердо опереться. Тов. Калинин в своем приветствии с'езду сказал, что нам нужно еще внедрить в сознание масс понимание всей важности финансово-налоговой работы. До сих пор мы сталкиваемся на местах с тем, что натурналогам—продналогу и гужналогу—уделяется больше внимания, чем денежным налогам. Это об'ясняется тем, что мы до сих пор не развернули еще широкой агиткампании, мы еще не сконцентрировали внимания масс на нашей работе, мы не вызвали еще под'ема и энтузиазма даже в собственных рядах. Чтобы сконцентрировать внимание широких рабоче-крестьянских масс на нашей работе, чтобы вызвать сознательное отношение и понимание важности нашей работы, нам нужно привлечь к этой работе массу партийных работников. И теперь, когда перед нами вырастают колоссальные трудности в области проведения подоходного налога в городе и подворного в деревне, мы должны добиться другого отношения к нашей работе. Товарищи, я хочу еще коснуться одного вопроса—вопроса о материальном положении наших финансово-налоговых работников. До сих пор к нам подходили с меркой уравнительности. Эта мерка привела к тому, что финансовые работники, вообще, и финансово-налоговые работники в частности поставлены в крайне трудные материальные условия существования. Если нам удалось уже мобилизовать и укомплектовать свой аппарат в 50% то по примеру Ростова Н/Дону и др. губерний, где мне пришлось недавно побывать, я вижу намечающуюся опасность, что наши квалифицированные работники начнут из-за материальной необеспеченности уходить от нас. С'езду нужно будет подчеркнуть, что финансово-налоговой инспектуре приходится работать в страшно тяжелой обстановке, что на ее пути имеется много соблазнов. В силу этого, до тех пор пока мы ее не обеспечим, не поставим в лучшие условия материального и морального существования, до тех пор у нас не может быть уверенности, что мы полностью осуществим всю нашу фин.-экономическую программу. Вот в общих чертах то, что я хотел сказать.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

НЕФТЯНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ДАРДАНЕЛЬСКОГО ВОПРОСА.

I.

„Что означает фетиш открытия проливов, это военное выражение, которое угрожает жизни и миру миллионов? Оно не означает ничего другого, кроме требования права посылки военных кораблей, в первую очередь английских, в Черное море. При данном положении дел существуют только два мотива для этого требования. Первым мотивом является боязнь войны с Советской Россией. Вторым—беспокойство по поводу нефти“.

В этих словах еженедельного обозревателя „Нейшен“,—руководящего органа английского либерализма, наилучшим образом выражен смысл „борьбы за проливы“. О первом из указанных мотивов не приходится много говорить. Английское правительство знает, что Советская Россия не ищет войны с Англией, что, наоборот, она стремится к миру и усилению хозяйственных сношений с Англией, как с самой сильной экономически державой Европы. Если Англия считает необходимым держать в своих руках проливы (хотя бы под флагом и под прикрытием Лиги Наций), то это только означает, что английское правительство не решилось жить в мире с Россией, и что оно хочет заручиться на случай войны с ней возможностью послать свой военный флот в Черное море. Что касается второго мотива—„забот“ о нефти, то этой стороне вопроса, наверно не менее важной, а, быть может, играющей в данный момент роль более важную, чем возможность войны с Советской Россией, до сего времени было посвящено очень мало внимания. Нефть боится света публичных дискуссий.

На нефтяную сторону дела указал первый Кемаль-паша в интервью, данном Джону Клейтону, корреспонденту „Чикаго Трибюн“.

„Ваше провосходительство,—сказал ему корреспондент,—люди знающие роль нефтяного вопроса в международной политике, понимают, что Великобритания должна иметь обеспеченный доступ к большим залежам нефти, или же она должна перестать существовать, как великая держава. Поэтому я думаю, что вопрос о нефтяных источниках в Месопотамии (в Джебель-и-Хамрим) имеет, наверно, больше значения, чем вопрос о константинополе, а, быть может, даже больше, чем вопросе о проливах. Хотите ли вы высказать ваше мнение об отношении турецкого народного правительства к британским стремлениям обеспечить себе месопотамскую нефть?“.

Журналисты очень часто спрашивают о том, что спрашиваемый хотел бы рассказать. Кемаль-паша ответил поэтому:

„Территории, о которых идет речь, находятся в Мосульской провинции, которая является частью областей, названных в Национальном Пакте (т.-е. Ангорское правительство не признает английского мандата в Мосуле, а считает Мосул частью турецкой территории К. Р.). Большинство населения в этой области составляют турки. Я не думаю, что для эксплоатации нефти в этой области необходим ее захват. Например, никто не возражает против эксплоатации турецкой нефти Америкой, так как Америка не ставит себе политических целей в нашей стране. Если бы Англия заняла ту же точку зрения, то это было бы наиболее разумным с ее точки зрения“.

„Могу ли я предположить,—настаивал дальше корреспондент,—что если бы Великобритания согласилась уйти из курдских областей в Месопотамию, то она имела бы возможность добывать там нефть? Ответ Кемаля-паши гласил: „она бы имела те же права, что и другие народы".

Генерал Морис, константинопольский корреспондент „Дейли Ньюс", доказывает то, чего не доказал Кемаль-паша. Он сообщает, что в договоре, заключенном Франклином Буйоном от имени Франции с Ангорским правительством, Турция обещала Франции нефтяные концессии в Мосуле за поддержку против Англии, и что теперь ведутся на этот счет переговоры. Американские же газеты сообщают, что американская группа Честера, которая уже перед войной пыталась развернуть экономическую деятельность в Турции, ведет через своих представителей теперь переговоры о нефти с Ангорой.

Нефть начинает освещать вопрос о Дарданеллах, и многое, что было неясным для широкой публики, становится теперь ясным. „Пацифисту" Ллойд Джорджу, когда он 16 сентября бряцал оружием, наверно уже тогда ясно светила керосиновая лампочка.

II.

История вопроса о дележе мосульской нефти очень длинна. Мы можем здесь напомнить читателю только основные факты, которые могут пригодиться для понимания дальнейшего развития ближне-восточного вопроса.

В 1916 году Англия подписывает с Францией договор, который обеспечивает решающее влияние в Мосуле Франции. После заключения перемирия господин Деменринг, глава нефтяного треста «Ройяль Детч и Шелль», связанного ближайшим образом с английским правительством, обращается к Клемансо с заявлением о готовности сотрудничать с французским правительством в нефтяных предприятиях, которые достанутся Франции в результате мирного договора. Эти переговоры ведутся очень долго и, наконец, 25 апреля 1920 года в Сан-Ремо Франция подписывает договор с английским правительством (с английской стороны его подписывает господин Ллойд-Джордж и Джон Кедмен, с французской стороны—Мильеран и Бертело), договор, регулирующий нефтяные отношения обоих стран в британских колониях, в северной Африке, в Румынии и Месопотамии. „Сотрудничанье" с господином Деменрингом не пошло на пользу Франции. В этом договоре говорится насчет Месопотамии

„Британское правительство обязуется представить французскому правительству 25 проц. добычи по текущей рыночной цене из нефти, полученной британским правительством из Месопотамии—в случае, если они будут эксплоатироваться хозяйственным способом. Если же частная компания будет привлечена для развития месопотамской нефтяной индустрии, то британское правительство предоставит французскому правительству 25 проц. акций такой компании. Цена, которая будет уплачена за это право участия, будет не выше, нежели цена, уплачиваемая другими участниками указанной компаний. Упомянутая компания будет находиться под постоянным британским руководством.

Британское правительство поддержит соглашение, по которому французское правительство получит от Англо-Персидской компании до 25 проц. нефти, доставляемой из Персии к Средиземному морю при помощи нефтепровода; этот последний может быть проведен через территорию, мандат на которую выдан Франции. В деле постройки нефтепровода Франция окажет содействие. О ценах на нефть будет заключено соглашение между французским правительством и Англо-Персидской компанией.

Ввиду вышеуказанного, французское правительство разрешит, если это будет желательно и лишь только желание будет заявлено, постройку двух отдельных нефтепроводов и железных дорог, необходимых для постройки и функционирования предприятия и для транспорта нефти из Месопотамии и Персии через французские сферы влияния к порту или портам Средиземного моря. Порт или порты будут избраны по соглашению обоих правительств.

Если такой нефтепровод или железные дороги пересекут французскую сферу влияния, Франция обязуется дать для этого нужные права, не взимая пошлин и сборов за провозимую нефть. Однако, вознаграждение будет уплачено землевладельцам за занимаемую территорию.

Точно также Франция предоставит в конечном порту возможность приобрести земли, необходимые для постройки складов, железных дорог и т. д. Нефть, вывезенная таким способом, будет свободна от вывозных и транзитных пошлин. Материалы, необходимые для сооружения нефтепроводов, железных дорог и др. также не будет облагаться ввозными пошлинами и сборами.

Если указанная нефтяная компания пожелает проложить нефтепровод и железную дорогу к Персидскому заливу. Британское правительство предложит свои услуги для получения одинаковых с вышеуказанными возможностей"

Как же это случилось, что Франция отказалась от своих прав в Мосуле, получила только 25 проц. мосульской добычи, и то не в собственную разработку, а по цене рынка, от англичан? Английское правительство ссылалось для обоснования этой выгодной для него сделки на то, что в 1914 году перед войной, оно заключило с германскими капиталистами и с турецким правительством договор, на основе которого Англия должна была получить 50 проц. нефти, за турецким правительством числилось 25 проц., за германскими Капитами 25 проц. Так как Англия является теперь собственником месопотамского мандата, то ей принадлежит, кроме 50 проц. старого английского надела, 25 проц., турецкого, а она уступает Франции 25 проц., германского участия. «Договор должен быть святым». Почему должен быть святым договор 1914 г., а не 1916 г.,—об этом в официальных документах не говорится, но это следует из фактов, сопутствующих заключению договора. Во-первых, в Сирше, являющейся об'ектом французского мандата, большие препятствия делал французам Эмир Фейзаль, английский ставленник. Англия отказалась от фейзалевских козней, во-вторых, она обещала Франции поддержку в репарационном вопросе. Взамен за это Франция сделала уступки в нефтяном вопросе. Как относится французское общественное мнение к этой сделке, об этом можно прочесть в замечательной книге Делези (ввиду малого об'ема этой книги и ее важности для всякого коммуниста, Государственное издательство издает ее в продолжение четырех месяцев и издаст ее, вероятно, когда она будет иметь ту же ценность, что Илиада Гомера!) и в книге Петра Леспаньоль де ля Трамери „Мировая борьба за нефть" Мы процитируем только вопли сердца французского политика Сонат Фельс, который в августовской книге «Ревю де Пари» этого года пишет:

«Французское общественное мнение знает, что Севрский договор заключен был только для того, чтобы, оттеснив американцев, установить британский контроль над турецкой нефтью, перешедший к Франции, которой были присвоены прежние права Германии. Оно не знает, что, подписывая таинственный и причудливый договор в Сан-Ремо, французское правительство этим самым подписало свое отречение от политической независимости, отдавая Англии не только все месопотамские источники, но и все, что мы могли бы приобретать в колониях и в иных странах... До войны Франция употребляла ежегодно 400.000 тонн нефти, поставляемой ей «Стандарт Ойль» через посредство французского картеля. В настоящее время ей нужен миллион тонн. Ежегодно мы тратим 2 миллиарда на ввоз драгоценного масла, на которое пред'являют неуклонно растущий спрос: авиация, автомобилизм, гражданский и военный автомобильный транспорт... Если стоять на той точке зрения, что политическая независимость есть последствие свободного доступа к нефти, то невольно придется придти к выводу, что соглашение в Сан-Ремо для Франции равносильно Метуэнскому договору». (Метуэнский договор 1703 года сделал Португалию на деле английской колонией). «Допустим.—пишет дальше Сонт Фельс, что в будущем Франция вынуждена будет изолированно вести войну вопреки воле держав, державших в своих руках нефть. Какую пользу в таких условиях принесет ей обладание могучей армией, обильно снабженной аэропланами, танками и броневиками? Втихомолку налаженный нефтяной блокады будет достаточно, чтобы в одну неделю, да и

того меньше, подрезать крылья аэропланов, остановить танки и приковать к земле тяжелый шаг пехоты, лишившейся перевозочных средств».

«Неужели нельзя поправить этого недавнего и плачевного, обильного ошибками и промахами прошлого»? — вопил в августе месяце французский патриот без нефти! Ошибки прошлого пытается Франция теперь исправить штыками турецкой народной армии, штыками Кемаля-паши.

III.

Вопрос состоит только в том, делает ли она это одна, или с участием американского нефтяного треста „Стандарт Ойль", или, по крайней мере, вопрос состоит в том, какое будет отношение «Стандарт Ойль» к французской попытке перерешения мосульского вопроса.

Договор в Сан-Ремо был заключен тогда, когда после падения Вильсона Америка ушла из европейской политики. Когда известие о договоре в Сан-Роме дошло до сведения американского правительства, оно немедленно начало решительный обстрел этого договора. Государственный департамент обращается уже с 17 мая, т.-е. три недели после подписания договора в Сан-Ремо Францией и Англией, к американскому сенату с докладной запиской, в которой самым решительным образом протестует против политики Англии и мандата Лигий Наций. Он требует «политики открытых дверей» во всех странах, где находится нефть. Начинается дипломатическая переписка между английским и американским правительствами (опубликована только незначительная часть). Англия ссылается на святость договора 1914 года, показывая, что американцы имеют подобный договор, дающий им право добывать нефть в Палестине, и что этот договор не оспаривается Англией. Америка в ответ на это устанавливает «21 пункт» своих требований, из которых один требует, «чтобы половину того, что получает владелец мандата на данную страну, могла добывать Америка, во всяком случае не менее того, что получает «третья» сторона. В переводе английского на месопотамский, это означает, что Америка предлагает раздел месопотамской нефти следующим образом: 50°/o Англии, 25°/o Америке и 25°/o Франции.

Во время Вашингтонской конференции, Генуэзской, Гаагской велись на этот счет беспрерывные переговоры между «Стандарт Ойль», с одной стороны «Ройяль Детш» и «Шелль» с другой, как и с правительственными куклами, дергаемыми за веревку рукой нефтяных трестов. Англия идет на уступки. Джон Кедмен, представитель Англии в междусоюзном нефтяном совете в статье своей в 4 номере Кейнсовского приложения к «Манчестер Гардиан»: «Восстановление Европы» (от 6 июля) пишет с миной невинного ягненка: «Я говорил американцам, что договор в Сан-Ремо был заключен для избежания возможных споров с Францией по поводу отношения к нефтяным интересам Германии в Румынии и для облегчения кооперации между французской и английской нефтяными группами, в России, Месопотамии, английских и британских колониях. Этот договор не был обращен против Америки, Италии или какой-нибудь другой страны и не касался ни актуальных, ни потенциальных прав Америки. Я говорил американцам, что ежели они не получили концессии в Месопотамии, то это потому, что их никто не получил, ибо мы решили удерживать всяких нефтяных предпринимателей, являются ли они британскими гражданами или другими, пока арабское государство не будет установлено, и пока не будут обеспечены его интересы в развитии сил страны».

Джон Кедмен поет как соловей, не волки ии «Стандарт Ойля» наверно спросили его: так зачем вы делили месопотамскую нефть? С того времени переговоры нефтяных трестов шли беспрерывно. В связи с переговорами в Гааге французы создали вместе с бельгийцами особый нефтяной трест для того, чтобы балансировать между «Стандарт Ойлем» и «Рояль Детш». Кемаль-паша бросил теперь на чашку весов свой меч. Это само-собой вывело весы из равновесия и по всей вероятности за кулисами нефтяных трестов разгорелась новая борьба. Всякий попытается захватить сколько сможет. Остается еще вопрос, какое это имеет отношение к борьбе за проливы?

IV.

В упомянутом номере приложения к «Манчестер Гардиан», редактируемого профессором Кейнсом, неназванный автор в статье «О политической стороне нефтяного вопроса», пересказав историю попыток согласования английского и американского нефтяного треста, говорит:

«Нефтяной мир заключен и договор в Сан Ремо похоронен, но к несчастью этот неофициальный договор не-получил еще формы официального договора между Америкой и союзниками. Наверно можно было бы добиться сделки. Франция и Великобритания должны признать ошибочность доктрины, что торговое обладание нефтью является решающим для военной готовности. Франция не выиграла бы даже от обладания румынскими залежами нефти, если не будет иметь во время войны военного и морского господства над Румынией и Босфором. Англия не имела бы прибыли от англо-персидской нефтяной компании, если бы не имела в своих руках Персидского залива и путей сообщения. Не нефть обеспечивает военное и морское обладание, а наоборот».

Это парадокс, ибо и для военного и морского преобладания нужна нефть. Для вензелевских моторов во флоте для автомобилей и для авиации. Но этот парадокс выражает ту большую истину, что захватив румынскую и месопотамскую нефть, Англия и Франция нуждаются в захвате проливов. Насчет румынской нефти само-собой понятно, ибо она транспортируется через проливы. Что касается месопотамской, то нефтепроводы должны итти через Сирию, но поскольку союзники не будут держать Константинополь под угрозой своих дредноутов, турецкое правительство имеет возможность, в случае войны, задержать транспорты нефти. Таким образом, господство в проливах является постоянным интересом английского и французского империализма и насколько американцы будут удовлетворены Англией они будут поддерживать требование, чтобы проливы находились твердо в руках союзников. Это об'ясняет, почему Англия немедленно обратилась при обострении конфликта на Ближнем Востоке к Соединенным Штатам Америки, и почему министр иностранных дел Америки, господин Хьюз, после разговора с английским посланником Гетсеме заявил публично, что контроль над проливами в руках союзников должен быть действительным.

Но если, сговорившись насчет раздела мосульской нефти, нефтяные тресты Англии, Америки и Франции будут бороться всеми силами за сохранение в руках союзных флотов проливов, то теперь в период грызни о разделе нефти они делают те или другие обещания Турции. Если Франция и Америка хотят порядочно обобрать английских нефтевиков, то им выгодны занятие Мосула турецкими войсками и затяжной кризис у проливов держащий Англию под военной угрозой. Когда они говорятся, то повернут все фронт против Турции.

Турция правильно поступает, использовывая противоречия нефтяных трестов. Но она должна при этом помнить, что единственной гарантией того, что она не сделается жертвой борьбы нефтяных королей, является ее собственная сила и сила народов, как и она являющихся предметом борьбы нефтяных магнатов. И кавказская нефть играет громадную роль в борьбе союзников с Советской властью. Мы в ближайшие дни дадим документальный обзор положения этого дела. Нефтяному фронту международного капитала должен быть противопоставлен фронт народов, для которых нефть является средством защиты против международной капиталистической кабалы.

Карл Радек.

ФАШИЗМ.

Основание фашистской организации.

Фашистская организация была вначале союзом участников войны(союз по-итальянски—фашо), ею руководили бывшие социалисты, анархисты и синдикалисты, сбросившие с момента вступления Италии в мировую войну свою личину, и оказавшиеся националистически настроенными мещанами и самыми яростными поборниками войны. По окончании ее они организовали «союз участников войны», в программе которого значились: защита экономических интересов участников войны, усиленная помощь инвалидам, наделение землей бывших солдат и т. д. Они делали довольно революционные жесты, и, казалось, движение готово было вылиться в революционную организацию. Чтобы понять, почему развитие пошло противоположным путем, бросим сначала взгляд на послевоенную Италию.

Итальянский капитализм—это самая юная и слабая ветвь победоносного капитализма Антанты. Он был больше других ослаблен чудовищными требованиями, пред'явленными к нему войной и, согласно своей структуре, наименее способен разрешить задачу демобилизации промышленности. При дележе военной добычи на долю Италии почти ничего не досталось. В период войны итальянскому народу приходилось приносить в интересах империалистов те же жертвы, что и французскому и английскому. По окончании войны буржуазии не удалось одурманить его шумом победы, у народа было горькое чувство поражения. Чувство это усилилось, благодаря катастрофе, постигшей тяжелую индустрию, искусственно вздернутую вверх в период войны и не сумевшую перейти к мирному производству. Главные рынки сбыта продуктов молодой итальянской капиталистической промышленности —Австрия, Балканы, Турция, Германия—закрылись для нее, благодаря новому политическому положению, войнам, революциям, обесценению германской и австрийской валюты и т. д. Крупный промышленный кризис вызвал чудовищную безработицу; демобилизованные солдаты не находили себе занятий, к этому присоединился кризис земледелия, дополнивший печальную картину обанкротившегося капитализма.

Структура Итальянского капитализма и ее политическое отражение.

Структура рабочих организаций вполне соответствовала структуре капитализма. Рабочее движение захватило только Верхнюю Италию. В Средней и Южной Италии оно стало прочной ногой лишь в отдельных портах и промышленных центрах. Между классом скомпрометированной своей военной политикой буржуазии и крупных аграриев, с одной стороны, и пролетариатом, с другой, лежит громадный промежуточный слой итальянского мещанства, крестьянства, ремесленников, мелких лавочников, людей, живущих связью с заграницей. Это—класс, который эксплоатируется крупной буржуазией и банками, класс, в рядах которого многие тяжелым трудом добывают себе существование, едва удовлетворяя свои самые скудные потребности. С другой стороны, сами они тоже являются эксплоататорами своих учеников, подмастерьев и слуг. Крестьяне в качестве продавцов жизненных припасов, лавочники, в качестве спекулянтов примыкают по своим интересам к буржуазии.

Эта двойственная сущность, естественно, кладет отпечаток на политику мещанства. В зависимости от своих материальных интересов и кон'юнктуры, они то сочувствуют рабочим в борьбе их с буржуазией, то—буржуазии в борьбе ее с рабочими.

После войны, когда экономический кризис ярко выявил банкротство всей буржуазной политики, ожесточение против банкиров, промышленников и крупной буржуазии, втянувшей Италию в войну, достигло высокой степени. Соответственно этому начался сильный приток в лагерь социалистов, получивших при выборах свыше 1/3 всех поданных голосов. Успехи, одержанные ими в тех районах, где почти не было промышленного пролетариата, были яркими признаками этого поворота настроения.

Партия социалистов, руководимая старыми политиканами и профсоюзными бюрократами, горизонт которых никогда не выходил за пределы идущего ощупью мещанства, не могла ничего предпринять, опираясь на эти временно анти-капиталистически настроенные элементы. Громадное большинство вождей рабочего класса в экономическом кризисе, переживаемом Италией, отнюдь не усматривало признаков мирового кризиса капитала. Они видели в этом, как и социал-демократы всех стран, лишь обычный кризис капитализма, вслед за которым идет новый под'ем. Они также, как и буржуазия, боялись пролетарской революции, которая одна только могла указать из него выход. Сообразно этому, их политика была двойственной и не могла удовлетворить ни пролетариата, ни мещанства, которое ждало от социалистов чудесного исцеления. Надежды, которые питали менее сознательные в классовом отношении рабочие и мещанские элементы на социалистов, начинали рассеиваться.

В сентябре 1919 года, когда недовольство пролетариата и мещанство достигло своего кульминационного пункта, пролетариат захватил фабрики. В течение одной недели казалось, что взрыв пролетарской революции неизбежен. Армия тоже была заражена недовольством и ненадежна. Города были в руках вооруженных рабочих, а буржуазия в скрежете зубовном бессильно стояла перед лицом действительности. Вмешательство партийных и профсоюзных бюрократов, сделавших в этот критический момент все от них зависящее, чтобы потушить и отвести в сторону революционное движение, спасло на этот раз буржуазию.

За помощью к «Фашо».

Капиталисты в отчаянии искали средств самообороны, они нашли их в «фашо», союзе участников «войны».

Как я уже говорил, организация фашистов вначале была радикальной организацией националистически настроенных рабочих и мещан, довольно сочувственно относившихся к стремлениям социалистов. Она тоже пережила разочарование, заставившее мещанство отвернуться от социалистической партии. Недовольство мелкой буржуазии социалистами, на которых она возлагала крупные надежды и к которым еще с большим разочарованием она повернулась спиной, заставило фашистов еще резче повернуть в другую сторону. Их разочарование приняло форму открытой вражды к социалистам.

Этот поворот был использован в организационном отношении итальянской буржуазией. В момент окончательной демобилизации армии они направили увольняемое офицерство, сохранив за ним отчасти старое содержание, в ряды фашистской организации, поручив ему сорганизовать ее в белую гвардию. Вступление в фашистскую организацию многих десятков тысяч бывших офицеров резко изменило картину. Наряду со старой радикально-республиканской, направленной против крупной буржуазии фразеологией, на первый план все больше и больше стал выступать тон угрозы организованному рабочему классу. Антикапиталистические настроения мещанства достигли апогея в 1919 году, когда они дали возможность одержать социалистам неожиданные победы. Теперь наступил поворот в настроении мещанства. Оно враждебно повернулось к рабочим.

Фашизм весьма искусно ухватился за этот поворот. Росту этих настроений способствовал ужас, охвативший буржуазию в момент захвата фабрик. К этому присоединилось еще то обстоятельство, что вождь фашистов, Муссолини, вплоть до 1915 года был одним из виднейших вождей итальянских социалистов, первоклассным оратором, к тому же хитрецом, лишенным всякой щепетильности, и энергичным демагогом. Он и некоторые другие вожди фашистов, бывшие синдикалисты и анархисты, прекрасно умели маскировать националистическими, республиканскими, а иной раз и антикапиталистическими лозунгами изменившийся характер фашистской организации.

Маски сброшены.

Деятельность фашистов стала сосредоточиваться на походе против рабочих организаций. Согласно прекрасно обдуманному плану, под руководством специально

предназначенных для этого офицеров, с помощью полученного из армии оружия организовали ядро фашистов из надежнейших элементов буржуазии, бывших офицеров, студентов, сыновей зажиточного крестьянства и люмпенпролетариев. В первую очередь, они разрушили городские рабочие организации, как например, в Болонье и Фиренце, эти острова в море крестьянского населения. Затем они разрушили организации сельского пролетариата и мелкого крестьянства, которые не могли оказать необходимого сопротивления централизованному фашизму, благодаря распылению своих сил. После того, как они дали буржуазии доказательства приносимой ими пользы, к ним обильно стало поступать золото и новое оружие, давшее им возможность расширять свою деятельность. Они пользовались правом бесплатного проезда по железной дороге. Карательные экспедиции в деревне производились при помощи грузовиков, предоставляемых в их распоряжение фабрикантами или армией. Шаг за шагом они завоевывали мелкие промышленные местечки и деревни Верхне Италии, предавали огню рабочие дома, помещения организаций, кооперативы, клубы и т. д., убивали, калечили и выгоняли рабочих вождей и, вообще, непокорных. Жандармерия и полиция держались по отношению к ним благосклонного нейтралитета там, где они были сильны, и оказывали им помощь там, где можно было опасаться сопротивления со стороны рабочих. После завоевания провинции они стали наступать на промышленные города, стягивая свои силы со всех частей Италии; в течение ряда дней терроризировали они рабочих, уничтожали редакции и клубы социалистов, убивали вождей и затем уходили.

Роль социал-предателей.

Обороняться можно бы было только при условии об'единения всех сил пролетариата. Этому об'единению всеми силами противились реформисты, прекрасно понимавшие, что победа пролетариата над фашистами, т.-е. над последним оплотом буржуазии, вновь поднимет призрак социальной революции. Как и во всех прочих странах, они и здесь были добрыми патриотами и надежными слугами буржуазии. Выход из кризиса они видели лишь в коалиции рабочих и капиталистов. Для спасения „итальянского народа" было необходомо, чтобы все классы, в том числе и рабочие, приносили жертвы, соглашаясь на более низкую заработную плату и более длинный рабочий день. Исходя из такой точки зрения, они саботировали самую элементарную экономическую борьбу итальянских рабочих и всеми средствами мешали вооруженному отпору их фашистам. Той же политики держались они внутри социалистической партии. Под покровом пацифистских и гуманитарных фраз—в период, когда фашисты еще не успели окрепнуть—они отводили внимание рабочих в сторону от опасности, а в момент, когда фашизм встал перед ними в своем грозном виде, они открыто перешли на сторону буржуазии. Максималисты, составлявшие во главе с Серрати большинство социалистической партии, постоянно колебались между реформистами и коммунистами, а в решительный момент стали на сторону реформистов.

Разочарование, постигшее мещанство в отношении социалистов, быстро перекинулось и на пролетариат. Он видел, как ухудшается его положение, благодаря понижению заработной платы и фашистскому террору, но не находил поддержки для борьбы с растущими бедствиями ни в профсоюзах, ни в партии. Самопроизвольно возникшие организации, как например, „Ардити дель Пополо" (храбрейшие народа), ставившие своей целью об'единение сил пролетариата для борьбы с фашистами, не имели успеха отчасти, благодаря саботажу социал-предателей, отчасти благодаря близорукости и слабому пониманию вещей со стороны наших итальянских товарищей. Итальянский пролетариат оказался дезориентированным. Он не мог разобраться во всех этих организациях анархистов, синдикалистов, католических мещан, республиканских мещан, социал-демократов, реформистской, максималистской и коммунистических фракциях, социалистических и коммунистических партиях. Наступил упадок духа, апатия, депрессия среди широких масс пролетариата. Юная коммунистическая партия не обладала достаточной силой и не находила пути для оказания им помощи.

Демагогия фашистов.

Перед лицом такого положения пройдохи, вожди фашистов, ренегаты рабочего движения, стали применять весьма искусную тактику. Их программа мало отличалась по внешности от программы социал-демократов и патриотов-мещан. Они проповедывали спасение в виде об'единения классов. Они тоже держались того мнения, что для спасения итальянского народа и капиталисты и рабочие должны приносить жертвы, последние,—больше работая и меньше получая. Эту общую программу они весьма успешно приспособляли к местным условиям. Путем понижения заработной платы они завоевали сочувствие даже и тех кругов буржуазии, которые не стояли за методы насилия. Благодаря своей националистической, иногда антикапиталистической демагогии, благодаря своим непосредственным выступлениям, направленным то там, то сям против ростовщиков и спекулянтов, они завоевывали симпатии бедствующих, но не сознательных в классовом отношении рабочих. Не гоняясь за последовательностью, они в некоторых случаях, как, например, недавно по вопросу о сокращении штата железнодорожных служащих и их заработной платы и по вопросу об отмене 8-ми часового рабочего дня, спокойно заявляли, что фашисты—противники сокращения заработной платы и отмены 8-ми часового рабочего дня. Они умели завоевать симпатии некоторых самых отсталых слоев сельского пролетариата, добывая работу безработным за счет работающих, конечно, за счет более низкой заработной платы. Они начали основывать профсоюзы, руководимые ренегатами рабочего движения, насильно вовлекая в них не только не затронутые еще классовой борьбой элементы сельского пролетариата, но и других рабочих. Кроме того, они об'единили и работодателей и заключили с ними соглашение, согласно которому эти последние могут нанимать лишь тех рабочих, которые входят в состав фашистской организации. Таким образом, мы стали пред лицом того обстоятельства, что в некоторых провинциях могут спокойно работать лишь фашистски организованные рабочие.

Трактование ими себя, как охватывающей всю нацию партии, выступающей не только против социалистической и коммунистической партий, но и против мелкобуржуазных партий в том случае, когда эти последние нарушают их планы, страх ненавистной жандармерии перед фашистами, их суровая организация, форма и театральные выступления их, привлекали к ним удивление и зачастую симпатию разочарованного мещанства и даже разочарованных рабочих.

Так же точно, как в 1919 и 1920 годах, ища исцеления от своей повседневной нужды, мещане обратились к социалистам, теперь они начали смотреть на фашистов, как на свое последнее прибежище. Поток недовольных, длившийся два года тому назад к социалистам, теперь стал катиться к фашистам, способствуя их росту и превращению в один из решающих факторов. Даже среди рабочих, следовавших когда-то за анархистами, синдикалистами и социал-демократами, но ничего не получившими от последних и чувствующих себя разочарованными и покинутыми, распространено настроение, которое говорит: после стольких разочарований попытаемся-ка еще итти с фашистами: быть может, они нам помогут.

Перспективы.

Такая атмосфера царила последнее время в Италии, фашисты были неограниченными господами в стране, так как на их стороне были симпатии буржуазии, мещанства, армии и даже некоторых кругов рабочих. То обстоятельство, что они сейчас стали у правительственной власти—лишь регистрация этого факта. От них ждут спасения все те, кто не видит выхода из кризиса, кто устал и недоволен.

Мы знаем, что экономический кризис, переживаемый Италией и составляющий лишь частное выражение переживаемого капитализмом мирового хозяйственного кризиса, не может получить чудесного исцеления из рук фашистов. Чем ярче связанные с фашистами надежды, тем горше будет разочарование, когда люди поймут, что фашисты неспособны вывести страну из кризиса. Даже, если бы они были однородны и не носили в себе стольких внутренних противоречий, положение их

оказалось бы весьма затруднительным. С той же быстротой, с которой они взлетели, они будут сброшены обратно, и гнев вновь разочаровавшихся мещан и рабочих повернется против них.

Но до этого момента итальянскому рабочему классу придется тяжело. Коммунисты, решительнейшие противники буржуазии, будут работать в подпольи с громадными жертвами, подкапывая здание фашистского террора. Со вступлением фашистов в правительство победа их достигла своего кульминационного пункта. Сопротивление рабочих, пытаемых, мучимых ими и не оставляемых в покое, выливается в форму растущей ожесточенной партизанской войны против фашистов. Присоединение социалистической партии к Коминтерну—симптом того, что революционные рабочие поняли правильность коммунистических методов и способов революционной борьбы с фашистами.

Революционному пролетариату Италии предстоят месяцы тяжелой борьбы. Задача нашей братской итальянской партии—всеми средствами организовывать и проводить эту борьбу.

А когда с фашистов спадет последняя маска, когда мелкая буржуазия повернется к ним спиной и они явно для всех окажутся белогвардейской организацией слабосильной буржуазии, тогда настанет момент для пролетариата штурмом взять этот последний оплот буржуазии и на место диктатуры эксплоататоров утвердить диктатуру эксплоатируемых.

Матиас Ракоши.

ФАШИСТЫ У ВЛАСТИ!

Фашисты встали у власти. Это—партия крайней реакции, демагогически перекрашивающаяся временами в красный цвет. Их успех—в демагогии. Стоя у власти, они сорвутся на программе, которая не может итти в ногу с их демагогией. Коммунисты должны блокироваться с противниками фашизма, стремящегося к физическому истреблению рабочей партии, и разоблачать реформизм, породивший „фашизм у власти“.

Фашисты, это чрезвычайно своеобразная демократически-белогвардейско-аристократическая организация погромщиков (и в то же время демагогов), подняли „полувосстание-полудемонстрацию“ в ряде итальянских городов, смелыми налетами, при попустительстве правительства, захватили ряд важнейших пунктов, в результате чего итальянский король призвал вождя фашистов, Муссолини, и официально вручил ему власть. Таким образом, правительство Муссолини признано не только „de facto“, но и „de iure“.

Фашисты, это, как известно, партия крайней реакции. Но, в отличие от обыкновенных реакционных партий, они имеют и свои особые методы борьбы и с рабочим коммунизмом, и с мелко-буржуазным дрянцом. От обычных «крепких», кряжистых вояк империализма они взяли методы военной организации, твердой дисциплины, военного строя, поголовного вооружения своих членов, методы военных заговоров и решительно нахальных прусско-юнкерского офицерско образца мятежей. Но, в отличие от оргеша и немецких монархистов, фашисты идут на отчаянную демагогию, иногда весьма радикальную. Тут дело немного напоминает нашу зубатовщину; но эта зубатовщина гораздо более смелая, авантюристская, отчаянная.

Борьба с коммунизмом практикуется чрезвычайно оригинальная: разгромы коммунистов, их физическое истребление; а, с другой стороны, стремление кое в чем перещеголять даже коммунистов, притвориться ультра радикальными. Так великие князья и русские аристократы, организуя «Союз Русского Народа», не прочь были заглянуть через своих агентов и в грязные чайные босяков, ведя там проповедь против „бар“. Так Зубатовы организовали рабочих против капиталистов, думая тем оттянуть внимание пролетариата от социализма. Теперь в Италии весь эксперимент ставится в громадных размерах и в другой обстановке. Офицерский аристократический террор, используя демагогию, пробуждая надежды на великие перемены, увлекая смелостью фразы, обещая и маня, становится у руля государственной власти.

Что будет дальше? По всей вероятности, дело начнется с преследований коммунистов и максималистов, а может быть даже и социалистических дурачков, исторический удел которых, как известно, быть битыми как справа, так и слева. Г. Муссолини, сам изменник социализма, постарается показать свои когти и, быть может, постарается также загнать нас в подполье. Но здесь выступает одно главное решающее обстоятельство. Фашистам придется, в качестве правительственной, т.-е. ответственной, партии осуществлять свою программу. Здесь они натолкнутся на свою гибель. На демагогии тут не уедешь. Демагогическая же инерция неизбежно обратится здесь против фашистов. Уже теперь г. Муссолини выставляет требование усиленного труда. На капиталистической основе это требование приведет к неизбежной развязке. Фашистские иллюзии будут рассеиваться и комбинированными методами террора и защитой буржуазной собственности фашисты разоблачат себя до конца.

Конечно, за этот период фашистские молодцы постараются (в этом и заключается, очевидно, их стратегическая цель) перебить как можно больше революционных кадров. Перед нашей партией становится в Италии задача сохранения кадров, мобилизации масс, блокировки со всеми элементами, способными к отпору. В то же время необходима выдержка, уменье во-время маневрировать и бешеная разоблачительная кампания, использующая каждую ошибку продувных фашистских ребят.

Пример Италии станет в будущем школьным примером реформистских измен. Не так давно власть почти-что валялась на улице, и рабочий класс не взял ее только потому, что был в большей своей части одурачен реформистами. Разгром рабочего класса с помощью реформистских измен проложил дорогу крайней правой. Теперь у власти Муссолини и Ко. Но кровавый урок не пропадет даром: шайка фашистов будет свергнута, ибо неизбежно выпадет из под нее ее главная опора: иллюзии фашизма, которые были вколочены в головы мещанства, части крестьян и даже рабочих.

Фашистский „казус" доказывает еще одно: не устойчивость итальянского капитализма. Там, где самые вынуждены рядиться почти в красный костюм: там где споры между фракциями буржуазии решаются с оружием в руках: там, где идет более или менее открытая гражданская война,—там нет надежды на «мирное восстановление капитализма». Фашисты приводят в движение Ахерон, который неизбежно обрушится со всею силою на них самих.

МЕНЬШЕВИКИ—ВРАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

ПАРТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ.

I.

В номере «Социалистического Вестника» от 4 октября напечатана программная статья Мартова «Наша платформа», в которой меньшевистская партия развивает, наконец, с полной ясностью, с полной определенностью свою политическую программу. Это надо только приветствовать. В вопросах, от которых меньшевики до этого времени увиливали, в вопросах, по которым нельзя было заставить их сказать ясно и определенно, чего они хотят,—во всех этих основных вопросах революции Мартов занимает, наконец, ясную, недвусмысленную позицию. Теперь больше не будет нужды делать выводы из меньшевистских дел или из недоговоренных до конца мыслей, доказывать, что меньшевистская партия является партией капиталистической реставрации. Теперь Мартов сказал это с ясностью, какую мы у него редко встречали, связывая все концы с концами, во всеуслышание. Его программная статья является документом большой политической важности, ибо хотя меньшевистская партия не имеет за собой масс, но она выступала перед пролетариатом во всех моментах революционного кризиса последних лет и являла собой элемент разложения в большей мере, чем партия социалистов революционеров. Ее влияние базировалось именно на недоговоренностях. Она выступала за последние годы, как партия, стоящая на почве революции, внося только те или другие исправления в программу и тактику революции. Теперь эти переходные маневры кончены. Меньшевики отбросили все тактические увертки, выступив в статье Мартова ясно и определенно за полную реставрацию частной собственности, капитализма, за возвращение к буржуазной демократии. Это их выступление положит конец всем их попыткам ловить рыбку в мутной воде. Оно переносит их борьбу против нас на ту почву, на которой она на деле всегда велась, а именно на почву борьбы за и против капитализма, за и против буржуазии. Ясное выступление Мартова имеет значение не только для борьбы здесь, в России. Нечего скрывать, что с ослаблением темпа революционных событий за границей, рабочие массы за границей в значительной мере забыли, что такое меньшевики, и можно было встретить честных рабочих, которые говорили: «Если вы преследуете эсеров, это мы понимаем. Они—партия контр-революции. Но меньшевики стоят на почве Советской власти, социализма. Между вами и ими возможна сделка». Выступление Мартова кладет предел шатаниям меньшевиков в период, последующий за октябрьской революцией. В этом смысле оно, безусловно, является одним из звеньев процесса самоопределения 2½ Интернационала его перехода на позицию 2 Интернационала, является частью того процесса, благодаря которому господа «независимцы» в Германии отказались от диктатуры пролетариата, от Советской власти (принятых ими на словах в 1919 г.) и вошли открыто в конюшню шейдемановщины. Приготовляясь с своей стороны для вхождения во 2 Интернационал, меньшевики подводят баланс, сдают старые позиции в архив, имеют, наконец, мужество признаться в том, чем всегда были, что всегда делали, но что с 1919 г. скрывали.

II.

Мартов пытается сначала дать историческую картину эволюции меньшевизма за весь период революции в основном вопросе, в вопросе о характере русской революции. Русская революция есть буржуазная революция. Это было основной аксиомой меньшевистской политики. Под этим знаменем меньшевики боролись против нас весь 1917 и 1918 г.г. Уже после октябрьской революции, издаваемый тогда в Петрограде ежедневный орган меньшевиков открыто выступал под лозунгом «назад к капитализму». Изменение в этом основном взгляде наступило у меньшевиков в конце 1918 г., с момента переворота в Германии. Мартов пишет об этом изменении следующее:

«Революционные события в Средней Европе открывали подобную перспективу некоторого выхода из тупика, в который попала Россия после того, как значительная часть рабочего класса, приняв и поддержав большевистский переворот, вступила на путь разрушения капиталистического хозяйства и пыталась осуществить социализм. Переход в руки западно-европейского пролетариата, вместе с государственной в астью, управления производительными силами сделал бы возможной организацию в России, при содействии Европы, зачатков социалистического хозяйства на основе крупной промышленности и кооперации. Для этого, разумеется, необходимым предварительным условием является решительный отказ от несовместимых с данным уровнем развития производительных сил планов всеоб'емлющей немедленной социализации, ограничение последней весьма узкими рамками соответственно экономической отсталости страны и установление того прочного мира между пролетариатом и крестьянством, который был нарушен продовольственной и аграрной политикой большевистского коммунизма.

Этими идеями руководилась платформа нашей партии („Что делать“), выпущенная летом 1919 года и дополнявшаяся отдельными резолюциями в дальнейшем. При условии успешного развития революции на Западе, эта платформа требовала сохранения в руках государства основных отраслей промышленности и транспорта при допущении участия в них частного капитала под контролем государства, денационализации внутренней торговли и средней и мелкой промышленности, закрепления за крестьянами их земельных участков, построения продовольственной системы на началах соглашения между потребителями и производителями при активном участии свободной кооперации; сохранения в руках государства монополии внешней торговли, как рычага, регулирующего взаимодействия мирового рынка на русское хозяйство, но с допущением и частной инициативы под контролем государства.

Партия полагала, что при условии планомерной экономической поддержки со стороны социалистического Запада такое сочетание социалистических и частно-капиталистических элементов в народном хозяйстве сможет ускорить исторический процесс созревания условий для социализма в России на основе развития производительных сил, прерванного утопическим опытом большевизма».

Мы не будем здесь вдаваться в критику этих взглядов Мартова, не будем доказывать, как гражданская война принуждала Советскую власть выйти далеко за пределы экономически необходимого, как она принуждала национализировать и мелкую и среднюю промышленность и торговлю, дабы не оставлять в руках классовых врагов в момент самой напряженной борьбы никаких экономических позиций. Мы не будем доказывать, какой нелепостью была всякая пропаганда против продразверстки во время гражданской войны, когда нельзя было другим образом получить хлеб, нужный для борющихся армий и для города. Это все известно и мы указываем на это только для того, чтобы подчеркнуть, что меньшевики в платформе 1919 г. стояли на почве социалистической революции в России и выдвигали „новую экономическую политику“, проведенную в 1921 г. Советским правительством, еще в 1919 году, как свою платформу. Эту платформу теперь ликвидируют. Мартов говорит об этом с ясностью, не оставляющей желать ничего большего.

Экономическая программа нашей партии должна быть совершенно пересмотрена. Партия должна оправляться от того положения, что восстанов-

ление разрушенного народного хозяйства в России будет совершаться преимущественно на капиталистических началах и, что при данных исторических условиях, это—наиболее рациональный путь. Она должна, поэтому, занять определенно отрицательное отношение ко всем попыткам большевиков, затормозить этот процесс, во имя ли отрыжки старо-коммунистической утопии или во имя чисто-политической (?) заботы о сохранении в руках государства источников экономического могущества в целях держать от себя в зависимости те или другие группы населения. Как и в 1919 году, критерием для размежевания частного и государственного хозяйства в промышленности наша программа должна принять высшую производительность: там, где государство может поставить дело не хуже частного предпринимателя, национализация и государственное хозяйство должны остаться. Исключением являются лишь предприятия, носящие монопольный характер; здесь оставление их в руках государства может быть оправдано даже и при условии меньшей производительности и доходности (напр., железно-дорожное дело). Но, если критерий у нас остается тот же, что мы выставили в 1919 г., то опыт обязывает нас теперь сделать вывод, что при данных условиях, после 5 лет экспериментов над промышленностью, рамки, в которых государственное хозяйство, при максимальном напряжении энергии, может быть рационально организовано, гораздо теснее, чем мы это предполагали 3 года назад. При современных условиях государство не может управиться со всей крупной промышленностью, как не может управиться ни с продовольственным делом, ни с внешней торговлей. Поэтому, привлечение частного капитала во всех формах, вплоть до передачи ему предприятия в полной мере (что отнюдь не обозначает передачи его именно старому собственнику), должно быть общим правилом и интересы пролетариата и обществ должны быть ограждаемы не сохранением, во чтобы то ни стало, титулов собственности за государством или его непосредственным участием в эксплоатации предприятия, а рациональным контролем государства над производством и рациональной налоговой и социальной политикой.

Нет никакого сомнения, что на ближайший исторический период сфера государственного хозяйства в России останется еще весьма обширной, ибо ни русский, ни иностранный частный капитал не в состоянии заново организовать и поднять на прежний уровень всю промышленность, благодаря чему простой отказ от государственного хозяйства означал бы исчезновение целых отраслей промышленности и повел бы к аграризации страны».

Как Мартов об'ясняет эту полную капитуляцию перед капитализмом? Очень просто. Он заявляет, что „теперь уже не подлежит никакому сомнению, что хотя вызванный войной глубокий кризис капитализма далеко не закончился, и хотя имеется достаточное основание для утверждения, что этот кризис после ряда глубоких потрясений завершится не утверждением капитализма, а переходом к социализму, но первая стадия этого кризиса закончилась, не поставив пролетариат в передовых странах у власти и даже отбросив его на оборонительные позиции, по сравнению с 1918 1919 годами. Таким образом, на ближайшие критические для народного хозяйства в России годы, это последнее мы должны мыслить в капиталистическом окружении, и самое восстановление русского народного хозяйства, не мыслимое без немедленной помощи запада, должно мыслиться в тесном взаимодействии с европейским и американским капитализмом. Но если бы даже мы стояли накануне победы социализма на западе, то состояние, в которое приведено народное хозяйство военным коммунизмом, исключало бы теперь возможность использовать эту победу для ускорения перехода к социализму в России. Тем более, что самая победа европейского пролетариата отодвинулась вдаль“. Таким образом, Мартов рисует следующую историческую картину. В 1917 и 1918 г.г. меньшевики стояли твердо на почве буржуазного характера русской революции, были противниками захвата власти и противниками борьбы за социалистическую организацию русской промышленности. Под влиянием первых волн революции в промышленном западе они признали возможность борьбы за социализм в России, но ограничивали пределы социализации. Но так как это изменение их позиции было результатом надежды на немедленную победу революции в промышленных странах, то с замин-

кой в развитии мировой революции они отказываются от своих колебаний в направлении к социализму и становятся снова на старые позиции: «назад к капитализму»,—вот новый программный лозунг.

III.

Соответственно с этой эволюцией экономической программы меньшевизма, Мартов провозглашает перемену политической программы. В 1917 и 1918 г.г. меньшевики стояли на точке зрения буржуазной демократии и коалиции. Часть их стала даже на точку зрения коалиции с Колчаком и боролась с оружием в руках с нами. Но наступление белых в 1919 г., с одной стороны, а с другой, революция в Германии заставили большинство руководящих элементов меньшевизма высказаться за поддержку Советского правительства. Какое значение имела эта поддержка, мы здесь не будем говорить. Факт на лицо, что меньшевистская партия в 1919 году высказалась за борьбу с белыми и за поддержку Советской власти. Это было связано ближайшим образом именно с тем, что меньшевики считали возможными переходные меры к социализму в России. Теперь пришло время ликвидировать эту политическую программу,—заявляет Мартов. „Политическая тактика нашей партии в 1918 и 1920 г.г. определялась, прежде всего, тем фактом, что история сделала большевистскую партию защитницей самых основ революции против вооруженных сил внутренней и внешней контр-революции. Эта обязанность поддерживать большевиков усиливалась сознанием, что в своих утопических коммунистических стремлениях они выражают революционный порыв широких, хотя и отсталых и заблуждающихся масс городского и сельского пролетариата... В этом и другом направлении ситуация чрезвычайно изменилась“. Стоит процитировать все выводы Мартова, формулирующие это изменение:

„Вооруженная русская контр-революция подавлена, вооруженная интервенция и экономическая блокада ликвидированы. Со времени похода на Варшаву и аннексирования Грузии, внешняя политика Советской России утратила черты преимущественных забот об обороне революционного достояния и ее армия нередко становится из орудия защиты революции орудием угнетения чужих народов.

Параллельно этому и в связи с нэпом, ускоренно эволюционировали большевистская партия и большевистская власть. По своему социальному составу, большевистская партия ныне представляет организацию, в которой пролетарские элементы управляются и руководятся организаторами хозяйства на началах „коммерческого расчета“ и фабричного абсолютизма, дипломатами, милитаристами и полицейскими, организующими приспособление к целям развития капитализма абсолютистского, на бесправии народа основанного, государства.

Большевистская партия далеко еще не лишилась корней в русском рабочем классе: его утопический порыв и совместная с нею борьба против контр-революции связали их прочными узами традиций. Но связь эта с каждым днем ослабляется и уже теперь она держится не столько тем, что в данной власти массы видят выразительницу своих революционных чаяний, сколько тем, что от нее, во имя прежней связи, они ошибочно ждут более энергичной защиты своих интересов против воскресающего капитала, чем какую надеются иметь от другой власти».

Что же должна перед лицом такого изменения делать меньшевистская партия? Какая должна быть ее программа? Она должна в случае новых белогвардейских авантюр и дальше поддерживать Советскую власть. Но программа ее состоит теперь в ликвидации Советской власти.

«Целью этой организационной борьбы, как и прежде, является возможно безболезненный переход от режима диктатуры большевистской клики к режиму демократической республики. Стремление к безболезненному переходу, к избежанию новой гражданской войны, подсказывает партии выдвигание тактических переходных лозунгов: «свободные советы», «соблюдение советской конституции» и т. п. в сознании, что их осуществление и даже только

борьба за их осуществление облегчит путь к дальнейшей глубокой демократизации. Но цель остается прежней: «демократическая республика, как политическая форма относительно наилучше гарантирующая пролетариату и трудящимся классам, вообще, возможность борьбы за свое конечное освобождение и за немедленное улучшение своего положения; как политическая форма, при которой осуществима действительная власть трудящихся классов, если последние проявят достаточное понимание своих интересов и, если пролетариат сумеет восстановить свой боевой союз с демократическим крестьянством, сорванный утопизм и диктатурой большевиков.

В период 1918—1920 г.г. эта цель установления нормально функционирующего режима не ставилась партией в плоскость очередных задач: кипевшая в стране гражданская война против сил, отвергающих самую почву русской революции, исключала непосредственный переход к какому-либо конституционному режиму, основанному на твердых основах права. В то же время антагонизм между городским пролетариатом и крестьянскими массами был безумной политикой большевизма искусственно обострен в такой степени, что всякая попытка немедленно осуществить режим демократии могла привести лишь к его банкротству, к использованию демократических форм реакционными силами для ликвидации завоеваний революции. Поэтому, отвергая диктатуру большевиков в ее олигархической форме и ее террористических проявлениях, и, прежде всего, отрицая ее обоснование, как рычага социалистического преобразования, наша партия, тем не менее признавала неизбежность сохранения на неизвестное время режима революционного управления, т.-е., концентрации всей государственной власти в руках правительства на все время гражданской войны, вплоть до ограждения основных завоеваний революции. Наш тогдашний лозунг—власть, основанием на соглашения этих революционно-социалистических партий, и опирающаяся на свободно избранные рабочие и крестьянские советы,—выражал стремление заменить диктатуру партии такой формой революционного управления, свободной от терроризма и произвола, которая сделала бы возможным безболезненный переход к нормальному демократическому строю по мере ликвидации реставрационной опасности, и которая позволила бы пролетариату, в случае победы революции на Западе, начать действительное социалистическое строительство России.

Теперь, когда опасность реставрации устранена, когда напряженность отношений между пролетариатом и крестьянством ослабляется с каждым новым успехом «нэп'а», и когда временное торжество мировой реакции исключает перспективу скорого изменения международной обстановки русской революции,—теперь этот лозунг в тогдашнем его смысле утратил свое значение. Ибо теперь задачей дня является не подготовка условий перехода к нормальному режиму демократии, а самый этот переход, настоятельно необходимый как в интересах восстановления хозяйственной жизни, так и в особенности в интересах предотвращения той контр-революционной опасности, которая зреет в недрах самого, большевиками сданного, военно-бюрократического аппарата: опасности бонапартистского завершения красной диктатуры, которое, политически обездолив трудящиеся массы, поставит в привилегированное положение новую русскую буржуазию.

Разумеется, мы и теперь не отвергаем общего соглашения всех социалистов, включая и коммунистов, или ту часть их, которая при вероятном распаде нынешней РКП соберет в себе оставшиеся суб'ективно верными пролетариату ее элементы. Мы и теперь видим в таком соглашении гарантию против катастрофического, усиливающего шансы контр-революции, эпилога большевистской диктатуры. И мы будем продолжать добиватся того, чтобы еще следующие за большевизмом рабочие массы оказывали на него давление в интересах такого соглашения.

Но мы должны теперь ясно и отчетливо формулировать, что основным условием этого соглашения должно быть признание того, что период револю-

ционной диктатуры, оправданной фактом гражданской войны, закончился и, что основной задачей этого соглашения является переход к правовому режиму демократии. Ибо теперь всякое продолжение исторически пережившего себя режима революционного абсолютизма означает, в коррумпирующей обстановке возрождающегося капитализма, лишь усиление той бонапартистской опасности, которую не видят лишь добровольные слепцы, и которую не хотят заметить, лишь будущие прислужники бонапартистской диктатуры.

Таким образом основная политическая задача может быть формулирована в нашей программе, как борьба всеми средствами организованного массового движения за переход к нормальному режиму демократической республики, в видах предотвращения вырождения изжившей себя красной диктатуры в диктатуру бонопартистскую, и в видах максимального охранения интересов пролетариата и всех трудящихся масс перед лицом частного и государственного капитализма. Этой основной задаче партия подчиняет свои частные тактические лозунги: борьбу за реализацию признанных на бумаге за трудящимися прав вообще, права свободных выборов в советы в частности, борьбу против террора, борьбу за независимость проф. движения и кооперации, за свободу деятельности политических партии и т. д.

Мы привели в больших выдержках всю аргументацию Мартова и считаем, что партия наша должна этой статье Мартова дать широкое распространение.

Теперь мы перейдем к краткой характеристике. Она не нуждается ни в длинной полемике, ни в обширных раз'яснениях. Она говорит сама за себя, и нам приходится только подчеркнуть основные ее моменты.

IV.

Когда русский пролетариат боролся за свою власть, дабы вырваться из огня войны и осуществить переходные меры к социализму, меньшевистская партия стояла в лагере его врагов, находилась в коалиции с буржуазией и через нее даже с помещиками. Русский пролетариат и революционное крестьянство отбрасывают меньшевиков и эсеров от власти. Меньшевики отчасти сражаются против пролетарской власти с оружием в руках, отчасти своей агитацией за возвращение капитализма и за демократию, пытаются взорвать рабочую власть изнутри. Но история доказывает правоту большевиков, которые рассматривали русскую революцию, как звено мировой, и которые, определяя программу русской революции, исходили при этом из международного соотношения сил, а не только из провинциального русского. Меньшевики капитулируют программно в 19 г. Они становятся принципиально на почву борьбы за социализм, хотя ограничивают ее резонерски и доктринерски намечаемыми пределами. Но гражданская война кончается победой Советской власти.

Если в 1919 и 20 г. г. меньшевики считались с опасностью победы помещичьей контр-революции, то теперь они думают, что возможна победа мелкобуржуазной контр-революции. Помещичья контр-революция им была не по душе, но мелкобуржуазная, это есть именно их программа 1917 г. Поэтому они выдвигают открыто лозунг демократии. В 1919 г. они брали, с тяжелым сердцем, но все же брали курс на борьбу за предпосылки социализма, надеясь, что европейский пролетариат даст материальные средства для социалистического строительства. Теперь, вдруг оказывается, что мировая революция не победила в три счета. Поэтому они отказываются от этого курса на социализм и выдвигают неприкрытый лозунг возврата к капитализму. Они в этом в десять раз более радикальны, чем наиболее буржуазная часть сменовеховцев. Проф. Устрялов проповедывал «спуск на тормозах». Лозунг Мартова—борьба против всяких препятствий до капиталистической контр-революции. Он заявляет открыто об обязанностях меньшевистской партии. «Занять определенно отрицательное отношение ко всем попыткам большевиков—затормозить этот процесс».

Мы не будем здесь останавливаться на том, что меньшевики, которые всегда большевикам делали упрек, что они романтики, считают победу мировой революции вопросом одного дня,—что эти самые меньшевики теперь оказываются привержен-

цами такого романтического взгляда, отказываясь от программы социализма, раз международная революция не победила в три дня. Этот романтик меньшевиков чужд всякой надежды. Он только слегка прикрывает факт, что в 1919 г. они очень неохотно отказались от борьбы за возврат к капитализму. «Кон'юнктура» была тогда неудобная. В разгар вооруженной борьбы с белыми, экономического разгрома буржуазии при помощи национализации трудно было защищать открыто возвращение к капитализму, и тем более, что некоторые из вождей меньшевизма, с соответственной мелкобуржуазным политикам способностью поддаваться впечатлениям, сами начали увлекаться идеей всемирной революции. Теперь нэп является брешью, через которую прет и русская буржуазия и мировая.

Когда Ллойд-Джордж и Пуанкаре кричат: «долой тормоза», и когда Советская власть ведет переговоры о привлечении иностранного капитала, пытающегося вырвать из ее рук «тормоза», то и к Мартову и к Дану возвращается мужество, чтоб наперетъ плечом на двери, в которые стучит мировой капитал, и кричать: «долой тормоза». Меньшевистская партия считает, что пришел момент открыто выкинуть свое знамя,—знамя возвращения к капитализму и к буржуазной демократии, сделаться, таким образом, организующим центром буржуазного давления на советское правительство. Само собой понятно, что благородный Мартов не будет нэпманом, что даже Дан не будет на Ильинке торговать валютой. Они льстят себя надеждой, что когда сие случится, когда победит буржуазия экономически и политически, то они будут играть роль защитников 8-часового рабочего дня и других хороших вещей. Но это, понятно, не меняет значения их программного поворота, который является разновидностью напора буржуазии и мелкой буржуазии на Советскую власть, дабы сбыть ее с занятой ею позиции.

Меньшевистская партия развернула свое знамя возвращения к господству буржуазии. Она облегчит нам этим борьбу с собой среди тех элементов рабочего класса, среди которых меньшевики могли еще иметь известное влияние, когда выступали против всех тяжелых сторон новой экономической политики. Когда они теперь выступают за старую экономическую политику, но не коммунизма буржуазии, то роль их, как авангарда буржуазии, будет рабочим вполне ясна. Всякий рабочий поймет теперь, что коммунистическая партия, делая капитализму уступки (которые необходимы, во-первых, потому, что в крестьянской преимущественно стране переход к социализму очень труден, и, во-вторых, потому, что экономика страны очень ослаблена 3-летней империалистической и 4-летней гражданской войнами и, в-третьих, потому, что силы мировой революции только медленно назревают), в то же время борется за социализм; меньшевики же борются за возвращение капитализма. Всякий рабочий поймет, что именно потому, что наши вынужденные экономические уступки усиливают буржуазию, что именно поэтому надо с полной энергией защищать Советскую власть, как барьер против победы буржуазии. Всякий рабочий поймет, что борьба меньшевиков за демократию есть борьба за победу буржуазии.

Меньшевистская партия своей новой программой заслужила вполне быть партией 2-го Интернационала.

Ось всей политики 2-го Интернационала—это восстановление капитализма. Выдвигая эту платформу для России, Мартов закругляет программу 2-го Интернационала, как программу международной ликвидации всех завоеваний первых двух волн международной революции. Между программой 2-го Интернационала и программой Ллойд-Джорджа исчезает, таким образом, последняя разница. Если во время Генуэзской и Гаагской конференции, на которых мы боролись за сохранение крупной промышленности в ее основных частях в руках пролетарского государства, мы не встречали никакой поддержки 2 и 2½ Интернационалов и считали это предательством, но это предательство в статье Мартова «Новая платформа» получает программное обоснование. Вожди 2-го и 2½ Интернационалов не могли даже сочувствовать этой программе. Они за полную ликвидацию социальных завоеваний революции, за возвращение к капитализму без всяких оговорок. Значение программы Мартова в том, что она это показывает ясно и не двусмысленно. Теперь никто уже не может сомневаться в том, что, борясь с меньшевиками, мы боремся с фортпостом международного капитализма, стремящегося к капиталистической реставрации в России.

Карл Радек.

„БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЮ“

(Платформа и тактика партии меньшевиков).

Партия „Российской социал-демократии“ прибавила еще один этап к своей славной истории.

Накануне пятой годовщины существования в России власти советов, после сотен и тысяч побед, одержанных трудящимися России под руководством нашей партии, перед лицом все растущего международного и внутреннего укрепления нашей республики,—меньшевики „во второй раз“ за время революции меняют вехи или, говоря словами Дана в № 20 „Соц. вестника“, „приступают к всестороннему пересмотру своей *тактической платформы*, то есть тех *очередных требований* и лозунгов, выдвигание которых диктуется *реальным соотношением социальных сил*“ (курсив подлинника).

В какую же сторону ведет этот „всесторонний пересмотр тактической платформы“, который, скажем от себя, производится не во второй, а в двадцатый раз, никогда, впрочем, не лишая этой „тактической платформы“ ее злостного оппортунизма и тоски по капиталистической родине. Не последовали ли меньшевики примеру других „реальных политиков“, которые, раз совершив переоценку ценностей, „сменив вехи“, перешли на путь примирения с советской властью и сотрудничества с ней?

О, нет! ибо меньшевики сохранили „неизменной свою программу в ее основных принципиальных положениях“.

На опыте пяти лет революции мы великолепно знаем сущность этих „принципиальных положений. Они вкратце сводятся к тому, что русская революция—капиталистическая; что пролетариат российский не должен был опережать своих культурных западных собратьев, а мирно воспитываться в „завоеванных“ им условиях буржуазной демократии; что диктатура, захваченная вооруженной рукой рабочего класса, является исторической ошибкой, ослабляющей силы пролетариата; что капитализм еще не „созрел“ для социальной революции, а когда „созреет“, тогда достаточно будет легкого нажима, чтобы готовый плод социализма скатился к ногам победоносного пролетариата.

Из этих „принципиальных положений“ вытекал тактический вывод о необходимости ликвидации „большевистской“ диктатуры, которая деморализует рабочий класс, лишает его активности и является лишь прологом к большевистскому, либо буржуазному бонапартизму, а то и вовсе к монархической реставрации.

Правда, меньшевистский ЦК в своих публичных заявлениях всегда рекомендовал проводить эту ликвидацию не методами вооруженной борьбы, а путем „организации массового воздействия“ на большевиков, ибо насильственное их свержение могло бы вызвать буржуазный бонапартизм, но на деле это „воздействие“ сводилось к тому, что меньшевики пользовались самыми отчаянными положениями для трудящихся России, чтобы направить недовольство наиболее несознательных элементов против рабочего правительства и его руководящей партии, а меньшевистские политики блокировались с подлинно-белогвардейскими организациями, ставившими более откровенно ту же цель. На деле меньшевики прямо или косвенно своими нападками на Советскую Россию, ушатами помоев, которые они щедро разливали в своих заграничных печатных и устных выступлениях, создавали моральную поддержку для интервенционистских поползновений западно-европейской буржуазии и тормозили поддержку России со стороны европейского пролетариата. И не одной лишней тысячей жертв, не одной чашей лишних страданий обязан российский пролетариат своим социал-демократическим „представителям“.

* * *

Мартов пишет, что „совершаемый ныне пересмотр тактической платформы“ уже не первый

Оглянемся и мы назад, чтобы посмотреть, каковы были в прошлом эти пересмотры очередных требований и лозунгов, выдвигание которых диктуется реальным

соотношением социальных сил и является наиболее *„действительным средством сплочения рабочих“*.

Стоявшую у ворот Октябрьскую революцию меньшевики, устами того же Дана на заседании Ц. И. К. *от 24 октября*, встретили так: „народ получит вместо земли—цепи, гнет и неволю. Мятеж большевиков близок к концу. Завтра же при неудаче большевистские руководители скроются заграницу... Не делайте этого пагубного дела. Вы погубите всю силу рабочего класса“.

В первые дни после переворота ЦК меньшевиков незначительным большинством высказывается уже за „соглашение“ с большевиками с целью... их раскола, после которого наступит очередь для подавления „солдатчины, группирующейся вокруг Ленина и Троцкого“.

Но, к несчастью для меньшевиков, эта „очередь“ так и не наступила Меньшевистские активисты входят весной 1918 г. в белогвардейский „Союз возрождения“, а летом того же года вся партия меньшевиков идет под лозунгом: „организовать поднимающуюся против большевиков стихию“.

Но победы пролетариата в России над Уфимской демократией и над Колчаком, революция в средней Европе, дают нашим реальным политикам хороший тактический урок, в результате которого они „приемлют“ Октябрьский переворот, как „исторически неизбежный факт“, заявляют, что „держат курс на мировую революцию“ и т. д.

Но с конца 1920 г. с момента частичной ликвидации фронтов меньшевики снова начинают пересматривать свои „очередные лозунги и требования“ и все больше правеют. Этот процесс закончился в последние месяцы тем, что меньшевики окончательно скатились в болото самого низкопробного оппортунизма и полного примирения с капитализмом.

Чем же руководствовались меньшевики при постоянных „пересмотрах своей тактики“. Действительно ли они исходили из поисков „наиболее действительного средства сплочения рабочих“?

Если внимательно продумать даже тот беглый набросок, который дан выше, можно убедиться, *что постоянной целью меньшевистской деятельности, никогда не менявшейся, была ликвидация Октябрьских завоеваний, реставрация буржуазной демократии. И, если они по временам краснели*, чтобы потом еще больше побелеть, если они одно время занимались *«революционным звуко-подражательством»* (по выражению тов. Троцкого), то только потому, что *они всегда старались подобрать такие лозунги, которые могли бы в данный момент подействовать на инстинкты отсталых масс*—не только рабочих, но и мелко-буржуазных—*привлечь их к ним все для той же постоянной цели*—для буржуазно-демократической реставрации.

* *
*

Переходим теперь к последнему «пересмотру», завершающему цикл меньшевистской эволюции. «Нынешний пересмотр», пишет в упомянутой статье Дан: нашей платформы происходит в обстановке, которая и в мировом, и в национальном масштабе может быть характеризована, как эпоха *революционного отлива*. Этим именно обусловлено то *направление* пересмотра.

Итак, по меньшевистскому признанию, налицо только *отлив* революции, эпоха остается по прежнему *революционной*. Каковы же задачи всякой революционной партии пролетариата во время *отлива* революции, за которым всегда следует ее *прилив*? Не является ли ее прямой задачей сохранение революционной энергии рабочего класса на прежней высоте, борьба с упадочными настроениями, всяческое уяснение временного и преходящего характера отлива, закрепление за пролетариатом наибольшего количества захваченных в период под'ема позиций? не таково ли должно быть «обусловленное» отливом «направление пересмотра?»

Так поступают *революционные* партии, так поступают коммунистические партии во всех странах. Но меньшевики-партия соглашателей, реформистов, они держат курс не вперед, а назад.

«Наша партия *всегда* стояла на почве демократической республики... Но в различные периоды провозглашение этого лозунга имело для нашей партии различный практический смысл... Теперь, в эпоху отлива революции и поражения рабочего класса, демократическая республика выдвигается нами, как плотина, способная задержать понятное движение революции... как государственный строй, представляющий рабочему классу и трудящимся массам вообще, наибольшие возможности для отстаивания позиций и для подготовки к новому наступлению... Отсюда именно вытекает то действительно «новое», что должно быть внесено в постановку нашей очередной политической борьбы».

Итак, «то действительное новое», что выдвигает партия меньшевиков, оказывается нашей старой доброй, знакомой демократической республикой. Но теперь она должна послужить для высокой цели — для задержки понятного движения революции. Если бы рабочие России послушались совета меньшевиков, они бы распустили советы и учредили *демократическую республику*, «как государственный строй, представляющий *рабочему* классу наибольшие возможности для отстаивания своих позиций и для подготовки к новому наступлению».

Шутники! И это они пишут в столице Германской «демократической республики», где рабочий класс стонет под игом «социалистического» правительства, за спиной которого стоят отечественные и иностранные капиталисты, где навязшая в зубах русских рабочих «демократия», является благоприятнейшей атмосферой «для подготовки к новому наступлению»... только не рабочих, а монархической буржуазии.

Теперь, когда меньшевики снова стали открытыми рыцарями прекрасной демократической дамы, они спешат оправдаться в некоторых увлечениях своего прошлого.

«В 1918—19 г.г., эпоху под'ема мировой революции.. мы могли выдвигать.. „демократию трудящихся“, мириться с несовершенством революционно-демократической системы». Они действовали так потому, что у них были достаточные гарантии того, что «демократия трудящихся будет лишь этапом на пути к распространению последовательной демократии на всех граждан *без исключения*» (курсив мой).

Итак, меньшевики и «в эпоху под'ема мировой революции», когда они распинались в своей верности пролетарской диктатуре, рассматривали ее лишь, как временный этап на пути «к последовательной демократии для всех граждан без исключения»! Ценное признание. А рабочие России, по своей некультурности, думали и думают, что пролетарская диктатура-проходящая форма господства рабочего класса на пути к бесклассовому обществу.

Не подумайте только, что меньшевики поставили „формальную демократию“ во главе своей «новой» платформы, имея хоть сколько-нибудь в виду интересы экономически возрождающейся буржуазии. Напротив.

„Теперь именно «формальная демократия» должна стать нашей ближайшей целью, потому, что в обстановке воскресающего капитализма, в его частной и государственной форме, все нарушения формального демократизма будут прежде всего и больнее всего ударять по рабочему классу, экономически и социально наиболее ослабленному и закреплять привилегии классов имущих... как партия рабочего класса мы к этому факту и должны приспособить свою тактику“.

Воистину—век живи, век учись и... дураком помрешь! «Партия рабочего класса“ поучает нас устами Дана, 1) что „нарушения формальной демократии“,— читай пролетарская диктатура, власть советов—прежде всего и больнее всего ударяет по рабочему классу, 2) что пролетарская диктатура закрепляет привилегии класса имущих и, 3) что больше всех ослабел от революции в России не класс помещиков, не буржуазия, а пролетариат.

Что ни слово—то откровение!

Итак, отныне такие лозунги как „свобода для трудящихся“, должны поэтому окончательно исчезнуть из нашей агитации... и заменится ясным и определенным требованием *политической свободы и политических прав для всех*.. В этом основной смысл пересмотра нашей политической платформы.

Что и говорить смысл «ясный и определенный».

Хватит болтовни о „свободе для трудящихся“! Да здравствуют „политические свободы и права для всех“! Долой советскую власть, да здравствуют „все“, т. е. и Деникин, Врангель, Суворин, Марков 2-й, Савинков; не говоря уже о Милюкове и Рябушинском! О последних говорит Мартов: «Необходимо представить имущим классам достаточный простор для борьбы за влияние на ход дел в государстве и на народные массы»..

* * *

Какими путями мечтают меньшевики осуществить последнее берлинское издание своей платформы?

«Тактику насильственного свержения большевистской власти» они «попрежнему» отвергают. Ибо «будучи партией революционной по отношению к капитализму, мы остаемся по отношению к этой власти партией не *революции, а оппозиции*» (курсив мой).

Прежде всего о терминах. В буржуазных государствах парламентской „оппозицией“ являются партии, отнюдь не желающие свержения государственного строя, а добивающиеся незначительных, не принципиальных изменений в его политике и—главное,—введения в правительство своих ставленников. Меньшевики не хотят свержения капитализма, но под тем или другим соусом стремятся к низвержению власти советов. Не прав поэтому Дан, называя своих единомышленников *революционерами* по отношению *к капитализму*, и *оппозиционерами* по отношению к *Советской власти*. Партия меньшевиков по отношению к *капитализму* только *оппозиционна*, а по отношению *к нам* глубоко и активно *реакционна*.

Какова же та тактика, которую предлагает меньшевистский ЦК своей партии?

„Наша тактика должна ставить себе задачей постоянное выдвигание требования *демократических прав*, „частичных“ лозунгов, и стремиться на почве отстаивания этих требований сплачивать все разрозненные части пролетариата между собой, и пролетариат в целом с крестьянством ..

Итак, тактика старая, несмотря на новые условия. Использования всякого недовольства пролетарской властью, где бы оно ни появлялось, для борьбы за „частичные“ лозунги, проникновение в выборные рабочие организации, потакание кулацким слоям крестьянства, тем самым, на которые в свое время пыталась опереться партия эсеров и, наконец, ««соглашение всех социалистов» — очевидно и эсеров и энесов.

На что расчитывают меньшевики? Прежде всего и раньше всего все на тот же пресловутый «раскол» большевиков, откол от „бюрократически извратившейся“ партии ее „пролетарского демократического ядра“, которое вкупе с меньшевиками «поведет организацию массового рабочего движения на почве выдвигания «частичных» демократических требований (свобода стачек, союзов, печати, собраний, выборов и т. д.), об'единенных общим стремлением к ликвидации большевистского режима и замене его демократической республикой».

Как представляют себе меньшевики реальное претворение в жизнь своей демократической платформы?

Лозунг учредительного собрания оставлен меньшевиками, как слишком скомпрометировавший себя в глазах рабочих и крестьян. Так и пишут, и не краснеют при воспоминании о том, как они сами старались играть руководящую роль, всерьез и надолго, в этом учреждении, покрывшем себя таким позором в глазах трудовой России.

Поэтому меньшевики согласны и на то, чтобы «демократически-республиканскую конституцию октроировало не Учр. Собр., а с'езд советов.»

Блаженны верующие!

В меньшевистскую «демократизацию Советов» поверят только те, которым верить в то хочется—новая буржуазия и ее заграничные покровители.

Рабочий класс еще зорче будет охранять свои советы от проникновения в них чужеродных тел.

Новая «платформа и тактика» меньшевиков является лишь незначительным эпизодом из того общего отхода от всех остатков революционного социализма, который проделывает теперь международная социал-демократия.

Вступление германских независимых в партию Носке и Шейдемана, поддержка правительства Муссолини большинством итальянской социалистической партии, все более тесный блок между социал-демократией и буржуазными партиями в ряде других стран, означает полный отказ мирового реформизма от активной борьбы с капиталом, полную измену рабочему классу.

Отныне нет меньшевизма, как правого крыла рабочего класса, есть меньшевизм, как левое, но наиболее для нас опасное, крыло буржуазии.

И задача нашей партии внедрить это в сознание каждого рабочего.

Р. Янковский.

КООПЕРАЦИЯ

ОЧЕРЕДНЫЕ ВОПРОСЫ КООПЕРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ

Последнее собрание уполномоченных Центросоюза, подводя общие итоги предшествовавшей кооперативной практики, в своих резолюциях установило постепенное усиление роли потребительской кооперации в хозяйственном строительстве республики.

Собрание уполномоченных, представляющее в своих мнениях сгустки повседневного кропотливого опыта, еще раз и с особой тщательностью взвесило деятельность центра и мест и отметило, что „при наличии сложной хозяйственной обстановки, все же достигнуты значительные результаты по усилению хозяйственной роли и значения центра потребкооперации". Рядом с данной оценкой собрание подчеркнуло, что размер деятельности центра, как и местных органов потребкооперации, не покрывал те чрезвычайные нужды, которые стояли в повседневной практике. Словом,—вот наши итоги оценки пройденного, достигнуты значительные успехи, но эти успехи бледнеют перед сложнейшими хозяйственными проблемами, поставленными жизнью перед потребительской кооперацией.

Ярко и отчетливо собрание уполномоченных наметило основной и, с нашей точки зрения, непременный путь. Собрание уполномоченных от имени и именем потребительской кооперации дало „как обязательную директиву центру и местам—теснее спаять свою работу, использовать все силы и средства для развития организованного товародвижения» и рекомендовало «неослабно продолжать работу по упорядочению и созданию конкурентно-способного технического аппарата потребкооперации».

Мы склонны подчеркнуть и еще раз напомнить данные выводы авторитетного руководящего органа российской кооперации—собрания уполномоченных Центросоюза. Больше того, считаем совершенно необходимым под углом данной точки зрения проверять развивающуюся практику потребкооперации. Слишком сложна окружающая обстановка и крайне ответственна, выпавшая на долю потребкооперации роль в условиях новой экономической политики, чтобы можно было «смотреть свозь пальцы» на извращения общей линии и директив руководящего органа. Практика дает богатое число примеров подобного извращения, и поэтому крайне своевременно вынести на общую критическую оценку те вопросы из практики, которые ослабляют развитие деятельности потребкооперации и создают условия, неблагоприятные для достижения максимальных результатов от об'единенной работы потребителей.

Очередной шаг в нашей самокритике—предстоящая сессия совета Центросоюза. Порядок дня сессии ставит на обсуждение основные, выявленные практикой потребкооперации вопросы Каждый из них в отдельности не может не остановить на себе внимания своей острой злободневностью. От сессии мы вправе ждать решений, укрепляющих нашу практику, и потому берем на себя то, что на языке собраний называется „словом к постановке вопроса".

Год с небольшим тому назад патребительская кооперация в условиях новой экономической политики, переходя на то, что ныне принято называть «хозяйственным расчетом», подвела итоги своим скромным силам и средствам. Их несоответствие с поставленными перед потребительской кооперацией задачами было настолько разительно, что у многих практических работников буквально опускались руки и терялась вера в успех работы. И, если рядом поставить неизмеримо тяжкие условия

истекшего голодного года—со всей очевидностью встанут перед нами огромные трудности для работы слабого силами и средствами торгового аппарата „за свой риск и страх“—вернее, за риск и страх потребителя с полуголодным бюджетом. А ведь мы стояли перед задачами: «монопольного положения на рынке», „влияния и сосредоточения торговой работы через аппарат потребительской кооперации“.

Нужно ли напоминать, что иллюзии немедленного овладения рынком очень скоро рассеялись, и мы были отброшены к тому положению, которое именуется на грубом языке капиталистических форм торговых взаимоотношений: „сколько средств,—таков и размер торгового дела“. Не удивительно, что эта обстановка толкнула на путь выколачивания средств, и настолько обострила понимание задач сегодняшнего дня, что потребительская кооперация, опираясь на истерзанных хозяйственной разрухой потребителей, достигла виртуозности в „накоплении первичного капитала“.

Мы отмечаем данный уклон в практике потребкооперации не для того, чтобы метать „громы и молнии“. Для нас слишком ясна суровая неизбежность применить крайность, чтобы в кратчайший срок создать мощную организацию потребителей. На старом слащавом языке можно сказать: „все хорошо во благовремении“. Однако, „благовремение“, да еще с усиленным нажимом на потребителя с дозволением любых способов извлечения прибылей, не может быть прикрыто дальнейшими задачами потребительской кооперации.

Истекший период нельзя иначе назвать, как периодом чрезвычайных вольностей в кооперативной работе, когда сегодняшний грех против потребителя шел во имя „искупления“ в будущем.

Это будущее—сегодня; и если потребительская кооперация не сможет легко стряхнуть с себя уклон к торговле ради торговли“—она рискует остаться за бортом хозяйственной жизни, рискует выродиться в торгашескую организацию. Эта опасность не шуточная и, судя по отдельным примерам работы потребительских организаций, она не далека.

Мы считаем своевременным круто обрезать эти „вольности“ и указать надлежащее место в работе каждой потребительской организации. И не потому, чтобы мы были ярыми поклонниками «принципов чистой потребительской кооперации», а потому, что обстановка хозяйственной жизни, в свое время, вызвавшая директиву «закрепления позиции», не взирая на принципы, сегодня позволяет нам напомнить о возможности и необходимости от чисто торговых приемов перейти к работе, свойственной сущности кооперативной организации.

На самом деле: ведь даже беглый взгляд на прошлое говорит нам ясно, что достигнутые успехи потребительской кооперацией являются следствием своеобразной хозяйственной обстановки, и отнюдь не могут быть поставлены в зависимость от прекрасно налаженного торгового аппарата. Эти успехи не могут закрыть перед нами качественных дефектов в работе и из них первый и самый важный—это тот, что организация потребителя утратила заботу об устранении лишнего посредника между производителем и потребителем.

Период «вольностей» безусловно оставит тяжкий и болезненный след, и именно в части утраты должного внимания к интересам потребителя. Однако, сегодняшнее состояние товарных рынков—уже крепко бьет по забывшим свое дело потребительским организациям и заставляет искать прямой торговой связи с производителем, минуя посредника. Другой след периода «вольностей»—в чрезвычайном распылении сил потребительской кооперации. Ряд причин развил болезненную самостоятельность и стремление не быть «под опекой».

Где и как выступает потребительская кооперация на товарных рынках?

Любопытно было бы ответ на этот вопрос иллюстрировать данными о работе контор и представительств губсоюзов на московском рынке под боком у Центросоюза или работою крупнейших городских потребительским организаций МПО ПЕПО на местах в районах губсоюзов. Эти иллюстрации хорошо всем известны и их еще, кой-как вкривь и вкось можно оправдывать необходимостью. А вот отдельные факты, на которые трудно найти даже проблеск оправдания: ПЕПО—организация петербургских потребителей—имело магазин на Нижегородской ярмарке для продажи... потребительских товаров; Ив.-Вознесенский губсоюз в Вологде и в уездах Вологодской губернии организовал... торговлю мануфактурой; в Киевщине просла-

вился ряд потребительских организаций центра и мест организацией своих магазинов... рядом с существующими потребобществами.

Можно ли дальше скользить по наклонной плоскости? Мы говорим нет и повторяем, что крутой поворот от «вольностей» должен быть сделан со всей силой и авторитетом руководящим центром. Чистка рядов потребительской кооперации, обуздание разгоревшихся «во время еды аппетитов» должны встать на очередь.

В числе мер воздействия на оздоровление торговой политики потребкооперации—нельзя не поставить задачи практического углубления работ центра потребкооперации. Несмотря на чрезвычайное напряжение сил, Центросоюз своими оборотами захватывает лишь скромную часть общих оборотов потребкооперации. Оставлять это положение—значило бы признать, что центр для потребительской кооперации нужен «постольку-поскольку». Но так как нет спора о том, что центр нужен безусловно и не только в качестве широковещательной вывески, а в роли мощного собирателя сил потребкооперации, то, естественно, мы ставим вопрос—о сосредоточении сил потребкооперации в центре. Работа через голову центра может быть обрезана крайне решительно, поскольку она не вызывалась прямой необходимостью и могла быть (а часто и с значительно повышенным успехом) влита в работу центра.

Разумеется, рядом встает вопрос и о самом расвертывании операций центра, об их укрупнении с тем, чтобы от мелочной работы перейти на укрупненную, захватывающую торговые нужды крупнейших потребительских районов.

Наше «слово к постановке» вопросов было бы не полно, если бы мы ограничились критической оценкой торговой политики потребкооперации.

По своей злободневности бьет в глаза вопрос «о денежном и товарном кредитах». Чтобы служить интересам потребителя и «не вариться в собственном соку» —нужен приток сторонних средств. Эту истину мы уразумели давно, но не разрешили. Ограниченность кредитных источников—пожалуй, одно из веских оправданий чрезвычайного выколачивания прибылей из торгового дела. В свое время тов. Хинчук Л. М. в одном из своих докладов сказал, что потребительская кооперация «страдает не от того, что кредит—дорог, а от отсутствия кредита». Практика Государственного банка и затем организация банка потребительской кооперации—несколько ослабили остроту кредитных вопросов, однако, было бы ошибочно утверждать, что они смогли предоставить средства в меру способностей аппарата потребительской кооперации, и в меру стоящих перед ней задач. Банковый аппарат в стадии своего развития лишь облегчил работу потребкооперации. День за днем эти источники крепнут. Однако, развивающаяся практика торгового дела не ждет и заставляет изыскивать иные формы кредитного дела. В последнее время—определились формы товарного кредита. В отношении потребительской кооперации эти формы получили начало в обязательстве ВСНХ предоставить Центросоюзу кредит товарами в размере 10 милл. рублей золотом. В данное время форма товарного кредита, применяемая и Центросоюзом по отношению к местам, развивается. Вызвать ее к жизни в больших размерах—задача сегодняшнего практического дня и для центра и для местных органов потребкооперации.

Кстати сказать, вообще кредит, и в частности товарный кредит от центра к местам может служить одним из «убедительных» воздействий на торговую политику потребкооперации. Мы не можем отказаться даже от этого грубого способа, памятуя, что потребительской кооперации, ныне фактически превращающейся в интегральную кооперацию, пора об'явить решительную борьбу с торгашеством.

Наконец, особо из текущих вопросов стоят задачи потребкооперации в реализации урожая. После тяжких кризисов в продовольствии, мы подошли к урожаю. Естественно, что силы и внимание сосредоточились на хлебном деле. Однако, мы не можем сказать, что пути для постановки хлебного дела потребкооперацией ясны. Мы вышли на крупную и ответственную работу. Преждевременно еще говорить о достигнутом. Целесообразнее оттенить, на наш взгляд, общее влияние хлебных операций на торговую политику потребкооперации. Хлеб—это основа, товар, которым неизбежно будет интересоваться потребкооперация. Через этот «товар» потребительским организациям легче всего «найти самих себя» в постановке торгового дела. Потребитель крепче пред'явит свои интересы, именно по хлебным операциям,

ближе подойдет к своему кооперативу, а это уже крепкая гарантия к выправлению торговой политики потребкооперации.

Мы остановились из практики потребкооперации лишь на остром, злободневном. Думается, что тот размах деятельности, который мы уже ныне наблюдали в потребительской кооперации, дает богатейший опыт. Этот опыт необходимо почаще «перетрясать», чтобы он, как говорят, «не залежался» и не пропал.

А. Шевцов.

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА РАБОЧИХ КООПЕРАТИВОВ.

Торговая политика городских ЕПО до сих пор имела в своем основании два положения: а) обслуживание профессионально-об'единенного рабочего потребителя через об'единения, построенные по производственному признаку и б) универсальная торговля по рыночным ценам на вольного покупателя, причем в большинстве случаев вторая часть превалировала по своим размерам над первою.

Одновременно с ЕПО большинство добровольных об'единений повели свою работу также в двух направлениях: а) снабжение своих членов по удешевленным ценам продуктами и предметами первой необходимости, и б) отпуск из своих магазинов (также с претензией на универсальность) товаров вольному покупателю по рыночным ценам.

Слабая покупательная способность организованного потребителя, отсутствие оборотных средств, необходимость их скорейшего накопления, неустойчивость денежной единицы и т. п., казалось, оправдывали такого рода политику, политику «периода первоначального накопления капиталов», когда средства направлялись в большей своей части в торговые операции, ничего общего не имевшие с удовлетворением потребностей массового потребителя.

Быстрый рост частно-торгового аппарата, засвидетельствованный одним из авторитетных представителей власти (т. Лежава в докладе по Комвнуторгу), и относительно слабое участие кооперативов в товарообороте страны заставляют нас пересмотреть основы торговой политики рабочих кооперативов и уяснить себе, насколько в настоящий момент они соответствуют двум задачам, стоящим перед рабочей кооперацией: стать организацией, вполне обслуживающей рабочего потребителя, и фактором, влияющим на рынок.

В настоящее время рабочая кооперация весьма слабо справляется с теми двумя задачами, кои нами указаны выше: чем больше мы переходим от натуральных форм заработной платы к денежным, тем меньшее место в расходном бюджете рабочего занимает его забор в кооперативе, становясь до ничтожности мизерным.

Пример: Екатеринбургская потребительская коммуна, являющаяся одной из наиболее мощных кооперативных организаций, числит у себя 24.444 организованных потребителя, считая здесь и членов семей (цифры относятся к апрелю месяцу). Оборот ее по отпуску товаров за тот же апрель месяц равен 8.995.800 руб. знаками 1922 г. За тот же месяц оборот рабкоопов по приходу товаров 2.015.500 руб. Если считать, что все рабкоопы получали только от потребкоммуны, то ясно, что из ее оборота по отпуску товаров только 22½% приходится на рабкоопы; оборот рабкоопов по отпуску товаров за тот же месяц 1.749.349 руб., из них на отпуск членам приходится 1.182.783 руб. Таким образом, приняв во внимание, что Екат. потребительская коммуна в апреле месяце отпуск организованному потребителю прозводила только через рабкоопы, мы имеем из 8.995.800 р. на членов только 1.182.783 или 13,1%, на члена всего 48,4 руб. Если допустить, что в июле снабжение организованного потребителя займет уже не 13,1%, а 25%, если принять к тому же во внимание, что число членов в июле Екатер. потребкооперация исчисляла около 40.000, то мы увидим, что из ее оборота по отпуску товара за июль—24.800.000 руб. придется на каждого члена только 155 руб.,—цифра до крайности ничтожная.

Несмотря на тяжелое положение уральской промышленности, создающее большую задолженность предприятий рабочим, несмотря на низкий уровень заработной

платы рабочего, мы должны сказать, что кооперация рабочему на Урале оказывает ничтожную помощь. Так как нами для примера взята мощная кооперативная организация, то это дает основание сказать, что со снабжением рабочего потребителя дело обстоит неблагополучно, что здесь положение требует радикальных мероприятий.

Как же справляется рабочая кооперация со второй своей задачей, какое воздействие оказывает она на рынок? Выполнение этой второй задачи неразрывно связано с успешным осуществлением ею своей первой задачи. Чем больше кооператив организовал вокруг себя потребителей, чем полнее удовлетворял их запросы, чем меньше заставлял он их прибегать к услугам вольного рынка, тем больший плацдарм отвоевал он у частно-торгового аппарата, тем более мощной единицей явится он на рынке, тем скорее он сможет стать влиятельным фактором образования цен. Не вольная торговля, не отпуск неведомому покупателю определяет мощь кооператива: измерителем мощи кооператива, кроме общей суммы товарных отпусков, является также процентное соотношение между отпуском членам и общим отпуском, и чем больше этот процент, тем кооператив сильнее. Смешно говорить о серьезном влиянии на рынок кооператива, где его основной потребитель, рабочий, забирает на сумму от 50 до 150 руб. в месяц, отдавая остальные 99% своего заработка частному посреднику.

Не имея у себя точных цифр, мы не имеем возможности определить, какое место занимают городские кооперативы в розничной торговле. Прикидывая на глаз размеры частной и кооперативной торговли в наших городах, можно придти к определенному выводу, что это место очень незначительно и вряд ли собранные цифры могли бы доказать нам противное.

В самых существенных для нас областях в торговле продуктами питания: хлебом, мясом, жирами участие кооперации выразится, несомненно, небольшим процентом. По отношению к хлебу, вероятно, наиболее высокий процент даст нам МПО, пользующееся большой поддержкой Моссовета.

Итак, мы признали, что обе задачи выполняются городской, в частности рабочей кооперацией в высшей степени неудовлетворительно.

Попробуем наметить те мероприятия, которые должны усилить работу кооперации, обеспечив ей по праву то место, которое предоставлено ей в советском государстве, и сделав ее действительно той реальной силой, которая облегчила бы советской власти регулирование торговли.

В этом отношении нам необходимо установить одно положение: серьезные успехи здесь будут достигнуты только тогда, когда в кооперативной системе будет достигнуто больше организованности, когда будет проведена сознательная соподчиненность, когда каждым кооперативным звеном будут ясно осознаны свои задачи. Частный капитал, несмотря на свою молодость, обнаруживает большую организованность; он идет против нас совместным строем, и наши победы над ним будут обеспечены только тогда, когда мы ему противопоставим свой единый, несокрушимый фронт, когда мы в своей работе используем все завоевания торговой стратегии.

Прежде всего нужно провести грань между задачами ЕПО и задачами об'единений внутри его.

ЕПО, являясь органом, выражающим потребительские нужды всего населения, управляемое всем населением, ставит перед собой задачу обслуживания всего населения. Добровольные об'единения внутри его имеют своей задачей обслуживать потребности только об'единившихся в нем граждан, и задачи влияния на рынок, его регулирования, обслуживание всего населения перед ним не стоят и не должны стоять. Этим самым мы определяем и формы торговой деятельности кооперативов. Наши добровольные об'единения, по какому бы они признаку ни строились, должны твердо и неуклонно взять курс на превращение в закрытые распределители, должны ограничить свою деятельность в обслуживании только своих членов. Те условия, о которых мы говорили в начале и которые не позволяли поставить вопрос таким же образом в начале деятельности рабкоопов, в значительной степени изжиты; притязания на борьбу с рынком должны быть совершенно отброшены, ибо магазины наших рабкоопов только дезорганизуют кооперативный фронт.

С переходом рабкоопов к обслуживанию только своих членов, борьба с частным торговым капиталом, борьба за понижение цен всей своей тяжестью ложится

на ЕПО, за которыми только и остается право и даже обязанность иметь магазины, обслуживающие все население, с предоставлением, однако, соответствующих льгот организованному потребителю. За ЕПО остается право, в случае надобности поручить добровольному об'единению обслуживание и той части населения, которая в нем не об'единена и только в таком случае может быть признана возможность существования открытых магазинов ДПО.

Принятие этого положения именно вносит ту организационность, ту соподчиненность, о которой я упоминал, устраняет анархию кооперативного рынка, заставляет рабкоопы все свое внимание уделять обслуживанию своих членов и уже только этим усиливает позиции кооперации. Могущая возникнуть у рабкоопов необходимость реализовать неходовые товары путем выпуска их на вольный рынок может быть удовлетворена ЕПО путем комиссионной продажи в его магазинах. Концентрация товарных излишков рабкоопов в магазинах ЕПО даст ему возможность создать более сильный кулак и создаст кооперативной системе большую экономию в расходах.

Само ЕПО, ставя своей задачей регулирование рыночных цен, захват рынка, должно наметить определенный план своей работы, отказавшись от распыленности своих сил.

В «Известиях МПО» нам нередко приходилось сталкиваться с переоценкой своих сил в сторону их преувеличения; такая переоценка представляет собой чрезвычайно вредное явление и на ней нам следует остановиться. «Известия МПО», говоря об универсальных магазинах, утверждают, что задачей ЕПО является обслуживание всех потребительских нужд населения и этим обосновывают необходимость самих универсалов. Не говоря о том, что является конечной целью ЕПО, спросим себя, какими возможностями оно обладает и из этих возможностей будет исходить при построении планов торговой деятельности. Расчеты, приведенные мною ранее, достаточно свидетельствуют о крайней скудости имеющихся в нашем распоряжении средств. В вопросе об универсальной торговле мы ставим вопрос: будем ли мы сильнее на рынке, торгуя всем, от хлеба до устриц, от простого ситца до шелка, и т. д., или завладевши одной—двумя позициями, основавшись прочно, примерно, в области торговли хлебом. Мы полагаем, что при скудости средств мы должны избрать второй путь, отказавшись от заманчивой мечты обслуживать всех и всем. Нам следует итти тем же путем, каким идет советское государство; в области промышленной деятельности оно ограничивает свою деятельность несколькими основными отраслями не потому, что оно не хочет сохранить свою монополию в других областях, а потому, что не может, не обладает достаточными средствами. Тов. Рыков в докладе 5-му с'езду профсоюзов указал на опасность, что сельское хозяйство способно восстанавливаться быстрее, чем наша промышленность и в частности крупная индустрия.

Для кооперации в торговле создается аналогичное положение: частно-торговый аппарат выказывает большую способность восстановления, чем аппарат кооперативный. Грозная опасность, стоящая перед нами, должна быть ясно осознана и силы кооперации должны быть направлены на сохранение командных высот в торговле; одной из таких высот, несомненно, самой важной, должна стать хлебная торговля.

Задачей рабочего класса в кооперации является не только защита собственных интересов; рабочий класс должен стать во главе движения, вовлекая в кооперацию всех трудящихся, отнюдь не обособляясь и не изолируясь. Создание добровольных об'единений на самых различных основаниях, как организаций, дополняющих работу ЕПО в тех областях, кои им не захвачены,—очередная задача момента.

Наши выводы нижеследующие:

а) добровольные об'единения должны перейти на обслуживание только своих членов; продажа посторонним может быть производима ими только по поручению ЕПО.

б) ЕПО. помимо об'единения деятельности добровольных об'единения, сосредоточивате свою деятельность на ограниченном ассортименте предметов массового потребления;

в) ЕПО, помимо об'единения деятельности добровольных об'единений, помимо отпуска им, имеет открытые для всего населения магазины, где членам об'единений и членам ЕПО, внесшим членские взносы товар отпускается со скидкой.

Г. Охотников.

О МАТЕРИАЛЬНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ ЧЛЕНОВ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

(Тезисы к сессии центросоюза).

1. Вопрос о материальной заинтересованности членов потребкооперации в настоящее время необходимо расширить до пределов материальной заинтересованности населения в потребительской кооперации вообще.

2. Эту материальную заинтересованность необходимо определить, как совокупность мероприятий, способствующих населению получить наибольшие выгоды от создаваемых им кооперативных организаций не только на первых, но и последующих ступенях кооперативного строительства.

3. Опыт мест в настоящее время еще недостаточно выявил практические достижения в этой области, отдельным кооперативным организациям приходится проводить лозунг III (XXXVII) собрания уполномоченных центросоюза с чрезвычайной осторожностью—медлительность об'ясняется к тому же неблагоприятно создавшимися для кооперации условиями, в которых ей приходится работать, как налоговое время, понижение покупательной способности населения, реорганизация аппарата губсоюза в лице его райотделений и недостаточность кредита сверху, как меры, вызывающей обратный приток средств и повышающий инициативу.

4. Учитывая указанные обстоятельства, ослабляя их разрушительное влияние на дальнейшее развитие кооперативных организаций, в настоящий момент все же уже можно наметить ряд практических мероприятий к ближайшему проведению, как программу-минимум и как первоначальную схему, на основе которых возможно последующее построение.

Эти мероприятия необходимо подразделить на три вида: 1) на установление льгот и преимуществ лицам, участвующим в создании паевых и целевых взносов в ЕПО; 2) допущение большей свободы в организации кооперативных форм строительства, наиболее близких и нужных населению и 3) на организацию мероприятий, вызывающих заинтересованность.

5. В первом случае необходимо:

а) Обеспечить от обесценения все взносы членов, как-то: паевые вклады, займы, целевые авансы и взносы и пр., находящиеся в распоряжении общества и подлежащие возврату членам.

б) Установить оплату процентом целевых взносов и авансов за пользование ими, как оборотными средствами. Размер процента устанавливается не выше среднего банковского, существующего в данной местности.

в) Установить для членов, внесших паевые взносы: 1) скидку с продажных цен товаров; 2) первоочередность отпуска товаров и 3) забронирование за ними тех или иных товаров.

6. С этой целью необходимо:

а) В конце отчетного года, а также в момент возврата, если таковой производится ранее конца отчетного года, восстановить реальную стоимость произведенных взносов, путем перечисления на соответствующие счета их части доходов общества в сумме, равной сумме обесценения рубля за отчетный период.

Примечание. Реальная стоимость взносов исчисляется по курсу рубля, установленному государством (фондовой биржей) на золото.

б) На паевые взносы начисление процентов производить из чистой прибыли, причем размер процента не должен быть выше среднего банковского.

в) Товары, приобретенные на собственные средства общества, расцениваются применительно к рыночным ценам, с которых для членов, внесших паевые взносы, делается скидка.

Примечание. Означенную скидку необходимо установить и на членов общества—лиц, состоящих на социальном обеспечении и не внесших паевых взносов.

г) Товары, приобретенные на специальные целевые авансы или выработанные на собственных предприятиях, организованных на целевые взносы (например, хлеб,

мыло и т. д.), отпускаются внесшим целевые авансы или взносы по себестоимости с начислением комиссионного процента, устанавливаемого обществом.

д) Сумму причитающейся членам скидки выдавать наличными деньгами или товарами не реже, чем раз в три месяца, а там, где технически окажется возможным, выдавать скидку ту же при отпуске товаров.

7. Члены добровольных потребительских об'единений, существующих внутри ЕПО, пользуются правами членов, внесших паевые взносы не иначе, как по выполнении добровольным об'единением обязательств за своих членов перед ЕПО.

8. Принцип преимущества и распределение прибылей необходимо перенести постепенно на всю систему потребительских об'единений.

9. Особенное внимание в настоящий момент должно быть уделено привлечению целевых взносов, так как все имеющиеся в распоряжении центросоюзов данные свидетельствуют о том, что величина целевых взносов в несколько раз превышает величину паевых капиталов.

10. В области организации наиболее гибких и наибыстро заинтересовывающих население кооперативных форм строительства в настоящий момент необходимо, учитывая большое сокращение сети сельских ЕПО и невозможность для них обслуживания в целом своего района, учитывая также трудность вовлечения населения в работу ЕПО непосредственно, следует признать целесообразным и необходимым организацию в селах и городах среди гражданского населения, необ'единенного по предприятиям, добровольных об'единений, как территориальных, так и специальных для обслуживания отдельных групп населения.

Эти добровольные об'единения должны быть рассматриваемы не как отдельная ступень кооперативного строительства, а как метод вовлечения широких масс трудящихся в работу кооператива; их органическая связь с ЕПО должна быть обусловлена вхождением в их исполнительный орган представителя ЕПО на равных основаниях с остальными его членами.

11. Организация потребительно-бытовых и потребительно-производственных добровольных об'единений среди крестьянства явится также и методом интегрирования всех видов кооперации. Они должны стать первоначально промежуточной ступенью, которая поможет ЕПО стать единым кооперативом для всех групп населения. Необходимо отметить, что практика мест в этом направлении дает нам прямые указания на правильность намечаемого пути, о чем свидетельствует значительное количество добровольных об'единений в отдельных губерниях и практика Д.-В. кооперации, создавшей устав интегрального кооперативного товарищества на основе нахождения внутри его добровольных об'единений и секций.

12. Попутно с организацией указанных мероприятий необходимо в настоящий момент принять одновременно ряд мер, вызывающих материальную заинтересованность населения к потребительским организациям.

Прежде всего необходимо организовать основной сдвиг в настроениях крестьянства и рабочих в их отношениях к своим кооперативам. Старым и испытанным средством, прежде всего, должны явиться районные и губернские совещания руководителей и инструкторов губсоюзов и потребобществ.

На этих совещаниях необходимо поставить отчет о деятельности существующих кооперативных организаций и обсуждение мер по оздоровлению кооперативной деятельности вообще, и в частности о мерах материальной заинтересованности населения.

13. Постановление собрания уполномоченных об отчетности низших кооперативных организаций перед высшим и необходимо усилить. Опыт показал, насколько целесообразна эта мера по установлению взаимной связи.

14. В связи с трудностью в ряде районов частого созыва общих собраний, необходимо организовать при обществах кооперативные советы, которые бы периодически обсуждали с правлением планы дальнейшей деятельности, осведомляли свои группы о работе и начинаниях общества, а также помогали организации его финансовой мощи; необходимо установить обязательную отчетность правления перед советом и членов совета перед населением.

15. Меры материальной заинтересованности требуют в настоящее время усиления работ ревизионных комиссий, постановки отчетности, введения мароч-

ной и книжной системы, выпуска специальных листовок, об'ясняющих сущность проводимых мероприятий, усиление обзора деятельности отдельных потребобществ в кооперативной печати и т. д. Необходимо существующим инструкторским отделам поручить провести эти задачи и оказать им всевозможное содействие.

16. Одной из сильных мер, вызывающей безусловно обратный приток средств и организующей население в кооперативах, служит, несомненно, кредит. Оставляя методы организации кредита финансовым органам, потребкооперации необходимо в настоящем остановиться лишь на отдельных моментах, стимулирующих организацию материальной заинтересованности. В этом отношении совету необходимо отметить:

а) Обязательность продвижения кредитов центра к местам, ибо опыт прошедшего показывает на остановку его в срединных ступенях.

б) Необходимо обратить внимание на неправильное использование кредита добровольными об'единениями, торгующими больше с широким кругом частных потребителей, чем с членами. Одновременно с этим необходимо поставить вопрос о закрытых распределителях.

в) В рабочих районах организация кредита со стороны центросоюза должна итти попутно с инструкторской помощью по укреплению первичной кооперации, для чего должны быть организованы массовые инструкторские компании совместно с организационными силами губсоюзов, охватывающие в своем проведении все вышеприведенные положения.

г) В сельских местностях необходимо организовать, пользуясь кредитом заграницы, массовую постановку улучшенных способов обработки и коллективного хозяйства машинным способом. Совет это, как задание, должен возложить на центросоюз и губсоюзы с представлением плана действий и решений к следующей сессии совета.

IV КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА

ТАКТИКА КОМИНТЕРНА.

Доклад т. Зиновьева.

Упадок капитализма подтверждают тезисы 3-го конгресса. Международное политическое положение ежедневно обостряется.

Буржуазная демократия распадается фашизм в Италии является возможным прообразом фашизма во всей средней Европе. Мы обязаны считаться с возможностью перехода к нелегальности.

Общее равновесие нарушено; возможность войны не исчезла.

Буржуазия держится с помощью социал-реформистов: не случайно во главе реакционных правительств стоят социалисты или бывшие социалисты.

Тактика единого фронта верна и рассчитана на цели и периоды борьбы и уже принесла нам пользу.

Лозунг рабочего правительства должен быть различен для отдельных стран. Рабочее правительство не предотвращает гражданской войны.

Движение фабр.-заводских комитетов крайне важно: без тесной связи с ними не может быть серьезной компартии.

Нужна интернациональная дисциплина.—Мы двигаемся навстречу серьезным боям.

Рабочий класс в Европе не будет переживать трудностей русского пролетариата.

Распад капитализма.

Мы, прежде всего, должны рассмотреть следующие вопросы: мировое экономическое положение, мировое политическое положение, и, наконец, положение внутри рабочего движения.

Что касается первого вопроса, то мне кажется, 4. конгрессу не придется заниматься пересмотром того, что мы постановили по этому вопросу на 3. конгрессе. В моих тезисах я предлагаю, чтобы 4 конгресс просто утвердил тезисы товарищей Троцкого и Варга, принятые 3 конгрессом. Мы можем констатировать, что ход событий за последние 15 месяцев в основном подтвердил правильность этих тезисов. Временный под'ем в Америке, Англии, Японии и Франции, и, может быть, в некоторых других странах, хотя и налицо, но несомненно, что он является именно временным, и тов. Варга прав, когда он характеризует настоящее положение, как период упадка капитализма. То, что мы сейчас переживаем, является не одним из периодических кризисов капитализма, а самим кризисом капитализма, его сумерками, его распадом.

Международная экономическая ситуация остается, таким образом, несмотря на некоторое улучшение, прежней. Единственное спасение человечества и его производственных сил—в социалистической революции. Наш диагноз остается тем же, и мы повторяем слова 3 конгресса. об'ективное положение остается революционным.

Обострение политических противоречий.

В международном политическом положении мы тоже можем констатировать обострение противоречий с каждым днем. Положение остается об'ективно революционным. За эти 15 месяцев распад Антанты прогрессировал гигантскими шагами.

Мы пережили фактическую ликвидацию Версальского мира в различных формах, и эта ликвидация продолжается.

Буржуазный пацифизм, имевший в лице Ллойд-Джорджа своего выдающегося вождя, обанкротился окончательно. Конференции в Генуе и Гааге завершили этот банкрот. Предвыборная кампания, происходящая сейчас в Англии, свидетельствует о неслыханной безидейности буржуазных партий. Эта борьба между старыми классическими буржуазными партиями в классической стране капитализма доказывает, что в этой борьбе нет и следа каких-либо принципов. Эти партии не способны к принципиальной борьбе, они впали в окончательное духовное разложение.

Колониальные и полуколониальные страны, являющиеся одним из важнейших факторов этого процесса, который мы называем процессом мировой революции, подняли за это время свою борьбу на очень высокий уровень. Мы видим, что в целом ряде угнетенных стран освободительное движение, несмотря на все меры империалистических правительств, успешно развивается; я думаю, что среди нас уже не может быть разногласий по поводу того, что эта борьба, не являющаяся социалистической или коммунистической, все же является об'ективной борьбой с капиталистическим режимом. Буржуазная демократия, сумерки которой мы могли наблюдать в течение нескольких лет, распадается с каждым моментом все больше и больше.

События в Италии.

Что означают события в Италии? Разве они не являются небывалым ударом против буржуазной демократии. Не была ли Италия благословенной страной буржуазной демократии. Фашистский переворот является не только ударом для монархии, но и для буржуазной демократии. То, что произошло в Италии, не является местным явлением. Это явление с неизбежной необходимостью повториться, может быть, в несколько измененных формах и в других странах. Если фашисты удержатся у власти, а на ближайшее время это весьма вероятно, то несомненно, что подобные события могут произойти и в Германии, и, может быть, во всей средней Европе. Победа правительства Стиннеса в Германии, может-быть, по форме своей не совсем будет похожа на итальянские события, но по своему содержанию она с ними кровно связана.

То, что мы видим в Австрии, похоже на итальянский переворот. Там тоже нанесен удар буржуазной демократии, которая в Австрии поддерживается не только буржуазными партиями и 2 Интернационалом, но и 2 с пол., Интернационалом.

В Чехо-Словакии также идут подготовления к контр-революционному перевороту; о Венгрии говорить не приходится.

На Балканах, в особенности, в Юго-Славии, мы уже видим явления, подобные итальянским. Мы должны видеть положение таким, каким оно является в действительности. Это необходимо в период, который может-быть, будет продолжаться недолго, но который явится периодом испытаний для наших коммунистических партий.

Опасность нелегальности.

Этот период фашистских переворотов во всей Средней Европе может оказаться неизбежным и может неизбежно повлечь за собой период нелегальности наших партий. Исполком предупредил уже несколько месяцев тому назад целый ряд наших важнейших партий об этой опасности и необходимости подготовиться к нелегальному периоду, который в Италии уже наступил. Политическое положение, каким оно определилось к моменту 4 конгресса, к сожалению, подтверждает это предсказание. Мы должны ясно видеть эту опасность, которая вовсе не означает затишья мировой революции. Наоборот, этот период явится революционным процессом. Процесс этот пойдет не по прямой линии. Нет, тут могут приходить различные эпизоды. То, что мы видели в Италии, есть контр-революция. В перспективе этого—обострение положения, созревание пролетарской революции в этой стране. Это относится и к другим странам.

Неустойчивость международного положения.

Таким образом, международное политическое положение за это время в общем обострилось. Равновесие—неустойчиво. 3 конгресс был прав, когда он заявлял, что такие события, как парламентские конфликты, крупные забастовки и т. д., очень легко могут превратиться в события большого политического значения и повести к революционным боям. Мы видим, что этот диагноз оказался правильным.

События, в связи с греко-турецкой войной, означают, что призрак новой войны был в данный момент весьма обязателен. Ближневосточные события в сущности были только небольшой репетицией будущей мировой войны. И в настоящий момент эта проблема снова обострилась и может повести к большим осложнениям. По скольку можно обозреть положение, в настоящий момент дело еще не дойдет до войны. Но то, что мы видели на Ближнем Востоке, было в небольшой форме прообразом тех событий, которые могут и должны произойти, если социальная революция не произойдет раньше, и не вырвет из рук буржуазных государств возможность организовывать новые войны.

Россия стала сильнее.

Одновременно мы наблюдаем небывалое усиление политических позиций России, единственного революционного государства, удержавшегося уже 5 лет. Что касается НЭП, то мы пришли к убеждению, что не только мы, страна с преобладающим крестьянским населением, но что почти все другие страны с большим пролетарским населением в той или другой форме пройдут через фазу этой политики. Последняя является не только результатом нашей слабости, но и выражением действительных отношений между рабочим классом и мелким крестьянством.

Конечно, в такой стране, как Россия, крестьянство другое, чем в Германии. Но все же и в Германии, в стране с крупным городским пролетариатом, рабочий класс должен будет в решающий момент провести ряд мероприятий для того, чтобы нейтрализовать крестьянство. Мы будем говорить еще об этом при обсуждении русского вопроса.

Переходя к обсуждению мирового политического положения, мы должны учесть, прежде всего, тот первостепенный фактор, каким является Советская республика в момент, когда трещит Антанта, когда колониальные и полуколониальные народы вступают в ожесточенные бои, когда на Балканском полуострове появился призрак войны, когда колеблется равновесие буржуазного мира. В этот момент Советская Россия укрепляется и создает для себя новую хозяйственную форму, благодаря чему она становится грандиозным фактором мировой политики. Звезда первой пролетарской республики поднимается все выше и выше. Создается положение, которое может и должно быть охарактеризовано, как об'ективно революционное.

Об'единенные 2 и 2½ интернационалы—враги рабочего класса.

Я перехожу теперь к характеристике положения внутри рабочего движения. Самое важное явление в этой области—это об'единение 2 и 2½ интернационалов, которое в ближайшее же время станет совершившимся фактом. В Германии оно уже завершилось, а вчера мы получили сообщение о подобном же об'единении в Швеции. В других партиях будет то же самое. Правда, об'единение в организационном отношении еще не завершилось, но политически оно уже налицо. Этот факт имеет величайшее историческое значение. Об'единенный интернационал 2 и 2½—вот враг рабочего класса. То обстоятельство, что интернационал 2½ вливается во второй, а не наоборот—не нуждается, конечно, здесь в подробных доказательствах. Я приведу все же цитату из последней статьи Мартова в «Социалистическом Вестнике», который пишет: «Никаких иллюзий. Механическое об'единение двух интернационалов при создавшихся условиях является ничем иным, как возвращением во 2-й реформистский интернационал тех партий, которые вышли из него в свое время, надеясь создать совершенно другой интернационал».

Это об'единение реформистов с неслыханной быстротой ускорит раскол в рабочем классе. И мы должны сказать: никаких иллюзий. Об'единение 2 и $2^1/_2$ интернационалов обозначает две вещи: прежде всего подготовку белого террора против коммунистов и, во-вторых, подготовку неслыханного до сих пор раскола рабочего класса с целью ослабления последнего. Что касается 1-го пункта, то мы вскоре убедимся, что за этим об'единением действительно последует полоса белого террора против коммунистов. Не случайность, что во главе контр-революционного движения в Италии стоит Муссолини, ренегат 2-го интернационала, бывш. социал-демократ. Не случайность и то, что в Германии во главе правительства стоят Эберт и Носке, а в Польше—Пилсудский. Не случайность, что 2 и интернационал играет решающую роль в таких странах, как Англия и Германия. Ибо в Германии достаточно было бы одного перехода профсоюзов на сторону пролетариата, для того, чтобы положение радикально изменилось. Реформисты чувствуют и видят, что они теряют почву под ногами. У этих господ хороший нюх. Они чувствуют и понимают неизбежность этого и хотят как нибудь защититься. Они действуют так, точно выполняют прямое поручение буржуазии—разбить профессиональные организации. Я не говорю, что они выполняют прямое поручение, в политике дело обстоит не так просто, что Стиннес дает вождям профдвижения прямые письменные приказания, но политически предписание буржуазии налицо.

Предательство реформистов.

Они хотят так хлопнуть дверью, чтобы вылетели все стекла.

Неизвестно, как долго этот процесс будет продолжаться, но исторически он неизбежен, и это чувствуют господа 2-го интернационала. Поэтому мы наблюдаем, как они систематически начали подготавливать раскол, как только почувствовали, что значительные части организации перешли на нашу сторону. Они хотят ослабить рабочий класс и разбить его организации. Такое предательство интересов рабочего класса, которое превосходит даже совершенное ими в 1914 г. Теперь подготавливается планомерная измена, которая должна раздробить и расколоть рабочий класс, чтобы лишить его организационной мощи в тот момент, когда он должен будет выступить против буржуазии. Мы сталкиваемся здесь не со случайным эпизодом, а с большой проблемой. Рабочий класс сохранил, несмотря на все свои ошибки, несмотря на предательство вождей, несмотря на свои поражения, мощные организации в виде профсоюзов. В данный момент эта организация является решающей для нашей борьбы, и вот 2-й интернационал совместно с амстердамцами хотят разрушить это последнее убежище рабочего класса. К выполнению этой задачи сведется в ближайшее время вся политика об'единенного теперь 2 интернационала.

Тактика единого фронта.

В этой обстановке наша тактика единого фронта является не только стратегическим приемом, но вызывается всем положением капиталистического мира и положением самого рабочего движения. Из всего сказанного мною неизбежно вытекает тактика единого фронта. Она вытекает из необходимости оказать планомерное противодействие плану 2-го интернационала.

Мы поставили себе на 3 конгрессе задачу завоевать большинство рабочего класса. Эта задача еще не выполнена. Влияние нашей партии во многих странах сильно возросло, но мы не можем сказать здесь на 4 конгрессе, быть может, также не сможем сказать этого на 5 конгрессе, что мы завоевали большинство рабочего класса. Предстоит еще упорная работа для завоевания этого большинства, и тактика единого фронта—важнейшее средство для завоевания этого большинства. Необходимо ясно понять, что тактика единого фронта не эпизод в нашей борьбе, а целый период, быть может, целая эпоха. Нам придется разнообразить эту тактику в разных обстоятельствах, но будем придерживаться в общем и целом.

Капитализм созрел для социалистической революции. Международное положение, несомненно, революционно. 2-й интернационал остается главной опорой буржуазии, без помощи которого она не может уже держаться. Поэтому вопрос о нашем отношении ко 2-му интернационалу—не вопрос внутрипартийной тактики, а проблема мировой революции.

Успехи тактики единого фронта.

Мы уже много выиграли от тактики единого фронта. Мы не завоевали еще большинства рабочего класса,—если бы мы имели его, мы имели бы почти все, но мы добились уже того, что рабочий класс считает виновниками раскола наших врагов, а не нас. Прежде рабочие придерживались другой точки зрения, и для этого были известные основания. Было время, когда мы в интересах рабочего класса должны были расколоть старую социал-демократическую партию. В этот период мы должны были помириться с тем, что мы выступали застрельщиками раскола рабочего движения. Иначе нельзя было бы действовать, нельзя было создать сборного пункта для наших сил, нельзя было создать инструмента для освобождения рабочего класса.

Но теперь наступил новый период. Эту задачу мы осуществили. Мы имеем теперь коммунистические партии, хотя в них и находятся остатки социал-демократии, хотя они и больны детскими и старческими болезнями. Мы должны будем излечить наши партии от этих болезней. Теперь дело идет больше всего о завоевании большинства рабочих, о спасении и завоевании профсоюзов, этого важнейшего орудия в руках мирового пролетариата. Отсюда вытекает тактика единого фронта. Мне кажется, товарищи, что на этом конгрессе нам не придется иметь крупных разногласий по этому вопросу. Во Франции последние могиканы борьбы против единого фронта сложили оружие, и, что весьма важно, не только коммунисты, но и значительная часть синдикалистов применяют теперь во Франции тактику единого фронта. Мы вчера имели беглую беседу с нашими товарищами из унитарной конфедерации труда. Когда мы их спросили—возражаете ли вы еще против единого фронта,—они коротко ответили: Мы делаем единый фронт. Потребности повседневной борьбы пролетариата повели к тому, что все те, которые хотят защищать интересы рабочего класса, принуждены применять в экономической и политической области тактику единого фронта. Эта перемена убеждений противников единого фронта является нашим большим успехом, который доказывает, что мы сплотили наши ряды, и будем проводить нашу тактику планомерно и сознательно.

Чем тактика единого фронта должна быть.

Чем должен быть единый фронт, и чем он не должен быть. Он, во всяком случае, не должен быть тем, что французы называют «предвыборной комбинацией». Мы разослали анкету о проведении тактики единого фронта и эта анкета принесла известный успех. Мы получили 300 или 400 ответов не только от центральных органов наших партий, но и от товарищей, стоящих в гуще рабочих масс. Анкета показала, что у наших товарищей, существует еще много неясностей по вопросу значения тактики единого фронта. Последняя ни в коем случае не должна быть предвыборной комбинацией или вылиться в организационное слияние с социал-демократией. Это было бы большим преступлением. Любой из нас скорее даст отрезать себе руку, чем пойдет на слияние с самыми серьезными врагами рабочего класса, прислужниками буржуазии. Единый фронт является ни больше и ни меньше как предводительством рабочим классом в его повседневной борьбе. Единый фронт должен отвечать, что мы готовы бороться с капиталом совместно со всеми рабочими, будто анархисты-синдикалисты, христианские социалисты, социал-демократы, бороться в повседневной борьбе за кусок хлеба против сокращения заработной платы, против посягательства на 8-часовый рабочий день. И при этом мы входим с ними, в том числе и с некоторыми пролетарскими вождями в своего рода соглашения. Вот, что означает единый фронт. Я считаю, что эта проблема для Коминтерна решена. Мы—революционеры, но это не значит, что мы не понимаем необходимости улучшения положения рабочего класса, хотя бы самого незначительного. Мы против реформизма, а не против улучшения положения рабочих. Мы хорошо знаем, что в настоящих условиях капитализма возможности для этого весьма ограничены, мы знаем, что только революция даст рабочему классу действительное улучшение, но мы одновременно сознаем, что мы можем организовать рабочий класс только тогда, мы когда будем бороться за его частичные требования.

Рабочее правительство.

Лозунг рабочего правительства еще хорошо не выяснен. Тактику единого фронта нужно применять почти повсеместно. Она уместна и в Америке, точно также, как и в Болгарии, в Италии, как в Германии. Того же нельзя сказать о лозунге рабочего правительства, который ни в коем случае нельзя применять повсеместно. Этот лозунг имеет ограниченное значение. Он может применяться только в тех странах, где проблема власти, проблема правительства как в парламентарном, так и во вне парламентарном отношении стоят на первом плане, соотношение сил действительно подходит для этого лозунга. Конечно, в настоящее время и в Америке можно вести хорошую пропагандистскую работу с лозунгом «рабочее правительство», заявляя рабочим: если вы хотите освободиться, берите власть в свои руки. Но нельзя сказать, что при данных отношениях сил лозунг рабочего правительства является своего рода дуэлью в том же смысле, в каком он является в Чехо-Словакии, в каком он может стать в Германии, и в каком он был и будет в Италии. Лозунг рабочего правительства является известным конкретным применением тактики единого фронта при данных условиях. Рабочий класс должен отдать себе отчет в том, что рабочее правительство может быть только переходной ступенью, которая не предотвратит боев и гражданской войны. Только сознавая опасности этого лозунга, мы можем спокойно применять это оружие. Тактика единого фронта тоже чревата своими опасностями, на это указывал исполком, в своих декабрьских тезисах. Особенно большую опасность представляет лозунг рабочего правительства. В странах с парламентскими традициями, как например, во Франции, этот лозунг понимается так, как будто для марксистов речь может итти о чем-либо ином, как диктатура пролетариата. Мы понимаем этот лозунг не иначе, как применение диктатуры пролетариата. Даже тогда, когда образовывается рабочее правительство, мы не можем предотвратить гражданскую войну. В определенных условиях эта война может даже еще больше обостриться.

Движение фабрично-заводских комитетов.

Я должен еще остановиться на движении фабрично-заводских комитетов. Я говорю, та партия, которая не имеет на предприятиях коммунистических организаций, коммунистических ячеек, не является серьезной массовой коммунистической партией. Я говорю дальше, что то рабочее движение, которое не умеет поддержать и организовать массовое движение фабрично-заводских комитетов, не является серьезным массовым революционным движением. Это знамение нашего времени, что в Германии, которая довольно быстро приближается к большим решающим боям, весь авангард движения представлен фабрично-заводскими комитетами. Переходя к другим странам, мы должны посоветовать нашим товарищам, раньше всего создать коммунистические ячейки в предприятиях и затем поддерживать движение фабрично заводских комитетов.

Пролетарская дисциплина.

Я не могу не коснуться вопроса о интернациональной дисциплине. Тезисы тактики единого фронта, предложенные одной группой парижскому конгрессу французской партии, имеет целый отдел, посвященный интернациональной дисциплине. Эта группа блестяще доказывала, что без дисциплины нельзя двинуться с места, что без нее грозит гибель всему Интернационалу. Но именно эта группа показала, что и у нас иногда слова расходятся с делом. Интернациональная дисциплина доказывается только действием.

Навстречу решающим боям.

Для борьбы со 2-м Интернационалом нам нужна строгая организация со строгой дисциплиной. Задачей 4-го конгресса является заявить это и провести в жизнь. Мы движемся в скором времени навстречу решающим боям.

Некоторые товарищи говорят, что теперь произошла задержка в развитии мировой революции, что мы только тогда двинемся вперед, когда материальное положение русских рабочих поднимется над средним жизненным уровнем европейского или американского рабочего. Это, по моему, оппортунистическая точка зрения. Положение русского рабочего уже сейчас улучшается, это факт. Средний жизненный уровень европейского рабочего опускается все ниже. У нас под'ем совершается медленно, но это все же под'ем, и настанет момент, когда экономическое положение русских рабочих будет лучше, чем европейских. Но было бы оппортунизмом сказать, что пока Россия находится в тяжелом положении, невозможна революционная борьба рабочих в капиталистических странах. Это было бы чистым оппортунизмом. Настоящая революция совершается рабочим классом в разных странах не потому, что рабочие других стран имеют больше хлеба и мяса. Нет. Революцию совершают потому, что рабочему классу данной страны не остается другого выхода, как свержение буржуазии. Поэтому подобного рода нотки недопустимы в нашей агитации.

Русскому рабочему пришлось преодолеть столько препятствий, сколько не придется преодолеть рабочему классу никакой другой страны. Рабочие всех других стран встретят поддержку со стороны русских рабочих. Рабочий класс России был первым, поднявшим знамя революции и столкнувшимся с сопротивлением всего буржуазного мира. Мы должны представить рабочему классу других стран такое положение российского пролетариата, какое оно в действительности, с блокадой, голодом, эпидемиями, но также со всем его величием. Мы должны теперь понять, что рабочий класс России улучшает свое положение со дня на день и из месяца в месяц и что, несмотря на все мучения, самое тяжелое время уже позади. Таковым должно быть ваше представление о российской революции, которая составляет основу всей нашей тактики.

РЕЧЬ тов. ВАРГА

Необходимо рассеять легенду меньшевиков о неразрывной связи между диктатурой пролетариата и голодом.
Положение русского рабочего все улучшается: положение европейского—все ухудшается.

Тов. Варга в своей речи указывает, что пролетариат всех стран очень страдает в настоящий период упадка капитализма. Рабочий ищет путей для выхода из этого положения. Коммунисты указывают им единственный путь через диктатуру пролетариата к социализму, причем ему говорят, этот путь означает лишения и голод; но еще недостаточно проникнутый революционным самосознанием рабочий часто спрашивает, как долог будет этот период лишений и голода. Меньшевики им отвечают, что он будет тянуться до тех пор, пока существует диктатура пролетариата. Мы знаем, что совершенно другие обстоятельства, в особенности засуха, привели к голоду и страданиям русский пролетариат, который должен был обратиться за помощью к пролетариату капиталистических стран. И всякий, знающий европейскую жизнь, должен признать, что эта кампания помощи русским рабочим вызвала известную боязнь перед революцией и перед диктатурой пролетариата в широких массах рабочих. На этой почве меньшевики находили достаточно материала для своей агитации.

Тов. Варга считает, что нужно покончить с легендой меньшевиков, что русские рабочие живут хуже, чем все другие рабочие.

Оратор указывает, что на основании наблюдений его сотен тысяч рабочих на улицах Москвы и сравнении их внешнего вида, одежды (а большинство ведь из них не меньше, чем на 90 проц. беспартийных), выглядят лучше, и имеют более бодрый вид, чем рабочие в средней Европе. Положение русского рабочего все больше улучшается в то время, как положение пролетариата на континенте Европы все больше ухудшается, как это особенно видно в Германии. Мы можем сказать, что уже в ближайшее время русский рабочий будет лучше жить, чем немецкий.

Он уже и теперь лучше живет, чем австрийский. Мы можем и должны покончить с легендой, что диктатура пролетариата значит вечный голод.

В заключение т. Варга указывает на то, что буржуазия, наблюдая 5-летнее существование Советской Республики (а ведь ни один разумный человек в Европе не думает, что она может в ближайшем будущем исчезнуть), напрягает все силы, чтобы приготовиться ко всяким возможным движениям и выступлениям коммунистических партий. Поэтому компартии не могут расчитывать на момент неожиданного успешного нападения врасплох на буржуазию, не должны удовлетворяться узким кругом революционных товарищей для завоевания крепости буржуазии, а должны привлечь широкие массы. Но для привлечения этих-то масс мы должны покончить с легендой о вечном голоде русских рабочих.

ПЯТЬ ЛЕТ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Доклад тов. Ленина.

Государственный капитализм представлялся еще в 1918 году шагом вперед для отсталой России

Вопрос о результатах отступления имеет практическое значение для всего коммунистического интернационала.

Мы добились того, что период устойчивости рубля поднялся с 3 месяцев до 5. Мы научимся добиваться на этом пути дальнейших успехов.

Крестьянство у нас является решающим фактором: крестьянство довольно своим настоящим положением. Это достигнуто в течение одного года: Это очень много.

В легкой промышленности наблюдается под'ем. Собраны отчасти, средства для улучшения положения тяжелой индустрии.

Мы должны теперь экономить и работать над тем, чтобы сократить наш государственный бюджет и государственный аппарат.

Новая экономическая политика уже дала плюс.

Мы держим в своих руках все командные высоты. не только всю землю, но и важнейшие части промышленности. Промышленность и торговля оживают.

Наши глупости—результат отсталости страны, недостатка образования, отсутствия всякой помощи извне и недостатков часто работающего против нас государственного аппарата.

Когда большевики делают глупости, то это значит, что большевик говорит 2×2=5; когда же капиталисты и герои 2 Интернационала делают глупости, у них получается 2×2=стеариновой свечке.

Для нас теперь самая важная задача—учиться и учиться.

Иностранные товарищи должны учиться, понимать опыт русской революции.

Ленин. Товарищи, я числюсь в списке ораторов главным докладчиком, но вы поймете, что после моей долгой болезни сделать большого доклада я не могу, и мне придется сделать только лишь введение к важнейшим вопросам. Моя тема будет весьма ограниченной. Тема: „5 лет российской революции и перспективы мировой революции“ слишком обширна, чтобы ее вообще мог исчерпать один оратор в одной речи. Поэтому я беру себе только незначительную часть этой темы, именно—вопрос о „новой экономической политике“. Я умышленно беру только эту малую часть, чтобы ознакомить вас с этим важнейшим теперь вопросом,—важнейшим, по крайней мере, для меня, ибо я над ним сейчас работаю.

Итак, я буду говорить о том, как мы начали новую экономическую политику, и каких результатов мы с ее помощью достигли. Если я ограничусь этим вопросом, то я, вероятно, сумею сделать общий обзор и дать общее представление о данном вопросе.

Государственный капитализм.

Если начать с того, как мы приходили к новой экономической политике, то я должен обратиться к одной статье, написанной мною в 1918 г. В начале 1918

г. я как раз коснулся вопроса, какое положение должны мы занять по отношению к государственному капитализму. Я писал тогда:

„Государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего (т.-е. против тогдашнего) экономического положения дел в нашей Советской Республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм“.

Это было сказано, конечно, в то время, когда мы были поглупее, чем сейчас, но не настолько еще глупы, чтобы не уметь рассматривать такие вопросы.

Я держался, таким образом, в 1918 г. того мнения, что по отношению к тогдашнему хозяйственному состоянию Советской Республики государственный капитализм представлял собой шаг вперед. Это звучит очень странно и, быть может, даже нелепо, ибо уже и тогда наша республика была социалистической республикой; тогда как раз мы предпринимали каждый день, с величайшей поспешностью,—вероятно, с излишней поспешностью,—различные хозяйственные мероприятия, которые нельзя назвать иначе, как социалистическими. И все же я и тогда полагал, что государственный капитализм, по сравнению с тогдашним хозяйственным положением Советской Республики, представляет собой шаг вперед. Чтобы раз'яснить эту мысль, я просто перечислил основные элементы нашего хозяйственного строя. Эти элементы, по-моему, следующие: 1) патриархальная, т.-е. наиболее примитивная, форма земледелия; 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьянства, торгующего хлебом; 3) частный капитализм; 4) государственный капитализм и 5) социализм.

Все эти хозяйственные элементы были представлены в тогдашней России. Я поставил себе тогда задачу раз'яснить, в каком отношении друг к другу находятся эти элементы, и не следует ли один из несоциалистических элементов, именно государственный капитализм, расценивать выше, чем социализм. Я повторяю: это всем кажется странным, что несоциалистический элемент оценивается выше, чем социализм, в республике, которая назвала себя социалистической. Но это недоумение раз'яснится, если вы вспомните, что мы рассматривали хозяйственный строй России не как нечто однородное и высокоразвитое, а что мы в полной мере сознавали, что имеем в России патриархальное земледелие, т.-е. наиболее примитивную форму зеледелия, и рядом с ней форму социалистическую. Итак, какую роль может играть государственный капитализм в такой обстановке?

Я далее спрашивал себя: какой из этих элементов является преобладающим? Ясно, что в мелкобуржуазной среде господствует мелкобуржуазный элемент. И мне тогда было ясно, что мелкобуржуазный элемент преобладает, иначе представить себе положение было невозможно. Вопрос, который я тогда поставил себе, в связи с полемикой по иному, совершенно частному вопросу, был: какую позицию мы должны занять по отношению к государственному капитализму? И я ответил себе: государственный капитализм, хотя он и не является социалистической формой, был бы для нас и для России формой более благоприятной, чем теперешняя. Что это означает? Это означает, что мы не переоценивали ни зародышей, ни основ социалистического хозяйства, хотя мы уже совершили социальную революцию. Мы уже тогда в известной степени сознавали, что было бы лучше, если бы мы раньше пришли к государственному капитализму, а уже затем к социализму.

Я должен особенно подчеркнуть эту часть потому, что, полагаю, только исходя из этого, во-первых, можно об'яснить, что представляет собой теперешняя экономическая политика, и, во-вторых, из этого можно сделать важные практические выводы для Коммунистического Интернационала. Я этим не хочу сказать, что у нас уже был готовый план отступления. Этого не было. Эти краткие полемические строки не были в то время ни в коем случае планом отступления. Об одном очень важном пункте,—о свободе торговли,—который имеет основное значение для государственного капитализма, здесь нет еще ни слова.

И все же общая, неопределенная идея отступления этим была уже дана.

Линия отступления.

Я полагаю, что этот вопрос заслуживает внимания не только с точки зрения России, которая и до сих пор остается отсталой, но и с точки зрения Коммунистического Интернационала и западно-европейских передовых стран. Теперь, например, мы заняты выработкой программы. Я лично полагаю, что правильнее было-бы, если бы мы обсуждали все программы лишь предварительно, так сказать, в первом чтении, и дали бы их отпечатать, но окончательное решение вынесли бы не сейчас, не в настоящем году. Почему? Прежде всего, конечно, потому, что мы едва ли могли хорошо их продумать. А затем еще и потому, что мы почти совершенно не продумали вопроса о возможном отступлении и об обеспечении этого отступления. А между тем, этот вопрос имеет чрезвычайную важность в таком необычайно трудном деле, как переустройство мира, уничтожение капитализма и создание социалистического строя. Рассчитать, как мы будем действовать, если прямо перейдем в нападение и при этом одержим победу,—этого мало. В революционное время, это уж не так трудно, но и не так важно, по крайней мере это не есть самое главное. Во время революции бывают такие моменты, когда противник теряется, и если мы на него тогда обрушимся, то можем его легко победить. Но это еще ничего не означает, так как наш противник, если он имеет достаточную выдержку, может заранее собрать силы и пр. Он легко может спровоцировать нас на нападение и затем отбросить на многие годы назад. Вот почему я полагаю, что мысль о том, что мы должны подготовить себе возможность отступления, имеет очень важное значение, и не только с теоретической точки зрения, но также и практически важно, чтобы этот вопрос продумали все партии, которые в ближайшем будущем готовятся перейти в прямое наступление против капитализма,—чтобы они предвидели, как обеспечить себе отступление. Если мы учтем этот урок наряду со всеми другими уроками из опыта нашей революции, то это нам не только не принесет, наверно, никакого вреда, но, вероятно, принесет нам большую пользу.

После того, как я подчеркнул, что мы уже в 1918 году рассматривали государственный капитализм, как возможную линию отступления, я перехожу к результатам нашей новой экономической политики. Я повторяю: тогда это была очень неопределенная идея, но в 1921 г., после того, как мы проделали все важнейшие этапы гражданской войны, и проделали с успехом, мы наткнулись на большой, —я полагаю, на самый большой,—внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил не только недовольство значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было в первый, и надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению, были против нас.

Чем было вызвано это своеобразное, и для нас, разумеется, очень неприятное положение? Причина была та, что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, не обеспечив себе достаточной базы. Массы почувствовали то, чего мы тогда еще не умели сознательно формулировать, но что и мы вскоре, через несколько недель признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы, и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление и ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель.

Кризис начался, мне кажется, в феврале 1921 года. Уже весной того же года мы единогласно решили—больших разногласий по этому поводу я не заметил —перейти к новой экономической политике. Я полагаю, что теперь, по истечении полутора лет, в конце 1922 г., мы уже в состоянии сделать некоторые сравнения. Что мы пережили за этот период более чем в полтора года? Каков результат? Принесло ли нам пользу это отступление, и действительно ли спасло оно нас, или определенный результат еще не наметился? Это главный вопрос, который я себе ставлю. Я полагаю, что этот главный вопрос имеет первостепенное значение и для всех коммунистических партий, ибо если ответ был бы дан отрицательный, то все было бы обречено на гибель. Я полагаю, что мы со спокойной совестью можем утвердительно ответить на этот вопрос, а именно в том смысле, что прошедшие

полтора года с абсолютной несомненностью показали, что мы этот экзамен выдержали.

Перехожу к доказательствам. Я должен для этого кратко коснуться всех составных частей нашего хозяйства.

Наш рубль.

Прежде всего, остановлюсь на нашей финансовой системе и знаменитом русском рубле. Я думаю, что можно русский рубль считать знаменитым, хотя бы уже потому, что количество этих рублей превышает теперь квадриллион (смех). Это уже кое-что. Это—астрономическая цифра (общий смех), я уверен, что здесь не все знают, что эта цифра означает. Но мы не считаем, и при том с точки зрения экономической науки, эти числа уж чересчур важными. Нули можно зачеркнуть, и мы уже это искусство, которое с экономической точки зрения тоже совершенно неважно, немного постигли. И я уверен, что в дальнейшем ходе вещей достигнем в этом искусстве еще большего. Что, действительно, важно,—это вопрос о стабилизации рубля. Над этим вопросом работают лучшие наши силы, и этой задаче мы приписываем решающее экономическое значение. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда, добиться стабилизации рубля и мы выиграем. Тогда все эти астрономические цифры, все эти триллионы и квадриллионы—ничто. Тогда мы сможем наше хозяйство твердо поставить и твердо вести. Я могу вам привести по этому вопросу довольно важные и решающие факты. В 1921 г. период стабилизации курса бумажного рубля продолжался менее трех месяцев. В текущем 1922 году, хотя он еще и не закончился, этот период продолжался свыше пяти месяцев. Я полагаю, что этого уже достаточно. Конечно, этого недостаточно, если вы хотите от нас научного доказательства, что мы в будущем полностью разрешим эту задачу. Но доказать это целиком и полностью, по моему мнению, вообще невозможно. Те цифры, которые я вам сообщил, показывают, что с прошлого года, когда мы начали новую экономическую политику, до сегодняшнего дня, мы уже научились итти вперед. Если мы этому научились, то я уверен, что мы научимся и впредь добиваться на этом пути и дальнейших успехов, если только не сделаем какой-нибудь особой глупости.

Самое важное, однако, это—торговля, именно товарный оборот, который нам необходим. И если мы справились с ней в течении двух лет, несмотря на то, что находились в состоянии войны (ибо, как вам известно, Владивосток занят всего несколько недель тому назад): несмотря на то, что мы только теперь можем начать вести вполне систематически нашу хозяйственную деятельность; если мы добились того, что период стабилизации поднялся с трех месяцев до пяти: то я полагаю, что мы имеем основание сказать, что мы этим можем быть довольны. Ибо ведь мы—одни, мы не получили и не получаем никаких займов ни от одного из тех мощных капиталистических государств, которые так «блестяще» ведут свое капиталистическое хозяйство: ни одно из них нам не помогло. Версальским миром они создали такую финансовую систему, в которой они сами не разбираются. Если эти великие капиталистические государства так хозяйничают, то я полагаю, что мы, отсталые и необразованные, можем все же быть довольны тем, что мы добились важнейшего—подняли основу стабилизации рубля. Это доказывается не каким-нибудь теоретическим анализом, а практикой, а она, я считаю важнее чем все теоретические дискуссии. А практика показывает, что мы здесь добились решающих результатов, именно, начинаем приспособлять хозяйство в направлении стабилизации рубля, что имеет решающее значение для торговли, для свободного товарооборота, для крестьян и для громадной массы мелких производителей.

Крестьянство и революция.

Теперь я перехожу к нашим социальным целям. Самое главное, это, конечно, крестьянство. В 1921 г., мы безусловно имели налицо недовольство громадной части крестьянства. Затем мы имели голод. И это означало для крестьянства самое тяжелое испытание. И вполне естественно, что вся заграница закричала тогда: вот,

смотрите, вот результаты социалистической экономики. Вполне естественно, конечно, что вся заграница промолчала о том, что на самом деле голод является чудовищным результатом гражданской войны. Все помещики и капиталисты, начавшие наступление на нас в 1918 г., представляли дело так, будто голод является результатом социалистической экономики.

Голод был действительно большим и серьезным несчастьем, таким несчастьем, которое грозило уничтожить всю нашу организационную и революционную работу.

Я спрашиваю: после этого небывалого и неожиданного бедствия, как обстоит дело теперь, после того, как мы ввели новую экономическую политику, после того, как мы предоставили крестьянам свободу торговли? Ответ ясен, и у всех на глазах. Крестьянство за один год не только справилось с голодом, но и сдало продналог в таком об'еме, что мы уже теперь получили сотни миллионов пудов, и притом почти без применения какого-нибудь насилия. Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 г., так сказать, определяли общую картину России, почти совершенно исчезли. Мы спокойно можем утверждать, что крестьянство довольно своим настоящим положением. Мы считаем, что эти доказательства более важны, чем какие-нибудь статистические доказательства. Что крестьянство является у нас решающим фактором, в этом никто не сомневается. И это крестьянство находится теперь в таком состоянии, что нам не приходится опасаться с его стороны какого-нибудь движения против нас. Мы говорим это с полным сознанием, без преувеличения. Это уже достигнуто. Крестьянство может быть недовольно той или другой стороной работы нашей власти и оно может жаловаться на это. Это, конечно, возможно и неизбежно, так как наш аппарат и наше государственное хозяйство еще слишком не налажены. Но возможность какого-бы то ни было серьезного недовольства нами со стороны всего крестьянства, во всяком случае, совершенно исключена. Это достигнуто в течение одного года. Я полагаю, что это очень много.

Состояние промышленности

Перехожу дальше к легкой индустрии. Мы должны нашу промышленность разделить на 2 части: тяжелую и легкую, так как они находятся в разных положениях. Что касается легкой промышленности, то я могу спокойно сказать: здесь наблюдается общий под'ем. Я не буду вдаваться в детали. В мою задачу не входит приводить статистические данные. Но это общее впечатление основано на фактах, и я могу заверить, что в нем нет ничего неверного или неточного. Мы имеем общий под'ем легкой промышленности и в связи с этим определенное улучшение положения рабочих как Петрограда, так и Москвы. В остальных районах это наблюдается в меньшей степени, потому что там преобладает тяжелая промышленность—так что этого не надо обобщать. Во всяком случае, я повторяю: легкая промышленность находится в безусловном под'еме и улучшение положения рабочих Петрограда и Москвы несомненно. В обоих этих городах весной 1921 г. господствовало недовольство среди рабочих. Теперь этого нет совершенно. Мы, которые изо дня в день следим за положением и настроение рабочих, не можем ошибиться в этом вопросе.

Третий вопрос—это тяжелая промышленность. Здесь я должен сказать, что положение все же остается тяжелым. Известный поворот в этом положении наступил в 1921 г. Мы можем, таким образом, надеяться, что положение в ближайшем будущем улучшится. Мы отчасти собрали для этого необходимые средства. В капиталистической стране для улучшения положения тяжелой промышленности потребовался бы заем в сотни миллионов, без которых улучшение было бы невозможно. И экономическая история капиталистических стран показывает, что в отсталых странах—только долгосрочные стомиллионные займы в долларах или в золотых рублях могли бы быть средством для поднятия тяжелой промышленности. У нас этих займов не было, и мы ничего не получили.

То, что теперь пишут о концессиях и прочем, ничего почти не составляет, кроме бумаги. Писали мы об этом в последнее время много, в особенности, между прочим, и об уркартовской концессии. Все-таки, наша концессионная политика кажется мне очень хорошей. Но несмотря на это, концессий мы еще не видели. Этого я прошу не забывать.

Мы должны экономить.

Таким образом, тяжелая промышленность оказалась, действительно, тяжелым вопросом для отсталой страны, так как мы не могли рассчитывать на займы в богатых странах. Несмотря на это, мы наблюдаем уже очень скромное начало, и мы видим далее, что наша торговая деятельность принесла нам уже некоторый капитал. Хотя пока—очень скромный, немногим превышающий двадцать миллионов золотых рублей. Во всяком случае, начало положено: наша торговая деятельность дает нам средства, необходимые для улучшения положения тяжелой промышленности. Теперь наша тяжелая промышленность находится еще в очень трудном положении. Но я полагаю, что решающим является то обстоятельство, что мы уже в состоянии кое-что сберечь, и это мы будем делать и впредь.

Правда, часто это делается за счет населения, но мы должны теперь экономить и работать над тем, чтобы сократить наш государственный бюджет, сократить наш государственный аппарат. Я скажу еще в дальнейшем несколько слов о нашем государственном аппарате.

Мы должны его, во всяком случае, сократить, мы должны экономить, сколько только возможно. Мы экономны на всем, даже на школах. Почему? Потому что мы знаем, что без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы никакой промышленности иметь не будем. Без нее мы, вообще, погибнем, как самостоятельная страна.

Тяжелая индустрия.

Мы знаем, что спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве,—этого еще мало,—не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющий крестьянству предметы потребления,—и этого тоже еще мало: нам необходима также тяжелая индустрия. потребуется несколько лет работы, чтобы привести ее в хорошее состояние. Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если у нас не найдется этих субсидий, то мы, как цивилизованное государство,—я уже не говорю, как социалистическое—погибли. И в этом отношении мы сделали решительный шаг. А именно, мы начали накапливать средства, необходимые для того, чтобы поставить тяжелую индустрию на ноги. Для начала в этом году мы накопили еще очень мало, немногим больше двадцати миллионов золотых рублей. Но, во всяком случае, эта сумма имеется, и мы используем ее не иначе, как для того, чтобы поднять нашу тяжелую индустрию.

Я думаю, что в общем я вкратце, как это обещал, изложил главные элементы нашего народного хозяйства. И мне кажется, что из всего этого можно сделать вывод, что новая экономическая политика уже теперь дала плюс. Уже теперь мы имеем доказательство того, что мы, как государство, в состоянии вести торговлю, сохранить за собою самую сильную позицию сельского хозяйства и индустрии и итти вперед. Практическая деятельность это доказала. Я думаю, что это для нас пока достаточно. Нам придется еще многому учиться, и мы поняли, что нам еще необходимо учиться. Пять лет мы держим власть, и притом в течение всех этих пяти лет мы находимся в состоянии войны.

Командные высоты в наших руках.

Это понятно,—потому что крестьянство было за нас. Трудно быть более за нас, чем было крестьянство. Оно понимало, что за белыми стоят помещики, которых оно ненавидит больше всего на свете. И поэтому крестьянство со всем энтузиазмом, со всей преданностью стояло за нас. Чтобы крестьянство нас защищало, и чтобы оно, ненавидевшее ранее войну, делало все для войны против белых, для этой гражданской войны против помещиков,—достигнуть этого было не трудно. Тем не менее, это было еще не все, потому что, в сущности, здесь дело шло о том, останется ли власть в руках помещиков или в руках крестьян. Для нас это было недостаточно. Крестьяне понимают, что мы захватили власть для рабочих и имеем перед собой цель—создать социалистический порядок, опираясь на эту власть. Поэтому важнее всего была для нас экономическая подготовка социали-

стического хозяйства. Мы не могли подготовить социалистического хозяйства прямым путем, мы принуждены были сделать это окольными путями. Государственный капитализм, как мы его установили у нас, является своеобразным государственным капитализмом: он не соответствует обычному понятию государственного капитализма. Мы имеем в своих руках все командные высоты, мы имеем в своих руках землю, она принадлежит государству. Это очень важно, хотя наши противники и представляют дело так, будто это ничего не значит. Это неверно. То обстоятельство, что земля принадлежит государству, чрезвычайно важно и имеет также большое практическое значение в экономическом отношении. Этого мы добились, и я должен сказать, что и вся наша дальнейшая деятельность должна развиваться только в этих рамках.

Некоторые итоги.

Мы уже достигли того, что наше крестьянство довольно, что промышленность и торговля оживают. Я уже сказал, что наш государственный капитализм отличается от буквально-понятого государственного капитализма тем, что мы имеем в руках пролетарского государства не только землю, но и все важнейшие части промышленности. Прежде всего, мы сдали в аренду лишь известную часть мелкой и средней индустрии. Но все остальное остается в наших руках. Что касается торговли,—я хочу еще подчеркнуть, что мы стараемся основывать смешанные общества, что мы уже основываем их, т.-е. общества, где часть капитала принадлежит частным капиталистам, притом иностранным, а другая часть нам. Во-первых, мы таким путем учимся торговать, а это нам необходимо, и, во-вторых,—мы всегда имеем возможность в случае, если мы сочтем это необходимым, ликвидировать такое общество, так что мы, так, сказать, ничем не рискуем. У частного капиталиста мы учимся и приглядываемся к тому, как развивать промышленность и какие ошибки мы совершаем. Мне кажется, что этим я могу ограничиться.

Отмечу еще некоторые небольшие пункты. Несомненно, что мы сделали и еще сделаем колоссальное количество глупостей. Никто не может судить об этом лучше и видеть это нагляднее, чем я (смех). Почему мы делаем глупости? Это понятно: во-первых, мы—отсталая страна, во-вторых, образование в нашей стране минимальное, в-третьих, мы не получаем помощи извне. Ни одно цивилизованное государство нам не помогает. Напротив, они все работают против нас.

Наш государственный аппарат.

В четвертых, по вине нашего государственного аппарата, мы переняли старый государственный аппарат, и это было нашей бедой. Государственный аппарат очень часто работает против нас. Даже было так, что в 1917 г., после того, как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал, а мы тогда очень испугались и попросили: „пожалуйста, вернитесь к нам назад". И вот они все вернулись, и это было нашим несчастьем. У нас имеются теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распоряжаться ими. На деле очень часто случается, что здесь наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, но что там, внизу, где они распоряжаются сами, они часто работают против наших мероприятий. Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но я думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу—сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас. Здесь в короткий срок ничего не поделаешь, это несомненно. Придется работать в течение нескольких лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы. Мы это делаем довольно быстрым темпом, может быть слишком быстрым. Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся,—учатся, может быть, слишком быстро, но, во всяком случае, работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат.

Глупости наших врагов.

Я сказал, что мы совершили неимоверное количество глупостей, но я должен также сказать кое-что в этом отношении и о наших противниках. Если наши противники указывают нам, как например, на то, что дескать, Ленин сам признает, что большевики совершили неимоверное количество глупостей, я хочу ответить на это: да, знайте, наши глупости все-таки совсем другого рода, чем ваши. Мы только начали учиться, но учимся с такой систематичностью, что мы уверены, что добьемся хороших результатов. Но если наши противники, т.-е. капиталисты и герои второго интернационала, подчеркивают совершенные нами глупости, то я позволю себе привести здесь для сравнения слова одного знаменитого русского писателя. Этот пример я несколько изменю, тогда он получится в таком виде: если большевики делают глупости, то большевик говорит: «дважды два—пять». А если его противники, т.-е. и капиталисты, и герои второго интернационала, делают глупости, то у них выходит: «дважды два—стеариновая свечка». Это нетрудно доказать. Возьмите, например, договор с Колчаком, заключенный Америкой, Англией, Францией, Японией.

Я спрашиваю вас: имеются ли более просвещенные могущественные державы в мире? И что же получилось? Они обещали Колчаку помощь, не сделав подсчета, не размышляя, не наблюдая. Это было фиаско, которое, по моему, трудно даже понять с точки зрения человеческого рассудка.

Теперь второй пример, еще более близкий и более важный: Версальский мир. Что сделали здесь „великие“, „покрытые славой“ державы? Как могут они теперь найти выход из этого хаоса и бессмыслицы? Я думаю, что это не будет преувеличением, если я повторю, что наши глупости еще ничто по сравнению с теми глупостями, которые совершают вкупе капиталистические государства, капиталистический мир и 2-й интернационал. Поэтому я полагаю, что перспективы мировой революции—тема, которой я должен вкратце коснуться,—благоприятны. И при одном определенном условии, я полагаю, что они станут еще лучшими. Об этих условиях я хотел бы сказать несколько слов.

Опыт русской революции.

В 1921 г. на 3-м конгрессе мы приняли одну резолюцию—об организационном построении коммунистических партий и о методах и содержании их работы. Резолюция прекрасна, но она почти насквозь русская, т.-е. все взято из русских условий. В этом ее положительная сторона, но также и отрицательная. Отрицательная потому, что я убежден, что почти ни один иностранец прочесть ее не может,—я эту резолюцию вновь перечитал перед тем, как это сказать, во первых: она слишком длинна, в ней 50 или больше параграфов. Таких вещей обыкновенно иностранцы не читают, во вторых, если они ее даже прочтут, то никто из них ее не поймет,—именно потому, что она слишком русская. Не потому, что она написана по-русски, она прекрасно переведена на все языки,—но она насквозь проникнута русским духом. И, в третьих, если в виде исключения, какой-нибудь иностранец ее поймет, то он не сможет ее выполнить. Я беседовал с некоторыми прибывшими сюда делегатами и надеюсь в дальнейшем ходе конгресса подробнее поговорить со многими из них. У меня создалось впечатление, что мы совершили с этой резолюцией большую ошибку, что мы сами отрезали себе путь к дальнейшему успеху. Как я уже говорил, резолюция составлена прекрасно, и подписываюсь под всеми ее 55 или больше параграфами. Но мы не поняли, как следует подходить к иностранцам с нашим русским опытом. Все сказанное в резолюции осталось мертвой буквой. Но если мы этого не поймем, мы не сможем продвинуться дальше.

Я полагаю, что самое важное для нас всех, как для русских, так и для иностранных товарищей, то, что мы после 5 лет российской революции должны учиться. Мы теперь только получили возможность учиться. Я не знаю, как долго эта возможность будет продолжаться, и не знаю, как долго капиталистические державы предоставят нам возможность учиться. Но каждый момент, свободный от боевой деятельности, от войны, мы должны использовывать для учебы. Вся

партия и все слои России доказывают это своим порывом к учению. Этот порыв к учению показывает, что важнейшей задачей для нас является сейчас: учиться и учиться.

Учиться также должны и иностранные товарищи. Правда, не в том смысле, как учимся мы: читать, писать и понимать прочитанное, в чем мы еще нуждаемся. Спорят о том, относится ли это к пролетарской или буржуазной культуре. Этого я не знаю, во всяком случае я скажу: нам необходимо, прежде всего, учиться читать, писать и понимать прочитанное. Иностранцам этого не нужно. Им нужно же нечто более высокое: сюда относится, прежде всего, и то, чтобы также поняли, что мы писали об организационном построении коммунистических партий, и что иностранные товарищи подписали, не читая и не понимая. Это должно стать их первой задачей. Необходимо привести эту резолюцию в исполнение. Этого нельзя сделать за одну ночь, это абсолютно невозможно. Резолюция слишком русская, она отражает российский опыт, поэтому она иностранцам совершенно непонятна, и они не могут удовлетвориться тем, что повесят ее, как икону, в угол и будут на нее молиться. Этим ничего достигнуть нельзя. Они должны воспринять часть русского опыта. Как это произойдет, этого я не знаю. Может быть, нам окажут большие услуги, например, фашисты в Италии, тем, что раз'яснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены, и что их страна еще не гарантирована от черной сотни. Может быть, это будет очень полезно. Мы, русские, должны тоже немного попытаться раз'яснить иностранцам основы этой резолюции. Иначе они не в состоянии эту резолюцию выполнить. Я убежден в том, что мы должны в этом отношении сказать не только русским, но и иностранным товарищам, что важнейшее в наступающий теперь период—это учеба. Мы учимся в общем смысле. Вы же должны учиться в специальном смысле, чтобы постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы. Если это совершится, тогда, я убежден перспективы мировой революции будут не только хорошими, но и превосходными.

ПРОБЛЕМА ЗАВОЕВАНИЯ ВЛАСТИ—У НАС и НА ЗАПАДЕ

Доклад тов. Троцкого

Главная цель всякой революционной партии—завоевание власти.

Западному пролетариату будет труднее захват власти, но легче после ее захвата,—западная буржуазия, уже ввела в бой все свои резервы.

Буржуазия не принимала нашу победу всерьез. А как же было научить ее уважению к новой власти, как не отнятием у нее собственности?

Мы привлекли на свою сторону крестьянство.

Мы вынуждены были действовать не о разумно-хозяйственной точки зрения, а под давлением военно-политической необходимости, нам досталось в наследство хозяйство, искаженное войной, поврежденное революцией и окончательно добытое гражданской войной.

После пяти лет борьбы завоевания рабочего государства огромны, но развитие революции шло зигзагами, а потому итоги не всем ясны.

Иностранный капитал и его правительства не рискуют идти к нам, смешно говорить, что иностранный капитал овладеет нами.

При военном коммунизме не было никакого учета.

Рост государственного капитализма в буржуазной стране означает усиление гнета над рабочим классом; у нас же—улучшение положения пролетариата, рост самого социализма.

Революция открывает двери новому политическому строю, но она достигает этой цели, путем катастрофы, путем разрушения.

Нэп не грозит буржуазным перерождением нашей хозяйственной жизни. Раньше буржуазия отмеряла уступки другим классам; в советском же государстве пролетариат отмеряет уступки буржуазии.

Мы переживаем эпоху великого кризиса капитализма. Война только выявила невозможность для капитализма развиваться в старых рамках. Но все улучшение кон'юнктуры, дает толчок революционному движению.

Назревает эпоха мировой керенщины. Вся обстановка такова, что буржуазия не может дать реформ. Пацифистки-реформистская волна спадет, и наступит волна разочарований с ненавистью и проклятиями.

В этот период необходимо, чтобы коммунистические партии были максимально тверды и революционны.

— Товарищи, главная цель всякой революционной партии—завоевание власти. У 2-го Интернационала эта цель была лишь, говоря на языке идеалистической философии, «регулятивной идеей», т. е. идеей, имеющей мало общего с революционной практикой.

Лишь последние годы мы стали учиться, выдвигать завоевание политической власти, как практическую цель. Тот факт, что для России мы можем назвать определенный день—7 ноября 1917 г.,—когда коммунистическая партия, ставшая во главе рабочего класса, взяла политическую власть, доказывает, что эта цель вовсе не является какой-то философской регулятивной идеей, а чисто практической.

7 ноября 1917 г. наша партия взяла власть. Это не означала,—а впоследствии это выступило с полной рельефностью,—что гражданская война уже закончилась. Наоборот, только после этого у нас разразилась в широком масштабе гражданская война. Этот факт имеет не только исторический интерес, но служит источником уроков для западно-европейского пролетариата.

Почему это так случилось? Это об'ясняется тем, что страна только что освободилась от царского варварского режима. Мелкая буржуазия имела мало политического опыта, а крестьянство—никакого (средняя буржуазия имела некоторый опыт, благодаря думам, дворянство—благодаря земствам и т. д.). Таким образом, мы видим, что огромные резервы контр-революции—богатое, до некоторой степени и среднее крестьянство, мелкая буржуазия, интеллигенция—еще не были задеты политической борьбой. И только после того, как буржуазия стала понимать, что она теряет с потерей власти, она стала защищаться всеми средствами, естественно уступая передовые позиции дворянству, офицерству и т. д.

И мы расплачиваемся жертвами гражданской войны за ту легкость, с которой мы завоевали власть 7 ноября 1917 года. За-границей, в других более культурных странах положение будет, несомненно глубоко отличным. Там народные массы имеют опыт политической борьбы, и там их ориентация будет изменяться, но она будет изменяться все же более систематически; сегодняшний день будет более

непосредственно вытекать из вчерашнего. Буржуазия готовится заранее, буржуазия знает те элементы, на которые ей придется опереться, и она строит контр-революционные кадры заранее. Мы это видим в Германии, мы это видим в меньшей степени во Франции; это происходит в Италии, где после незавершенной революции мы имеем завершенную контр революцию,

Что это значит? Это значит, что буржуазия в Европе, имея богатый опыт и благодаря нашей русской революции, начала сорганизовывать контр-революционные элементы, которые являются оплотом ее власти. Затем те контр революционные элементы, с которыми мы столкнулись лишь после завоевания власти во время гражданской войны, народные массы в Европе находят их уже теперь на своем пути, и народ победит их прежде чем он получит в свои руки государственную власть. Когда он эту власть получит от буржуазии, то у буржуазии не будет тех мощных резервов, из которых она может черпать материал для своих фронтов. Это значит, что после завоевания власти, европейский пролетариат будет иметь большую свободу действий для своего хозяйственного и культурного строительства, он будет меньше стеснен и подавлен гражданской войной, но зато ему гораздо труднее придется бороться за государственную власть.

Это слишком общее положение, и его надо расчленить по отношению к другим странам, но в общем и целом это правильно. Мы видим много вещей, о которых говорил в своем докладе т. Ленин, и в области нашей борьбы за власть и за сохранение власти, и в области гражданской войны, где наша буржуазия была недостаточно подготовлена, но в общем и целом мы дали европейскому рабочему классу хороший пример беспощадности в революционной борьбе, которая есть в своем роде и высшая раволюционная гуманность, потому что сокращает тяжелый путь революции, обеспечивает успех.

Мы привлекли на свою сторону крестьянство.

Среди товарищей в Интернационале есть элементы, которые считают, что во Франции (таково мнение тов. Рено Жана), крестьянство в такой же мере способно участвовать в революции, как и пролетариат, Это, конечно, точка зрения ложная. Если мы победили в гражданской войне, то не только благодаря правильности так сказать военно революционной стратегии, но и благодаря правильности стратегии политической, которая лежала в основе нашей гражданской победы в гражданской войне. В чем тут была суть? Мы русские, знаем, прекрасно, что суть была в том, чтобы привлечь на свою сторону крестьянство. Крестьянство—колеблющаяся масса, но решительностью действий мы его ставили в необходимость выбирать либо между рабочими, либо между помещиками, руководящим лагерем контр-революции. Если бы мы так не сделали, то крестьянство колебалось бы между различными оттенками демократии, рабочим классом, контр-революцией и мы погибли бы. Стало быть и здесь в отношении крестьянства первая задача рабочего класса это—твердость и решительность революционной тактики.

После завоевания власти задача строительства, хозяйственного строительства есть центральная и вместе с тем труднейшая задача. Разрешение этой задачи зависит от прячин разного порядка: во-первых, от уровня производительных сил, во вторых, от культурного и организаторского уровня рабочего класса, в-третьих, от политической ситуации международной и внутренней.

По важности эти основные условия социалистического строительства могут быть расположены в таком порядке. Самое важное—это уровень производительных сил, потом культурный уровень пролетариата, затем сложившаяся политическая или военно-политическая ситуация: фронты, интервенции иностранные и пр. Но эта последовательность логическая. А практически, рабочий класс, взявши власть, прежде всего у нас столкнулся с политической ситуацией, угрозами интервенции белогвардейщиной.

Экономическая целесообразность и политическая необходимость.

Свою работу он начал под давлением потребностей гражданской войны, и нашу хозяйственную историю или историю хозяйственного строительства Советской России за 5 лет нельзя понять, если к ней подходить только с аршином экономи-

ческой целесообразности. К ней нужно подходить прежде всего с аршином военно-политической необходимости и неизбежности, и во вторую уже очередь с аршином экономической целесообразности.

Экономическая целесообразность вовсе не всегда совпадает с политической необходимостью. Если я на войне, если мне угрожает опасность нашествия белой гвардии, я взрываю мост. С точки зрения экономической целесообразности это абсурд, а с точки зрения политической необходимости это вещь неизбежная. С этой последней точки зрения я должен мост взорвать. Это относится и к нашей экономике. Мы экономику нашу строили и перестраивали в первую очередь под давлением необходимости сохранения власти рабочего класса.

Буржуазия не принимала нашу победу всерьез.

Если бы мы вступили на арену хозяйственного развития после победы революции в Европе, то у нашей буржуазии душа была бы в пятках, и справиться с ней было бы очень просто. Мы могли бы спокойно прибрать к рукам сначала крупные предприятия, предоставив прозябать последним, потом забрали бы средние, предоставив прозябать мелким и т. д. и т. д. Но порядок по политическим условиям был другой. Когда мы пришли к власти, крупнейшие капиталисты еще стояли на ногах во всем мире, да и по сей день стоят, и наша буржуазия не могла поверить ни на один час, что все оно серьезно и надолго. Она нас не приняла всерьез, и вы помните, как наши первые декреты встречались буржуазией, как их не хотели выполнять, с ними не считались. Даже газетчики, уж на что у них трусливы души, с нами не считались. Они не могли брать всерьез, не могли примириться с тем, что все это не шуточное, не временное, не керенщина. А как ее, нашу буржуазию, научить уважению к новой власти, как не отнятием у нее собственности? Другого пути не было. Каждая фабрика, каждая лавка, каждый банк, был крепостью против нас. Банки поддерживали саботажников, выплачивая жалованье саботировавшим чиновникам. Все, что вы прекрасно помните.

Поэтому мы начали не с разумно-хозяйственной точки зрения, а под давлением военно-политической необходимости. Какова была задача? Жить, поддерживать существование рабочего государства, обеспечить его военной силой, накормить армию, накормить то, что оставалось в городах от рабочего класса, от того, что ушло на фронт. Вот какова была задача. В этом и состоял военный коммунизм

Военный коммунизм.

Что такое военный коммунизм? Борьба рабочих за самосохранение, за пропитание,—это, во первых. Во-вторых, стремление каким бы то ни было путем извлечь из технического аппарата нашей промышленности необходимый минимум для поддержания армии для того, чтобы не погибнуть рабочему классу. Если хозяйство рассматривать с точки зрения экономической целесообразности, т.-е. действительного его развития, то оно предполагает известную пропорциональность своих частей. Разные отрасли промышленности имеют определенные количественные и качественные соотношения. Отрасли промышленности, производящие средства производства и потребления, находятся в известной пропорции. Есть известное количественное и качественное соотношение для различных отраслей промышленности, которое может быть понято так, как распределение накопленных богатств, материалов, машин и живой рабочей силы между различными отраслями промышленности и хозяйства вообще.

Как это производится? При капитализме это производится путем свободной конкуренции, спросом и предложением, игрой цен, сменой периодов под'ема и периодов кризиса. Мы называем этот метод анархическим, и название это верно. Он связан с расхищением большого количества сил и ценностей, но этот анархический капиталистический метод все же устанавливает определенную относительную пропорциональность между различными отраслями хозяйства, пропорциональность, благодаря которой общество только и может жить, чтобы не задохнуться и не помереть.

Мы получили такое хозяйство в наследство от капитала. Это хозяйство—довоенное—имело свою известную пропорциональность, устанавливавшуюся игрой сил капиталистического производства и рынка. Пришла война, которая произвела колоссальные болезненные изменения во взаимоотношении различных отраслей хозяйства. Как ядовитые грибы, выросла военная промышленность за счет промышленности общего типа. Затем пришла революция, с ней саботаж, гражданская война с ее разрушениями. Вот какое мы получили наследство после этих этапов. Стало-быть хозяйство, в котором сохранились слабые воспоминания о той пропорциональности частей, которая существовала при буржуазии, которая была искажена войной, затем повреждена революцией и окончательно добита гражданской войной,—это мы получили в наследство.

При социализме, при вполне развитом и законченном, превращающемся в коммунизм, хозяйство управляется централистически. Конечно, с большой автономией частей, но опять-таки под централистическим контролем.

Есть такой целокупный охват всего хозяйства, социалистический учет, как мы говорим. Но настоящий социалистический план может вырасти только из постепенного приспособления хозяйства к потребностям социалистического общества. Путь этот длинен. То, что мы имели, есть чисто военный коммунизм с начала до конца: употребить остатки промышленности, истерзанной, дезорганизованной, для армии и для рабочего класса. Также брать у мужика хлебные избытки, хотя бы ценой разрушения хозяйства, лишь бы прокормиться. Стало-быть, между капиталистическим свободным рынком, между капитализмом и законченным социализмом, когда мы, на основании всего предшествующего опыта, будем иметь синтетический план, твердый, мощный и вместе с тем очень гибкий, приспособляющийся к местным и индивидуальным потребностям,—между этими пунктами есть много переходных ступеней, и нэп наш есть, по существу, один из переходных моментов.

Наши достижения.

В марте 1917 года мы низвергли царизм, в октябре рабочий класс взял власть и затем прибрал к рукам всю землю и дал ее крестьянам, как государственную, и крестьяне обязаны теперь платить государству, от которого оно землю получило, натуральный налог, и этот натуральный налог является существенным вкладом в дело социалистического строительства. Рабочее государство после пяти лет владеет всей железнодорожной сетью, важнейшими отраслями промышленности, государство имеет свою армию для защиты. Государство ведет за свой счет хозяйство в важнейших отраслях промышленности на важнейших предприятиях.

Противники затемняют положение сознательно, как это делает Отто Бауэр. Друзья же сомневаются: нет ли тут капитуляции перед капитализмом, нет ли опасности, что на основе свободного рынка, который мы установили, капитализм развиваясь, нас подавит и возьмет верх. Разумеется, при такой общей форме опасности никак отрицать нельзя; мы ее всегда признавали, как она есть, как она была и в гражданской войне. Капитализм против нас. Прежде была борьба за крестьянина, теперь борьба с новым капитализмом за крестьянский рынок и средствами рынка, ибо, вступая в гражданскую войну, мы изучали силы врага и измерили поле действия. Ну, а здесь, что у нас есть? У нас государственная власть —очень важный инструмент в борьбе классов, важнейшие средства производства, все средства железнодорожного транспорта земля—собственность государства.

Что имеет противник?.

А у противника? У противника есть возможность накоплять, пользуясь свободной торговлей хлебом. Торговый капитал начинает оперировать в деревне, обрастает жирком и пушком, берет в аренду предприятия, получат доход—нарастает. Числовое их соотношение, количественное соотношение? Если возьмете Отто Бауэра, то вы увидите, что по нему вы капитулировали пред капиталистами, что капиталисты, опираясь на крестьянство, захватывают свободный рынок, владеют хозяйством и что все законодательство приспособляется к ним. Фактические цифры, как

наша статистика не слаба, как ни грубы данные, все-таки говорят: в государственной промышленности (не считая транспорта) работает миллион рабочих: в в арендованных предприятиях—80.000 рабочих, при чем государственные предприятия отличаются от арендованных (часть которых—тоже государственные) более высоким типом конструкции. На предприятиях арендованных в среднем работает 18 человек, на государственных в среднем—50 чел. Это означает, что вся основная промышленность в руках государства и работает для государства, а арендованное предприятие—третьестепенное. Я сказал, что в арендованных предприятиях занято 80.000 чел. Но предприятия, сданные в аренду, вовсе не все частнокапиталистические, а пол. их, т. е. с числом рабочих 40.000 чел.,—взята в аренду тем же государством. Я, например, сам являюсь „арендатором", как участник Москуста. Наш центросоюз кооперативы и т. д. арендуют многие предприятия. Таким образом частные предприниматели имеют предприятия с количеством 40—45,000 человек, наихудше оборудованные и мелкие по типу.

Конкуренция частного капитала нам не страшна.

Конечно, есть известная конкуренция между нашей промышленностью и частной, но опасаться, что завтра нас повалят, нет основания.

Что касается торгового капитала, то тут дело более благоприятно для капиталистов. По статистическим исчислениям, очень грубым и несовершенным, частный торговый капитал—30 проц., а 70 проц.—государственный и кооперации.

Остаются концессии. По поводу концессий т. Ленин говорил уже на конгрессе, что у нас о концессиях много дискуссий и очень мало дела. Говорили, что мировой капитал ринется на нашу территорию, приводили доводы (которые в общем и целом казались правильными), что происходит обострение кризиса во всем мире, что буржуазия нуждается в рынках, что Англия, у которой было почти 2 мил. безработных, а теперь только 1 миллион, нуждается в русском рынке, как покупателе и поставщике сырья. Вот почему торговый договор был в конце-концов подписан. Но это было года полтора тому назад, на самом деле мы покупаем у Англии на золото, а концессии до сих пор в процессе обсуждения.

Почему это? Потому что Россия при нынешнем ее состоянии, которая завтра явиться серьезным рынком, немедленно для капиталистической Европы стать таковым не может. Таким рынком, который помог бы ликвидировать безработицу в Англии, или значительно ее уменьшить, Россия сейчас не является. Она может стать могущественным покупателем и поставщиком, если получит сейчас кредит и будет иметь возможность ускорить свое экономическое развитие. Тогда через пять лет она будет для Англии могущественным рынком, а через 10 лет еще большим. Но надо для этого, во первых, чтобы английское правительство верило в себя, что оно через 10 лет будет существовать и будет существовать такая сила английского капитала, при которой русский рынок будет обеспечен.

Буржуазия не рискует итти к нам.

Словом, вся мировая ситуация сейчас складывается под действие целого ряда неустойчивых факторов в положениях капитализма, столь из'еденного противоречиями, что буржуазия сейчас совсем не уверена, как сложится завтрашний день, какие комбинации международные создадутся, Англия и Франция, то как будто бы восстанавливают Антанту, то собираются вдруг разговаривать чуть ли не с ножем в руках. В последней своей речи Керзон характеризует мировое положение такими мрачными красками, что я предложил бы ее в качестве тезисов в резолюцию Коммунистического Интернационала для характеристики мирового положения. При таком положении капитализм не рискует итти к нам. До войны, в течение десятков лет, предшествовавших мировой войне, капитализм имел перспективы, охватывающие десятилетия. Германская полититка на Востоке, Багдатская жел. дор. и т. д.—все это было расчитано на десятилетия. Теперешний капитализм и его правительства абсолютно не способны загадывать и на два года, а не только что на десять лет. Для того, чтобы иметь серьезное дело с Россией, поставить себе задачу ею

экономически овладеть, для этого нужен план, рассчитанный на десятилетия. Буржуазия пока здесь топчется на месте. И смешно говорить об опасениях, что иностранный капитал овладеет нами, со всеми нашими социалистическими потрохами. Нет этой опасности, ибо этого капитала нет.

Государственный капитализм.

А что есть у нас, как у рабочего государства? С нашей стороны есть, так называемый тов. Лениным, условно, в кавычках, «государственный капитализм». Это термин, который употребляли другие гораздо более свободно, менее критически, менее осторожно. А в Европе он был совсем ложно понят. Они считают, что наша государственная промышленность есть действительно какой-то государственный капитализм. Это, конечно, не так. Это не есть государственный капитализм, т. е. «государственный капитализм», но в таких больших кавычках, что они должны быть больше самого термина. Почему? Какова история этого термина? Этот термин сам социалистического происхождения. Жорес и французские реформисты говорили о последовательной социализации демократической республики. Есть демократическая республика, которая социализирует средства производства. На это мы, марксисты, отвечали, что это неправда. Пока власть в руках буржуазии, то-эта социализация —не социализация, а национализация буржуазным государством и приведет она не к постепенному переходу к социализму, а только к государственному капитализму. Это означает, что индивидуальная собственность отдельных капиталистов на отдельные фабрики, жел. дор. будет заменена коллективной собственностью буржуазных фирм на целую группу предприятий, железных дорог и т. д.

Поскольку у власти буржуазия, постольку она через посредство государственного капитализма душит пролетариат в целом, как отдельный буржуа, при помощи индивидуального предприятия своего душит группу рабочих. Таким образом, термин «государственный капитализм» был выдвинут, или во всяком случае, полемически употреблен революционными марксистами против реформистов демократических идеологов, с той целью, чтобы доказать и показать, что действительная социализация начинается только после завоевания власти рабочим классом. Реформисты выдвигали и подчеркивали реформы. Мы никогда не отрицали реформ. Мы говорили, что эпоха социалистических реформ начнется только после завоевания власти пролетариатом. В этом было разногласие. Теперь же власть в России в руках рабочего класса. Промышленность в руках рабочего государства. Эта промышленность не есть государственный капитализм в том смысле в каком мы называли собственность буржуазного государства—государственным капитализмом. А в каком смысле? Тов. Ленин называет ее в условном и ограниченном смысле. И это необходимо каждый раз подчеркивать, трижды, четырежды подчеркивает, что эта промышленность принадлежит рабочему государству, но для своего развития употребляет методы рынка, созданные капиталистическим хозяйством. Эти методы мы называли анархическими, методами рынка, конкуренции и т. Перейти к методам социалистическим, т. е. централизованного учета, нельзя путем прыжка через собственную голову, если она не очень причесана, как наша российская голова, не в обиду будь сказано. Надо учиться и учиться.

Учет раньше и теперь.

Надо подходить к этому синтетическому, всеохватывающему учету, используя те методы, которые создала буржуазия. Какие методы? Калькуляция, коммерческая выгодность. В эпоху военного коммунизма все распределяло государство, по пайкам выдавало продовольствие, рабочие должны были работать. Контроля над производительностью индивидуального труда и труда данной фабрики над ее выгодностью для государства не было, учета тоже никакого не было. Почему? Потому, что мы после-завтра, или после после завтра, до которого надо, с позволения сказать, на корячках доползти, мы эти методы в грубой форме хотели поставить на место вчерашнего дня вчерашних методов. Отсюда и наши прорехи.

Что мы имеем? Мы имеем советскую промышленность, промышленность рабочего государства, которая для самоконтроля своего, для своей ориентировки на рынке, для обмена, для того, чтобы найти то, что нужно, применяет капиталистические методы. Их применять можно, восстановив рынок. Этот рынок связан с промышленностью, с сельским хозяйством, а отдельные отрасли промышленности связаны друг с другом. На этом рынке мы боремся с буржуазией, которая рождается, возрождается и растет. У кого преимущества? У нас!

При государственном капитализме, при власти его, рост государственного капитализма означал обогащение буржуазного государства, усиление его гнета над рабочим классом. У нас рост государственной советской промышленности означает рост самого социализма.

Зарождение социализма.

Этот так называемый государственный капитализм есть эмбриональный зародыш социализма, который для своей ориентеровки применяет капиталистические методы. Например, когда начинала развиваться фабричная промышленность, не только при царизме, но при крепостном праве, начиная с петровских времен, заводы и фабрики, созданные по европейскому образцу, строились на крепостных началах, т. е. к ним приписывались крестьяне и заводы эти назывались посессионными заводами, а будущие капиталисты Строгоновы, Демидовы и пр. как владельцы этих предприятий развивали будущий капитализм, но в крепостной оболочке. Так у нас социализм делает первые шаги в капиталистической оболочке.

Издержки революции.

Есть, однако, важный вопрос, который можно выдвинуть,—это вопрос о производительности хозяйства, не о производительности индивидуального труда только а о производительности всего хозяйства. Капитализм победил феодализм благодаря тому, что при нем частный труд более производителен, а социализм победит тогда вполне и окончательно, когда производительность труда при нем будет выше, чем при капитализме. Есть ли это сейчас?—Нет. Американцы работают лучше нас при капитализме, французы работают лучше нас, немцы работают тоже лучше нас. Этот аргумент как будто бы серьезен. В Генуе французский представитель Кольра, когда Чичерин или Литвинов заговорили о каком-то хозяйственном вопросе, сказал, что, дескать, вы, не можете, вообще, по этому вопросу разговаривать, потому что вот до чего вы довели Россию. Сравните ваше хозяйство с нашим. Этот довод на первый взгляд очень победоносен, но на самом деле он совершенно несостоятелен. Конечно, было бы очень хорошо, если бы мы уже могли не теоретическими аргументами, а материальными аргументами этот довод победить, т. е. показать, что наши заводы и фабрики и наше хозяйство в целом дают большую производительность, благодаря централизованной социалистической организации, отсутствию конкуренции и т. д., но этого нет, и этого мы можем достигнуть не так-то скоро. Но довод может быть исторический и очень веский: он состоит в том, что само капиталистическое общество, французское, богатое и хвалящееся своим богатством, возникло тоже из революции, из великой французской революции. Задача, которая была—создать условия для более высокой производительности труда,—эта задача была достигнута капитализмом. Мы видим пример богатой цивилизованной Франции. Возьмем свидетельство простых документов, историю революции Жореса, и мы найдем следующие факты, что нищета во Франции усилилась еще после 9-го Термидора, на пятом году революции. На десятом году французской революции, когда Наполеон Бонапарт был уже первым консулом, Париж получал в день от 300 до 500 мешков муки, в то время, когда ему для голодного существования нужно было 1.500 мешков. Париж на 10-м году Великой Французской Революции получил от одной пятой до одной трети голодной нормы и Наполеон каждый день следил за количеством поступающих мешков. Это было на десятом году после начала Великой Французской Революции.

Что это значит? Это значит, что революция очень жестокий и неэкономный способ разрешения вопроса. Революция открывает двери новому политическому строю, но она достигает этой цели путем катастрофы, путем разрушения, а у нас к тому же была и война. Мы не в 10-м году революции, а в начале 6-го года нашей революции, и наша революция поглубже Великой Французской, которая заменила только феодальную собственность. т.-е. одну форму эксплоатации другой формой эксплоатации, мы же заменяем общество, построенное на эксплоатации, обществом, построенным на солидарности. Сотрясение большое и издержки революции очень велики и то, что мы имеем сейчас, это есть издержки революции. По-французски есть термин «фо фре», т. е. ложные фальшивые издержки, которые не вызываются необходимостью. И этот самый Кольра, французский государственный муж, признает, что французская революция была творческим актом, но ее творчество сказалось только через десятилетие в виде повышения материальной культуры.

Сельское хозяйство и промышленность.

Поэтому мы требуем у нашего противника, по крайней мере, десяти лет, чтобы показать, что на десятом году кое-какие доказательства наших материальных сил будут налицо. Пока же мы имеем такое положение, когда в сельском хозяйстве урожай последнего года составляет, примерно, 3/4 урожая среднего до войны. А в промышленности мы имеем, примерно, 1/4 продукции довоенной. Из этого тоже делают вывод некоторые критики из противников, в том смысле, что это предопределяет падение советского режима. Почему? А вот почему. У крестьянина 3/4 его прошлой продукции. Стало быть, на этом основании советское государство не справится с крестьянством. Промышленность имеет у нас только 1/4 прошлой продукции; 3/4 сильнее, чем 1/4 и на этом основании сельского хозяйства, разовьется частный капитал и нас побьет. Но эти соображения тоже неправильны. Беспорно верно, что урожай этого года равняется 3/4 довоенного, а продукция промышленности этого года имеет 1/4 довоенной за год. Но крестьянин, ведь, выбрасывает не все на рынок, а только небольшую часть. Он работает, главным образом, для собственного потребления. Стало быть, то, что он выбрасывает на рынок только и дает почву для создания торгового капитала, а это количество ничтожно, ибо по самым широким исчислениям оно составляет не более 100 милл. пудов. Почему? Потому, что он дает большую часть натурального налога государству, и рабочее государство к продуктам своей промышленности присоединяет то, что крестьянин дает в качестве натурального налога. Это исчисляется выше 200 милл. пуд. А на рынок он выпустит 100 милл. и, выпуская на рынок, он в значительной мере выпускает либо для кооперации либо для государственных учреждений. Для частного капитала остается 30 проц., в чем говорят некоторые подсчеты, не очень, впрочем, точные. Так что соображения о том, что новая экономическая политика есть капитуляция, которая угрожает перерождением всей нашей хозяйственной жизни в буржуазном смысле, не реальны потому, что они не считаются, во-первых, с тем, что власть—у рабочего класса, что ножницы, при помощи которых мы можем подстригать новую буржуазию,—в руках рабочего государства. Границы—в руках у рабочего государства, доступ иностранному капиталу—в руках у рабочего государства.

Характер наших уступок.

Буржуазия в течение XIX столетия только и делала, что шла на уступки мелкой буржуазии, отчасти крестьянству, верхам рабочего класса, эксплоатируя в то же время рабочие массы нещадно, делая уступки законодательные, парламентские, по социальному законодательству, по избирательному праву и т. д., но сохраняя власть до сего дня во всем мире. Поэтому она отмеряла уступки, говорила столько даю, а больше не даю, У нее была бухгалтерия в руках, она подсчитывала экономический и политический балансы, давая лишь то, что не угрожало ее господству, и не давая того, что угрожало подорвать ее господство.

Когда в Англии признали ограничение рабочего дня в парламенте, Маркс писал в своем «Капитале»: „это победа нового принципа, это пролетариат навязал буржуазии свой новый принцип". В чем состоит этот новый принцип? В том, что он хочет располагать своим собственным существованием, хотя бы отчасти. Но от победы нового принципа до низвержения буржуазии в Англии прошло много времени. Буржуазия еще у власти. Что это значит? Это, значит, что уступки, которые господствующий класс делает классу, не составляющему этой власти, как бы значительны не были эти уступки, предоставляются господствующим классом. Так и у нас. С введением нашего законодательства, очень много уступок дано нашей буржуазии, возрождающейся буржуазии и буржуазному рынку, но эти уступки дает, отмеряет, отчисляет рабочее государство.

Концессии.

Мы сейчас обсуждаем концессию, которую добивается Уркарт. По этому вопросу ведется огромная дискуссия. Кто решает этот вопрос? Решает рабочий класс,—в какой степени мы концессию можем дать буржуазии. И все эти опасения в такой постановке не реальны. Но они могут стать реальными, если поставить вопрос пошире и сказать: а если капитализм во всем мире будет существовать еще полстолетия, или, быть может, четверть столетия, как быть с нэпом. Вопрос решается само собою, разумеется, если бы капитализм доказал, после потрясений этой войны и после революции свою жизнеспособность во всем мире и особенно в странах, которые достигли большей капиталистической полнокровности, если бы он доказал, что он имеет жизненную силу, что может поддерживать еще общество в относительном равновесии и удовлетворять потребности этого общества, и что лишь только поэтому рабочий класс не низвергает его, т.-е., если бы капитализм доказал свою жизнеспособность во всем мире, то само собой разумеется, он устоял бы, а мы не устояли бы и свалились бы. Поэтому не может быть постановки вопроса так, что нэп нас повалит. Нэп это есть уступка, которую мы отмеряем. Мы—хозяева. У нас—ключ от двери, и дверь у нас на запоре. У нас ключ в смысле нормирования, мы можем обложить буржуазию каким хотим налогом. Все это в наших руках, так что это совершенно не серьезное опасение.

Эпоха кризиса капитализма.

Но на этот счет у нас нет никакого основания изменять хоть в малейшей степени нашу точку зрения, на которой мы стояли в наших тезисах на III конгрессе. В этих тезисах мы охарактеризовали эпоху, начавшуюся не только с войны, но и несколько раньше войны, как эпоху великого кризиса капитализма. По этому поводу были очень большие прения на III конгрессе. В основе этих прений лежал мой тогдашний доклад. Точка зрения, которую я развивал и на которой мы сошлись определенным большинством конгресса, состояла в том, что в развитии капитализма надо различать две линии. Развитие капитализма у нас выражается кривой. Эта кривая, однако, имеет двойственный характер, обозначающий цикл, под'ем, кризис, под'ем, кризис. В экономической литературе и, в частности, марксистской он очень мало изучен.

Получается очень сложная кривая, которая колеблется вверх и вниз, большими циклами, примерно, в 50 лет. 25 лет высокого под'ема, а потом 25 лет застоя, потом опять 25 лет бешеного под'ема и затем снова 25 лет положения застоя. Это большие циклы, но внутри этих больших циклов каждые 10 лет меняется оборот и в течение 10 лет происходит под'емный кризис. Я эту цифру беру по Кондратьеву. Она несколько натянута, но эти большие циклы составляют большие эпохи в истории. Когда капитализм развивается бешено вверх, вся политическая обстановка складывается в соответствии с этим. Буржуазия богатеет, она имеет возможность удовлетворять известные потребности рабочего класса, без работица сводится к минимуму и т. д. Во время застойных эпох мы имеем другие явления в общественной жизни, явления недомогания, трения обостряются и проч. Вот между этими большими циклами бывают войны, бывают революции,

бывают большие перемены в политике или расширения арены политического развития и т. д.

Этот вопрос напрашивается, как директива сам собою для теоретической разработки. Если под этим углом зрения рассмотреть историю каждой страны в отдельности, и весь капиталистический мир в целом, то, несомненно, что марксизм может чрезвычайно оплодотворить эти обследования под углом зрения больших и малых циклов. И вот многие данные заставляют думать, что 1913 год был последним годом бешеного, почти 20-ти летнего под'ема промышленности с колебаниями внутри, когда производительность страны и товарная производительность заполнили те рамки, которые создавали разделение нашей планеты на государства, рынки, колонии и проч. Если бы даже не было войны, то капиталистический мир вступил бы в полосу глубокого затяжного кризиса.

Война только дала проявление этой невозможности капитализма развиваться в старых рамках. Нужно было или переносить его на другую планету, или перестраивать общество на новых началах. Мы вступили в 1913—1914 году в эпоху большого исторического кризиса, который не нужно смешивать с преходящими кризисами внутри и течение десятилетнего цикла. Дело в том, что в 1920 году был жесточайший циклический кризис, т.-е. очередной кризис, который начался жестоко и остро. Некоторым товарищам казалось, что так как теперь революционная эпоха, то этот кризис будет обостряться, пока рабочий класс возьмет власть. Мы доказывали, что капитализм будет не развиваться и не будет больше развиваться в ближайшее десятилетие, если рабочий класс не овладеет властью, будет гниение, будут новые войны, но то не будет линия падающая, а линия колеблющаяся, т.-е. циклы глубокие. В 1920 году говорили мы кризис острый, т.-е. падение, а скоро, несомненно, будет улучшение, будет некоторый под'ем.

Улучшение кон'юнктуры.

Вот на этой почве был жесточайший спор на прошлом конгрессе. Считали, что признать неизбежность улучшения кон'юнктуры—значит стать на путь реформизма. Мы же доказывали, что после того, как рабочий класс проделал войну, после 1919 года—великого хаотического выступления, которое было разбито за отсутствием руководящей коммунистической партии, после того, как организовались коммунистические рабочие партии, рабочий класс уже стал осторожнее и в 1921 году на примерах Германии у рабочего класса было уже выжидательное настроение. В Америке 5.000.000 безработных, в Англии 3 милл. безработных: кризис бил по больному телу рабочего класса и увеличивал не революционную энергию, а, наоборот, выжидательное настроение и пассивность. И в это время я доказывал, что самое слабое улучшение в данный момент, так же, как у нас в 9-м и 10-м г.г. после поражения 5-го года и после страшнейшего кризиса в 7-м году, когда была полная катастрофа, поднятие стачечного настроения, ленские события и т. д.—все это было на почве промышленного оживления, когда рабочий класс почувствовал свою силу в промышленности, я доказывал, что новое улучшение кон'юнктуры даст толчок стачечному и революционному движению. Это положение было включено в смягченной форме в тезисы. И это теперь имеет подтверждение в Америке—уменьшение безработных, под'ем. В Англии—очень тяжелое положение, но улучшающееся. Во Франции—тяжелое, но не ухудшающееся, а в металлургии даже частичное улучшение. В Японии также частичное улучшение. Но какое это улучшение? Минимальное. В чем оно состоит? С точки зрения перспективы капитала оно даст очень мало значения. С точки зрения борьбы рабочего класса—большое значение.

Если на заводе вчера было 1.000 человек рабочих, сегодня 990, а завтра 980, то рабочие, побитые в 19—20 г.г., дрожат за свое место, каждый ждет своей очереди быть выброшенным с завода. Если же на заводе вчера 1.000 человек, сегодня 1.001, то каждый рабочий чувствует себя твердо и уже может давать отпор. Мы видим, что в Англии, Франции за это время рост стачечной борьбы поднялся. Несомненно, что этот под'ем прибавит самоуверенности рабочему классу, сплотит, укрепит профсоюзы, которые сильно порастряслись в 20—21 г.г.

Эпоха европейской керенщины.

Тактика единого фронта в этих условиях получает огромное значение. И отсюда вытекают ближайшие политические перспективы. Франция переживает сейчас политический перелом. Там сейчас господствует националистический блок, руководимый Пуанкаре, и явно подготовляется победа левого блока демократической, реформистской пацифистской буржуазии. В Англии сейчас производятся выборы. Они из-за распада коалиции Ллойд-Джорджа происходят раньше, чем их ожидали. Неизвестно, кто победит. Может быть старая коалиция опять победит. Если победит, то ненадолго. Почему это так? Потому, что в историческом тупике, в котором находится капитализм, методы империалистические, методы версальского мира, методы вооруженного кулака, методы Фоша, Пуанкаре—себя исчерпали. Франция ничего не может получить с Германии. Франция не может платить своих долгов. Между Англией и Францией антагонизм. Америка не хочет отказаться от получения уплаты по долгам. И среди мелкобуржуазных и буржуазных элементов в силу реакции накопляются настроения реформистско-пацифистские, что нужно как-нибудь договориться Германии с Россией, России с Англией и т. д. Поток бешеных иллюзий войны и победы, шовинизма, национализма, империалистические иллюзии, которые захватили и верхи рабочего класса, проникли в массы его, сменяется новой волной иллюзий демократическо-пацифистских. Прежде всего в мелкобуржуазной среде, а затем, отчасти, эта волна перекатывается и на рабочий класс, а за ниточку будет дергать уже крупная буржуазия, которая свое откровенное империалистическое лицо прикроет пацифистско-реформистской маской. Это означает приближение блока левых во Франции, рабочего правительства, правительства, рабочей партии, тамошних трудовиков, с независимыми либералами в Англии.

Если так, если в этих двух странах у власти окажется мелкая буржуазия, пацифистская, руководимая за ниточку крупной буржуазией, то в Германии, конечно воспрянут все надежды, что эти правительства договорятся, уплата будет отсрочена и т. д., т.-е. рикошетом отраженный пацифизм с реформистскими иллюзиями получит, несомненно, известное влияние и в Германии. Худо это или хорошо? Это, повидимому, неизбежно. Это, вероятно, составит известную эпоху в жизни этих стран, может быть, длительную, может быть,—год, может быть,—два. Конечно, события, может быть, развернутся и острее. Если это так, то эта пацифистская волна реакции получит преобладание. Другими словами, это будет эпоха европейской керенщины, т. е непосредственная предпосылка к революции. Конечно, если бы это можно миновать,—это не очень вкусное блюдо керенщина, да еще в мировом масштабе,—это было бы хорошо. Но это не от нас зависит. Наша задача—превратить это в непосредственную предпосылку для завоевания власти. Мировые противоречия колоссальны.

Как было у нас в эпоху керенщины? Сначала под'ем надежды, мир без аннексий и контрибуций и т. п., а потом подошли и поперли за большевиками. У нас это было 9 месяцев—и того короче. Это было в значительной мере благодаря политической примитивности наших условий, головотяпству нашей буржуазии, конечно, дурашливости наших Керенских и благодаря прекрасным качествам нашей партии. Такой другой партии пока еще нет. У них это будет тянуться дольше потому, что и Керенские там похитрее; таблицу умножения, по крайней мере, знают, и партии коммунистические пока слабее.

Для реформизма нет почвы.

Но тут мы подступили к самому критическому моменту. Во-первых, нет ли здесь опасности? Один молодой французский товарищ, Дюре, спрашивает, что если наши коммунистические партии высказываются за частичные лозунги, которые Коминтерн рекомендует, то не собьются ли на реформизме. Тов. Дюре указывает, что 2-й Интернационал вел борьбу за частичные требования и оказался весь из'еденным реформизмом. Это верно. Второй Интернационал имел минимальную программу, и погиб на реформизме, что обнаружилось во время большой войны.

Почему развился этот реформизм и получил такие колоссальные размеры? Да потому, что капитализм находился в стадии роста и под'ема до нашей войны, буржуазия богатела, не только вырывала у более слабых наций богатства, а накопляла богатства и делилась крохами со своего стола, особенно английская буржуазия. Это была тактика буржуазии в течение второй половины 19-го столетия. В Европе и Америке буржуазия не только подавляла рабочих, но и уступала им, маневрировала, лавировала. Почему? Потому, что капитализм рос, и у буржуазии были рессурсы, чтобы это маневрирование производить. Сейчас капиталистическое хозяйство в состоянии распада и, кроме Америки, ни одна страна не поднялась над довоенным уровнем. Англия далеко отстает от довоенного уровня. А число рабочих увеличилось, потребности выросли, во время войны им делали уступки.

Вся обстановка такова, что буржуазия не может дать реформ. Она борется против 8-часового рабочего дня. Там, где он есть, она его отменяет. Она этим путем надеется восстановить равновесие, чтобы в более тесных рамках нажать на рабочий класс. Для реформизма нет почвы. Реформизм был создан не тем, что выдвигал частичные требования, а тем, что буржуазия могла их удовлетворять и обманывать рабочий класс.

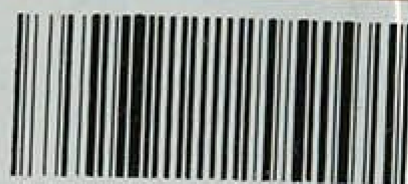
Материальные предпосылки исчезли, но это не значит, что мы можем надеяться на об'ективный ход вещей. Поскольку подготовка к завоеванию власти в Европе (я не говорю про Америку) затянулась на несколько лет после войны и очевидно, еще потребует один-два года, а может быть, и больше, постольку, разумеется, есть опасность, что в эту подготовительную эпоху, при сравнительно малой подвижности рабочего класса, буржуазия через свои демократические агентуры просунет щупальцы к нам в партию, в наши коммунистические партии, тем более, что элементы, восприимчивые к буржуазным влияниям, есть. Это есть во французской партии, есть в итальянской партии, есть среди максималистов элементы, пацифистски реформистски настроенные.

Компартии должны быть готовы.

И здесь встает политически-партийный вопрос во всем свое об'еме. В тот момент, когда эта пацифистски-реформистская волна, о неизбежном присутствии которой я говорил, как об отрыжке после великих испытаний войны и разочарований, когда эта волна поднимет и захватит большую часть рабочего класса в Англии, в значительной мере во Франции и в Германии и после этого последует величайшее разочарование с ненавистью и проклятием, как это было у нас по отношению к Керенщине, то нужно, чтобы рабочий класс, когда он отрезвится от своих пацифистско реформистских иллюзий, на него надвигающихся, не стал бы искать партий, которая его не обманула. Другими словами, чтобы он сразу узнал, что в этот период коммунистическая партия, еще охватывающая меньшинство рабочего класса, не сдала своей позиции, не разделяла этих предрассудков, а была твердой и революционной. И тогда прилив к этой партии может получить такой мощный стихийный размах, как это было у нас в августе, сентябре 1917 года.

Для этого партия должна отличаться величайшей сплоченностью и должна в этот период укрепить и очистить себя от реформистов и пацифистов, которые имеются. Генеральный секретарь французской партии тов. Фроссар говорит, что партия есть единое содружество (грандамитие). Это, конечно, очень хорошая формула, но право на эту формулу нужно завоевать. Французский коммунизм этого права пока еще не завоевал. Прежде чем партия становится великим содружеством она должна произвести отбор индивидуальный и групповой очень тщательно и, где нужно беспощадный и только через великий отбор партия может стать великим содружеством, которая в революционный момент не сдает позиции, а завоюет власть. (Бурные аплодисменты).

B000000220821 18